

А. САПКОВСКИЙ Т. ПРАТЧЕТТ С. ЛОГИНОВ КИР БУЛЫЧЕВ Я. ДУКАЙ В. АРЕНЕВ

ДЕВЯТНАДЦАТЬ СТРАЖЕЙ

НА ГРАНИ МИРОВ

Коллектив авторов

Девятнадцать стражей (сборник)

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1973, 1980, 1995, 2000, 2001, 2007,
2011, 2012, 2013, 2014, 2016, 2017

УДК 821-312.9
ББК 84(0)-445

Коллектив авторов

Девятнадцать стражей (сборник) / Коллектив авторов —
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1973, 1980, 1995,
2000, 2001, 2007, 2011, 2012, 2013, 2014, 2016, 2017

ISBN 978-617-12-3166-5

Там, где смыкаются миры, стоят они — стражи, которым суждено хранить границы, обозначать пределы. В средневековой Британии и на экзотических планетах, на архипелаге, где сильна магия моря, и посреди Кракова, пережившего войну миров, — везде найдутся те, кому нужна помощь. В новой антологии «Девятнадцать стражей» лучшие авторы из Украины, Великобритании, Китая, Литвы, Молдовы, Польши и России рассказывают яркие, увлекательные истории о чести, которая превышает смерти, о долге, который сильнее любых невзгод. Пустынные ветры колонии далекого фронта, скандинавская магия, мир ведьмака Геральта, вселенная, в которой маги странствуют к иным планетам, — все это и многое другое ждет вас на страницах этого сборника.

УДК 821-312.9

ББК 84(0)-445

© Коллектив авторов, 1973, 1980,
1995, 2000, 2001, 2007, 2011, 2012,
2013, 2014, 2016, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1973, 1980, 1995, 2000,
2001, 2007, 2011, 2012, 2013, 2014,
2016, 2017

ISBN 978-617-12-3166-5

Содержание

От составителя	6
Терри Пратчетт	8
Алексей Геденов	18
Павел Майка	25
Наталья Осяну	43
Майя Лидия Коссаковская	67
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Девятнадцать стражей

- © Владимир Аренев, составление, 2017
- © Алексей Геденов, «Сестрица Свиристель», 2017
- © Наталья Осояну, «Жемчужная Гавань», 2017
- © Ольга Онойко, «Степь», 2017
- © Владимир Серебряков, «В крошечный океан», 2017
- © Святослав Логинов, «Дарид», 2017
- © Борис Штерн, «Чья планета?», 1980
- © Федор Чешко, «Четыре Уха и блестящий Дурак», 2001
- © Кир Булычев, «Снегурочка», 1973
- © Сергей Малицкий, «Кегля и Циркуль», 2017
- © Владимир Аренев, «Дело о песчаной совке», 2017
- © Maja Lidia Kossakowska, «Gringo», 2007
- © Paweł Majka, «Tam pracuj, ręko moja, tam świszaj, moj biczu», 2016
- © Jacek Komuda, «Zapomniana дума», 2014
- © Robert M. Wegner, «Jeszcze jeden bohater», 2012
- © Andrzej Sapkowski, «Droga, z której się nie wraca», 2000
- © Jacek Dukaj, «Ruch Generala», 2011
- © Ken Liu, «The Plague», 2013
- © Terry Pratchett, «Once and Future», 1995
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

Переведено по изданиям: Kossakowska M.-L. Gringo // A.D. XIII. – t.2 – 2007; Majka P. Tam pracuj, ręko moja, tam świszaj, moj biczu. // Geniusze fantastyki. – 2016; Komuda J. Zapomniana дума // Opowieści z Dzikich Pól. – 2014; Wegner R.-M. Jeszcze jeden bohater // Herosi. – 2012; Sapkowski A. Droga, z której się nie wraca // Coś się kończy, coś się zaczyna. – 2000; Dukaj J. Ruch Generala. // W Kraju Niewiernych. – 2011; Liu K. The Plague. – 2013; Pratchett T. Once and Future // Camelot. – 1995

«Once & Future» was first published in Camelot, edited by Jane Yolen, Philomel Books, New York, 1995. Reproduced here by permission of Colin Smythe Limited

Произведение Анджея Сапковского публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, NOWA Publishers (Польша) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

От составителя

Эта книга, дорогой читатель, – о новых мирах и границах между ними. И о тех, кто стоит на страже этих границ. Эта книга о странствиях и о сражениях и, конечно, – о чужом, инаковом, о том, кто живет по ту сторону барьера.

О том, кого в конце концов нужно понять.

Наша антология продолжает серию, начатую книгами «Век волков» и «Странствие трех царей», – в нее вошли истории, написанные авторами из Великобритании, Китая, Латвии, Молдовы, Польши, России и Украины. Если первые две книги рассказывали о волшебных существах, которые живут на Земле, рядом с нами, то для третьей мы подбирали истории о необычных мирах, так что даже если это наш родной мир – он изменен до неузнаваемости.

Почти все рассказы и повести из «Девятнадцати стражей» новые. Исключение – классические истории от блестящего киевского стилиста Бориса Штерна и прекрасного рассказчика Кира Булычёва. Ах да, и, разумеется, Анджей Сапковский – его «Дорога без возврата» выходит в новом, выверенном переводе и с предисловием автора.

Сэр Терри Пратчетт приглашает нас в путешествие к истокам легенд о короле Артуре. Обладатель многочисленных премий – в том числе «Хьюго» и «Небьюлы» – китайский фантаст Кен Лю позволит нам увидеть мир одновременно с двух точек зрения и таким образом – хотя бы мысленно – преодолеть барьер непонимания.

Сложный, насыщенный текст повести «Ход Генерала» – один из самых серьезных вызовов сборника, один из самых сложных рубежей. Но ее автор, Яцек Дукай, не зря считается в Польше идейным наследником Станислава Лема: эта повесть не только будит воображение, но говорит о вещах, которые важны для нас здесь и сейчас.

Не менее популярен в Польше и Роберт Вегнер. Известен он благодаря циклу «Легенды Меекханского пограничья», мы же предлагаем читателю внецикловую повесть «Еще один герой». Это редкий в наших краях пример религиозной фантастики, но в то же время это – мощная, грозная история в антураже космооперы. В 2012 году она получила престижную награду – премию имени Януша Зайделя.

Майя Лидия Коссаковская – тоже лауреат этой премии, правда, за роман «Гриль-бар „Галактика“». «Гринго» же – самостоятельная история из цикла, который сделал Коссаковскую знаменитой: рассказ о мире, где ангелы существуют и вмешиваются в дела людей.

У Павла Майки, напротив, ангелов нет, но есть целая галерея разнообразных существ, которые населяют Землю после войны миров; «Там трудись...» рассказывает нам о буднях следователей в послевоенном Кракове.

Если Майка и Коссаковская нашим читателям скорее всего неизвестны, то уж рассказы Томаша Колодзейчака запомнились многим. Новая его история – в новом мире, во вселенной «Солярного Доминиона», и мы надеемся, как и в случае с остальными авторами, это только начало знакомства с их мирами.

Переосмысление мифов – еще один излюбленный прием в фантастике. Миф требует обновления, новых одежд, новых голосов. Ольга Онойко, Алексей Гедеонов, Сергей Малицкий и Святослав Логинов обращаются к этому приему, и в каждом случае пересечение границы между обыденной и сказочной реальностью приводит к разным результатам. В конце концов, и «обыденное»-то в каждом случае – вещь условная и относительная.

Точно так же понятия магии и высоких технологий способны перетекать одно в другое, как мы не раз увидим это – например, в истории латвийского писателя Владимира Серебрякова или у харьковчанина Федора Чешко. Да и в повести «Дело о песчаной совке» Владимира Аренева за привычными названиями скрываются не совсем обычные реалии...

А впрочем, иногда магия – это просто магия, данность, правила игры в том или ином мире. И – как любые правила игры – они лишь инструмент в руках умелого рассказчика, что в который раз доказывает писательница и переводчица из Молдовы Наталья Осяну.

Границы между мирами лишь обозначают их – этих миров – существование, но по-настоящему понять мир – это значит шагнуть в него. Что бы ни придумали писатели, их истории не состоятся до тех пор, пока их не откроют, пока их не прочтут. Поэтому-то в названии нашей антологии стражей девятнадцать, а историй – всего восемнадцать.

Ты, читатель, девятнадцатый – самый главный страж. Добро пожаловать и приятного чтения!

Терри Пратчетт Для былого и грядущего (Перевод Ефрема Лихтенштейна)

И когда отошли заутреня и ранняя обедня, вдруг узрели люди во дворе храма против главного алтаря большой камень о четырех углах, подобный мраморному надгробию, посредине на нем – будто стальная наковальня в фут вышиной, а под ней – чудный меч обнаженный и вокруг него золотые письма:

КТО ВЫТАЩИТ СЕЙ МЕЧ ИЗ-ПОД НАКОВАЛЬНИ,
ТОТ И ЕСТЬ ПО ПРАВУ РОЖДЕНИЯ
КОРОЛЬ НАД ВСЕЙ ЗЕМЛЕЙ АНГЛИЙСКОЙ.

*Томас Мэлори. Смерть Артура*¹

Медная жила. Вот с медной жилой у меня возникли трудности.

Все к ней в итоге и свелось. Древние алхимики искали золото. Знали бы они, что мужчина и девушка могут сделать с медной проволокой!..

И приливной мельницей. И парочкой увесистых брусков мягкого железа.

И вот я здесь – с этим смехотворным посохом в руке и переключателем под ногой – жду.

Хотел бы я, чтобы они перестали называть меня Мерлином. Я ведь Мервин. Как выяснилось, тут был один Мерлин – безумный старик из Уэльса, который помер много лет назад. Но о нем уже сложили легенды, которые теперь приклеились ко мне. Наверное, так все время и происходит. Половина знаменитых исторических героев – это на самом деле куча местных парней, которых скатали в одного менестрели. Если вспомнить Робина Гуда... Формально говоря, я его не могу вспомнить, потому что никто из мошенников, которым приписали это имя, еще несколько веков не родится, даже если им и положено существовать в этой вселенной, так что «вспомнить» – неподходящее слово, по крайней мере грамматически. Разве можно вспомнить что-то, чего еще не случилось? Я могу. Почти все, что я могу вспомнить, еще не случилось, – такие дела с этими путешествиями во времени. Ушел сегодня, буду завтра...

Ага, вот еще один. Рослый детина. Ноги как пивные банки – по четыре штуки в пачке, плечи как у вола. И я не удивлюсь, если мозги тоже воловьи. Пятерня как гроздь бананов на рукояти меча...

Ну, нет, парень. Ты не тот. Можешь скрежетать зубами сколько влезет. Ты – не он.

Все, убрался. Руки у него еще несколько дней будут болеть.

Знаете, я, наверное, лучше расскажу вам про это место.

И это время.

Когда бы оно не оказалось...

Меня специально готовили к путешествиям во времени. Главная загвоздка – наиглавнейшая – это выяснить, когда ты оказался. Проще говоря, когда выходишь из машины времени, никто не повесит для тебя табличку «Добро пожаловать в год 500 н. э., преддверье Темных веков, население 10 млн и стремительно сокращается». Иногда можно шагать день напролет и не встретить никого, кто знал бы, какой нынче год, или какой король на троне, или даже – что вообще такое король. Поэтому нужно уметь присматриваться к таким вещам, как церковная архитектура, способ обработки полей, форма плугов – и прочему в том же духе.

¹ Цит. в пер. И. М. Бернштейн. – *Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*

Да-да, знаю, вы видели фильмы, где маленький электронный дисплей сразу показывает, где ты точно очутился...

Забудьте. В этой игре все стоит на навигационном счислении. Очень примитивная штука. Для начала смотришь на созвездия через крошечный прибор, потому что, как они мне сказали, звезды все время движутся и можно очень приблизительно определить, в каком ты времени, просто поглядев на небо и сверившись с градуировкой. Если даже созвездия опознать не получается, лучше быстро убежать и спрятаться, потому что за тобой скорее всего уже охотится какая-нибудь сорокафутовая чешуйчатая тварь.

К тому же тебе выдают справочник по всяким сторевшим сверхновым и «Лунные кратеры в предположительном порядке их возникновения» за авторством Штёфлера². Если повезет, можно выяснить, в когда ты попал – плюс-минус полсотни лет. Потом остается только уточнить дату по положению планет. Просто вообразите себе морскую навигацию во времена... м-м-м, Колумба! Пан или пропал, да? В общем, временна́я навигация – примерно на том же уровне.

Все сказали, что я, должно быть, великий волшебник, раз так долго разглядываю небеса.

А я просто пытался понять, в куда меня занесло.

Небо говорит, что я где-то около 500 года н. э. Так почему же тогда архитектура норманнская, а доспехи вообще пятнадцатого века?

Постойте... еще один идет...

Ну, не Эйнштейн, конечно, но все же... о нет, гляньте только, как ухватился, как разъярился... нет. Он не тот. Не он.

Уж прости.

Так... значит... о чем я? Память как решето стала.

Ах да, архитектура. И говорят все на среднеанглийском, и хорошо, потому что мне так легче, я ведь как-то попал по случайности в 1479 год. Там я и познакомился с Иоганном Гутенбергом, отцом книгопечатания. Высокий, с кустистыми усами. До сих пор должен мне два пенса.

Ладно. Вернемся к этому путешествию. С самого начала было ясно, что все не так, как надо. На этот раз ребята должны были меня отправить на коронацию Карла Великого в 800 году н. э., а попал я мало того, что не в ту страну, так еще, если верить небу, и на три века раньше, чем следовало. Как я уже говорил – бывает. И еще лет пятьдесят должно пройти, прежде чем мы это исправим. Пятьдесят три года, если быть точным, я ведь познакомился с одним парнем в пивной в 1875, а он из нашего будущего – на сто лет вперед, и он мне так сказал. Я сообщил ребятам на Базе, что мы можем сэкономить усилия и просто, ну, купить чертежи следующей модели у кого-нибудь из парней из будущего. Они ответили, мол, если мы нарушим причинно-следственные законы, с большой вероятностью вся вселенная вдруг сожмется в крошечный пузырек шириной в 0,005 ангстрема, но, как по мне, попробовать стоило.

В общем, с медной проволокой мне пришлось изрядно повозиться.

Не подумайте, что я неумеха. Я ведь просто обычный, заурядный парень во всех отношениях, кроме того, что я – один на десять тысяч – могу путешествовать во времени и не свихнуться. Только голова потом слегка побаливает. И к языкам я способный, и хороший наблюдатель. Уж поверьте, такое наблюдать приходилось! Так что коронация Карла Великого обещала быть почти отпуском. Я ведь в тогда уже наведывался, первую поездку оплатили в складчину историки из какого-то университета. Теперь нужно было проверить пару

² И это, безусловно, крайне ценно – учитывая, что Иоганн Штёфлер жил в XV–XVI в. Добавим: и в честь него – несколько позднее – был назван один из лунных кратеров. – *Примеч. ред.*

вопросов, которые возникли у заказчиков, когда те прочли мой отчет. Я уже даже продумал, где буду стоять, чтобы самого себя не увидеть. Но даже если бы я сам с собой столкнулся нос к носу, думаю, сумел бы что-то убедительное наплести. В нашей профессии невольно учишься вешать лапшу на уши.

А потом диод перегорел или вместо единицы где-то возник ноль и я оказался здесь, когда бы это ни было.

И не могу вернуться.

Ладно... о чем бишь я?..

Между прочим, еще одна проблема с медной жилой – это сделать изоляцию. В конце концов пришлось обернуть проволоку тонкой тканью, и каждый слой мы пропитали местным лаком, которым здесь покрывают щиты. И это, похоже, сработало.

И... гм-м... знаете, по-моему, путешествия во времени плохо влияют на память. Будто она подозревает, что все, о чем ты помнишь, еще не случилось, и поэтому портится. Я целые разделы истории забыл. Знать бы хоть, чему вообще они были посвящены.

Извините, минутку. Еще один претендент. Немолодой уже. И довольно сообразительный, судя по виду. Да что там, бьюсь об заклад, он даже имя свое может написать. Но все равно, не уверен. Нет у него...

Нет у него...

Чего же там у него нет?..

...харизмы! Вот, вспомнил.

Ладно. В общем, дальше. Короче говоря, снесло меня аж на три сотни лет – и все сломалось. Видели когда-нибудь машину времени? Скорее всего, нет. Момент перехода очень, очень трудно увидеть, если только свет не ляжет как нужно. Настоящая установка осталась на Базе, так что путешествуешь вроде как внутри механического призрака, ну или в том, что останется от машины, если вытащить все детали. В идее машины.

В общем, представьте себе здоровенный кристалл. Так бы она выглядела – я уже говорил, – если бы свет лег как нужно.

Очнулся я в жалком подобии кровати – просто на куче соломы и вереска, под невообразимо колючим одеялом. А еще рядом была девушка, которая пыталась накормить меня супом. Даже не пробуйте вообразить себе средневековый суп. Они в него бросают вообще все, что не стали бы есть с тарелки, а – уж поверьте – с тарелок они такое едят, что вы бы и в гамбургер не сунули.

Я там пробыл, как потом выяснилось, три дня. А сам даже не знал, что прилетел. Я бродил по лесу в полубессознательном состоянии и пускал слюни. Побочный эффект путешествий во времени. Я уже говорил, что обычно мне удается отделаться мигренью, но судя по тому, что я кое-как помню, это был джетлаг, помноженный на миллион. Зимой я бы наверняка погиб. Были бы рядом скалы или обрывы, свалился бы как пить дать. А так просто врезался в пару деревьев головой, да и то случайно. Повезло еще, что не нарвался на волков или медведей. А может, это они решили со мной не связываться, может, они думают, что, если психа съесть, отравиться можно.

Отец ее был то ли лесорубом, то ли углежогом – что-то в этом роде. Я этого не выяснил – или выяснил, а потом забыл. Но точно помню, что он каждый день уходил из дому с топором. Он меня нашел и принес домой. Потом я узнал, что он меня принял за дворянина, потому что я был «богато одет». На мне были джинсы «Levi's», чтоб вы понимали. У него было два сына, и они тоже каждый день уходили в лес с топорами. Мне все никак не удавалось с ними поговорить до того самого дня, как с их отцом приключился несчастный случай. Не умел он, похоже, обращаться с топором.

Но Нимуэ... Какая девушка. Было ей всего-то... гм-м...

– А сколько тебе было лет, когда мы познакомились?

Она вытирает ладони тряпкой. Нам пришлось смазывать соединения свиным салом.

– Пятнадцать, – отвечает она. – Наверное. Слушай, до отлива еще час, но я не думаю, что гиниратар столько протянет. Он уже премного трясется.

Она пристально разглядывает собравшихся аристократов.

– Матерь Божья, какое сборище бычков, – говорит она.

– Качков.

– Да. Качков.

Я пожимаю плечами:

– Один из них станет твоим королем.

– Не моим, Мервин. У меня никогда не будет короля, – заявляет она и ухмыляется.

Заметно, что она многому научилась за двенадцать месяцев. Да, я нарушил все правила и рассказал ей правду. А почему нет? Я нарушил правила, чтобы спасти эту треклятую страну, и вовсе не похоже, чтобы вселенная собиралась сжаться в шарик шириной в 0,005 ангстрема. Во-первых, я думаю, что это не наш временной поток. Тут все неправильно, как я уже говорил. Похоже, меня выкинуло в какую-то другую историю. Может, в историю, которая никогда и не будет существовать иначе, чем у людей в головах, потому что путешествие во времени – это ведь тоже фантазия. Слыхали, как математики говорят о мнимых числах, которые при этом действительные? Так вот, я думаю, что это мнимый мир, который при этом действительный. Или реальный. Мне-то откуда знать? Может, если достаточно много народу во что-то поверит, оно и станет реальным.

Я оказался в Альбионе, хотя узнал об этом намного позднее. Не в Британии. Не в Англии. В стране очень на них похожей, в стране, с которой у них много общего – настолько много, что, наверное, идеи и истории перетекают на другую сторону, – но в реальности вполне самостоятельной.

Только что-то где-то пошло не так. Кого-то не хватало. Тут должен был появиться великий король. Сами впишите его имя. И он где-то здесь, в толпе. Повезло ему, что я оказался рядом.

Хотите, чтобы я описал этот мир? Хотите услышать про турниры, знамена и замки? Ладно. Всего этого добра тут полно. Но остальное вроде как покрылось слоем грязи. Разница между хижинкой среднего крестьянина и свиноматкой в том, что хороший фермер иногда меняет в свиноматке солому. То есть поймите меня правильно: насколько я вижу, никто никого особо не угнетает. Рабства нет как такового, если не считать того, что они все в рабстве у традиции. Я в том смысле, что демократия, конечно, несовершенна, но мы хотя бы не позволяем мертвецам переголосовать ныне живущих.

И поскольку нет сильного лидера, в каждой долине сидит претендент на престол, который бо́льшую часть времени тратит на свары с другими претендентами, так что вся страна фактически пребывает в состоянии вялой войны. И все как один гордо шагают по жизни криво только потому, что предки так ходили, и никому на самом деле ничего не нравится, а добрые поля зарастают быльем...

Я сказал Нимуэ, что прибыл из другой страны, – и это, в общем-то, было правдой.

Я с ней много разговаривал, поскольку только у нее одной там и варил котелок. Она была худенькая, невысокая и всегда настороже – как бывают настороже птицы. Я сказал, что нарушил правила, чтобы спасти страну, но, если честно, я все сделал ради нее. Она оказалась единственным ярким созданием в этом глинобитном мире, с ней легко и приятно, она быстро учится и – в общем, я видел, во что женщины тут превращаются к тридцати. Никто такого не заслужил.

Она со мной разговаривала и слушала меня, пока возилась по дому, если можно назвать работой по дому переметывание мусора с места на место, пока он не рассеется.

Я ей рассказал о будущем. Почему бы и нет? Какой от этого вред? Но особого впечатления на нее не произвел. Думаю, она слишком мало знала, чтобы поразиться. Люди на Луне для нее оказались примерно в том же разделе, что фэйри и святые угодники. Но вот водопровод вызвал у нее живой интерес, потому что каждый день ей приходилось ходить к ручью с двумя деревянными ведрами и коромыслом.

– И в каждой хижине такой есть? – спросила она, пристально глядя на меня поверх метлы.

– Конечно.

– Не только у богатых?

– У богатых больше ваннных комнат, – ответил я, а потом пришлось объяснять, что такое «ванная комната».

– Да вы сами здесь такой можете устроить, – сообщил я. – Нужно только поставить плотину на ручье повыше в холмах и найти... кузнеца или кого-то, кто скует медные трубы. Или свинцовые. Или железные, в крайнем случае.

Она опечалилась.

– Мой отец никогда этого не разрешит, – сказала Нимуэ.

– Но он же наверняка поймет все преимущества водопровода? – возразил я.

Девушка пожала плечами:

– Какие преимущества? Ему ведь не приходится таскать на своем горбу ведра с водой.

– М-да.

Но с тех пор, когда не была занята по дому, она стала ходить за мной. Я всегда говорил: женщины были куда больше заинтересованы в новых технологиях, чем мужчины. Иначе мы бы до сих пор жили на деревьях. Водопровод, электрическое освещение, печи, которые не надо топить дровами, – думаю, за половиной великих изобретателей стояли жены, которые изводили их: мол, придумай более удобный способ работы по дому.

Нимуэ ходила за мной, как спаниель, пока я разгуливал по деревеньке – если вообще можно так назвать горстку хижин, похожих больше на отложения последнего ледникового периода или, возможно, динозавра, у которого были очень серьезные проблемы с кишечником. Она даже отвела меня в лес, где я в конце концов нашел свою машину в зарослях терновника. Починке не подлежит. Одна надежда, что кто-нибудь меня подберет, если ребята когда-нибудь высчитают, куда меня занесло. А я знал, что они никогда за это не примутся, потому что если бы принялись, уже были бы здесь. Даже если пришлось бы десять лет высчитывать, они ведь все равно смогли бы прилететь в Здесь и Сейчас. В том-то и прелесть путешествий во времени: у тебя его сколько угодно.

В общем, меня бросили.

Однако мы, опытные путешественники, всегда берем с собой кое-что – на черный день. У меня под сиденьем лежал целый ящик барахла. Несколько небольших золотых слитков (их принимают повсюду, как самые лучшие кредитки). Перец (во многих веках стоит больше золота). Алюминий (редкий и драгоценный металл в дни до появления дешевой электроэнергии). И семена. И карандаши. Столько лекарств, что впору открывать аптеку. И не надо мне рассказывать про травяные отвары – человечество веками орало от боли и пыталось лечить гнойные нарывы на деснах любой зеленой дрянью, какая только росла в окрестной грязи.

Она по-совиному смотрела, пока я перебирал барахло и объяснял, что для чего предназначено.

А на следующий день ее папаша раскроил себе ногу топором. Братья принесли его домой. Я его заштопал и – под ее внимательным взглядом – обработал рану. Через неделю он уже снова ходил на своих двоих вместо того, чтобы стать калекой или помереть от гангрены,

а я сделался героем. Точнее – поскольку мускулов, какие должны быть у героя, у меня-то не было, – я стал волшебником.

Чистое безумие – так поступать. Нельзя вмешиваться. Но... какого черта! Меня бросили! Домой мне уже не вернуться. Так что мне было плевать. А я мог исцелять, и это так же круто, как убивать. Я их учил азам гигиены. Рассказывал про репу и проточную воду, про основы медицины.

Боссом в этой долине был вполне добродушный старый рыцарь по имени сэра Эктор. Нимуэ его знала. Я удивился, но зря, конечно. Старик от своих крестьян недалеко ушел и, похоже, всех их знал в лицо, да и богаче не был, если не считать родовой истории, которая оставила ему в наследство полуразвалившийся замок и проржавевшие латы. На один день в неделю Нимуэ уходила в замок, чтобы прислуживать его дочери.

После того как я удалил больной зуб, который жизни ему не давал, старина Эктор поклялся в вечной дружбе и позволил мне всем тут заправлять. Я познакомился с его сыном, Кеом, рослым, сердечным парнем с воловьими мышцами и, вероятно, воловьими же мозгами. И была еще эта дочь, которой меня, кажется, никто не хотел по форме представить – наверное, потому, что она была очень красива, тихой, нездешней красотой. У нее был такой взгляд, который будто читает все у тебя в черепе. Они с Нимуэ ладили, как сестры. В смысле – как сестры, которые хорошо друг с другом ладят.

В общем, я стал в этих краях большим человеком. Поразительно, какое впечатление можно произвести при помощи пригоршни лекарств, основ естественных наук и хорошей порции лапши на уши.

Бедный старый Мерлин оставил по себе дырку, в которую я влился, как вода в чашку. Не осталось во всей стране человека, который бы не стал меня слушать.

И как только у нее выдавалась свободная минутка, Нимуэ ходила за мной и следила за всем, словно серьезный совенок.

Думаю, в то время я мечтал, как янки из Коннектикута, единолично загнать все это общество в двадцатый век.

Но с тем же успехом можно пытаться сдвинуть море шваброй.

– Но они ведь делают все, что ты им говоришь, – заметила Нимуэ.

По-моему, тогда она мне помогала в лаборатории. Я ее называю лабораторией, хотя это просто комната в замке. Я пытался добыть пенициллин.

– Вот именно! – отозвался я. – А какой в этом прок? Как только отвернусь, они тут же возвращаются к старым привычкам.

– Ты же вроде говорил, что «димакратия» – это когда люди делают все, чего хотят, – заметила она.

– Такая демократия тоже бывает, – ответил я. – И нет ничего дурного в том, чтобы люди делали все, чего хотят, пока они делают все правильно.

Она задумчиво прикусила губу:

– Что-то тут не вяжется.

– Ну, вот так все работает.

– А когда у нас будет... будет «демократия», каждый муж будет решать, кто станет королем?

– Да, что-то вроде того.

– А женщины что будут делать?

Вот это стоило бы обдумать.

– Ну, им тоже положено право голоса, – заявил я. – Рано или поздно получают. Некоторое время на это уйдет. Не думаю, что Альбион уже готов к тому, чтобы женщины голосовали.

– Женщины и так уже голосят, – с непривычной горечью бросила она.

– Голосуют. Я имел в виду, они тоже имеют право голоса.

Я похлопал ее по руке.

– В любом случае, – добавил я, – с демократии начинать не приходится. Приходится сперва повозиться с такими штуками, как тирания и монархия. Зато люди потом так рады от них избавиться, что готовы уже держаться и за демократию.

– Раньше люди делали то, что им приказывал король, – сказала она, аккуратно отмеряя по мелким площадкам молоко и хлеб. – Верховный король. Все делали, что велит верховный король. Даже меньшие короли.

Я уже слышал про этого их верховного короля. Под его рукою, ясное дело, земля так наполнилась молоком и медом, что людям приходилось в болотных сапогах скакать. Меня на такую ерунду не купишь. Я человек практичный. Обычно, когда говорят о великом прошлом, просто пытаются оправдать свое весьма посредственное настоящее.

– Да, такие люди многое могут изменить, – сказал я. – Но потом они умирают, и история показывает...

Точнее, «история покажет», но ей я не мог так сказать.

– ...показывает, что все становится даже хуже, чем было, когда они умирают. На том стоим.

– Это то, что ты называешь «фигурой речи», Мервин?

– Ага.

– Говорят, остался ребенок. Король его где-то спрятал до того часа, пока дитя не войдет в возраст, чтобы защитить себя.

– От злобных дядьев и другой родни?

– Ничего не знаю про дядьев. Но люди говорят, что многие короли ненавидели власть Утера Пендрагона.

Она выставила плошки на подоконник. Учтите, я вообще мало что знаю про пенициллин. Поэтому просто выращиваю плесень – и надеюсь.

– Почему ты так на меня смотришь? – спросила она.

– Утер Пендрагон? Из Корнуолла?

– Ты знал его?

– Я... ну... хм-м... да. Слышал о нем. У него был замок под названием Тинтагель. И он был отцом...

Она пораженно уставилась на меня. Пришлось попробовать иначе:

– Он был здесь королем?

– Да!

Я не знал, что ей сказать. Подошел к окну и выглянул наружу. Ничего особенного, только лес. И не чистенький лес, в котором живут эльфы Толкина, а глухой, промозглый лес, всюду мох и гнилая древесина. Он понемногу отвоевывал землю. Слишком много войн, слишком мало крестьян, чтобы пахать поля. А где-то – скрывается истинный король. Ждет своего часа, ждет...

Меня?

Король. Не какой придется старый король. Тот самый король. Артур. Артос Медведь. Король Былого и Грядущего. Круглый стол. Век рыцарства. Он ведь никогда не существовал на самом деле.

Но здесь... Может быть.

Может быть, здесь, в этом мире, в который можно попасть на сломанной машине времени, в мире, который не совсем воспоминание и не совсем история...

И только я знаю, о чем говорит эта легенда.

Я. Мервин.

Его власть и мой, гм-м, опыт... какая же из нас может получиться команда!..

Я посмотрел на ее лицо. Теперь уже чистое, как озерная гладь, но немного встревоженное. Похоже, вообразила, что старый Мервин сейчас снова разболеется.

Помню, я принялся барабанить пальцами по холодному подоконнику. В замке-то нет центрального отопления. И зима близко. Разоренной стране зимой придется нелегко.

И тогда я воскликнул:

– О-о-о-о-о!

Она чуть не подпрыгнула.

– Тренируюсь, – объяснил я и попробовал еще раз – О-о-о-о-о-о-о, внемлите, внемлите мне!

Неплохо, уже совсем неплохо.

– Внемлите, о мужи Альбиона, внемлите мне. Я, Мервин, через букву «В», взываю к вам. Да разнесется весть, что явлен Знак – должно прекратить все войны и избрать по праву истинного короля Альбиона... О-о-о-о-кхе-кхм.

Она была уже близка к панике. В дверь заглядывала пара слуг. Я их отослал прочь.

– Ну как? – спросил я. – Впечатляюще, да? Или нужно еще поработать немного?

– А каков был тот Знак? – прошептала она.

– Традиционно, – ответил я, – меч в камне, который сможет вытащить только законный наследник.

– Но как же это возможно?

– Еще не уверен. Придется придумать способ.

Это было несколько месяцев назад.

Самое очевидное – это какой-то запорный механизм...

Нет, само собой, я не поверил, что где-то на окраинах бродит мистический истинный король. Я себе все время это повторял. Но с большой вероятностью мог найтись парень, который бы хорошо смотрелся на коне и которому хватило бы ума прислушиваться к советам некоего волшебника, совершенно случайно оказавшегося рядом. Я уже говорил: я – человек практичный.

Ладно... о чем бишь я? Ах да. Все механические запоры пришлось в итоге исключить. Оставалось электричество. Как ни странно, собрать кустарный электрогенератор куда проще, чем кустарный паровой двигатель. Самое главное – наладить соединения.

И медная жила.

Нимуэ придумала в итоге, как ее добыть.

– Я видела у дам красивые ожерелья из золотой и серебряной проволоки, – сказала она. – Ювелиры, что их изготовили, верно, сумеют сделать такую из меди.

Разумеется, она была права. Сам не знаю, чем я думал. Они просто протягивали тонкие полоски металла через дырочки в стальных пластинах, постепенно уменьшая толщину. Я отправился в Лондон и отыскал пару смекалистых ювелиров, а потом заказал у кузнеца побольше стальных пластин с дырочками, потому что мне нужна была проволока в промышленных, а не ювелирных масштабах. К тому моменту у меня уже сложилась соответствующая репутация, так что никому и в голову не пришло спросить, зачем мне все это понадобилось. Впрочем, я мог и ответить: «Ну, половина пойдет на генератор, а остальное – на электромагниты в камне». И что бы они поняли? Другой кузнец сделал мне пару сердечников из мягкого железа и соединения, и мы с Нимуэ потом часами наматывали катушки и покрывали шеллаком каждый слой.

С приводом вышло проще. В этой стране было пруд пруди мельниц. Я выбрал приливную, потому что они надежные, а эта вдобавок располагалась на живописном берегу моря. Я знаю, что по легенде все это нужно было устраивать в Лондоне или Винчестере, но пришлось двинуть туда, где была энергия, да и картина получилась зрелищная – на берегу, под мерный рокот волн о скалы, и все такое.

Камень – это самое легкое. Еще с римских времен сохранилась технология изготовления бетона. Сам себя похваляю: я облепил электромагниты очень даже симпатичным валуном. Мы все закончили за несколько дней до даты, на которую я назначил великое состязание. Мы его обтянули завесой из ткани, хотя, думаю, местные жители даже за все богатства мира не решились бы подойти к камню.

Нимуэ нажимала на переключатель, а я аккуратно вставлял и вынимал меч.

– Выходит, ты – король, – с ухмылкой заявила она.

– Нет, не я. Не выйдет из меня правителя.

– Почему? Что для этого нужно?

– Узнаем, когда увидим. Нам нужен мальчик с властительным видом. Такой парень, за которым пойдут люди, уставшие от войн.

– И ты уверен, что найдешь такого?

– Если не найду, значит, во вселенной что-то поломалось.

У нее появилась привычка так по-особому ухмыляться. Не то чтобы совсем насмешливо, но мне все время становилось немного не по себе.

– И он будет тебя слушать?

– Это в его же интересах! Я здесь волшебник. И ни единый муж во всей стране не сумеет меня перехитрить, девочка моя.

– Хотела бы я быть такой же умной, как ты, Мервин, – сказала она и снова ухмыльнулась.

Вот ведь дурочка...

Но вернемся к настоящему. Путешествие во времени! Сосредоточиться. Скалы, прибой, берег. И меч в камне.

Постой-ка... постой...

Кажется...

Да.

Вот этот подходит.

Худощавый юноша, вовсе не хвастливый, но к камню идет так, будто уверен в своей судьбе. Одежда потрепанная, но это не беда, не беда, с этим мы позже разберемся.

Люди ему дают дорогу. Поверить не могу! Просто вижу, как раскрывается Предназначение, точно шезлонг.

Под капюшоном лица толком не разглядеть. Широкий такой капюшон, какой носят крестьяне, но смотрит парень прямо на меня.

Неужто подозревает? И неужели он – настоящий?

Где же он прятался все эти годы?

Ладно, сейчас это не важно. Нужно ловить момент. Чуть-чуть переместить свой вес, чтобы нажать ногой на прикопанный переключатель и обесточить камень.

Господи боже, да он даже не пытается прикладывать усилия. И вот вверх взлетает меч – красота да и только.

И все ликуют и кричат, а он размахивает клинком в воздухе, и солнце выглянуло из-за облаков и так все осветило, что даже я сам не устроил бы лучше. Дзинь!

Вот и все. Теперь-то им придется прекратить свары. У них теперь есть король, и никто с этим не посмеет поспорить, потому что все видели чудо. Светлое будущее и все в том же духе.

И разумеется, ему потребуются советы какого-нибудь очень похожего на меня мудреца.

И вот он отбрасывает капюшон, и... ее светлые волосы рассыпаются по плечам, а толпа замолкает, будто вмиг заледенела.

Но это вам не кисейная барышня. Она улыбается, как тигрица, и выглядит так, будто может этим мечом кому-то серьезно испортить жизнь.

Думаю, «властная» – подходящее слово.

Она их провоцирует, мол, возражайте – и никто не решается.

Все видели чудо.

И не очень-то она похожа на человека, которому нужны советы. Слишком уж умна, как на мой вкус. И взгляд такой же, как тогда, когда я ее впервые увидел в замке Эктора, словно душу читает. Господи помилуй всех мелких королей, которые не будут ей беспрекословно послушны.

Я искоса гляжу на Нимуэ. Она невинно улыбается.

Не могу вспомнить. Она ведь сказала «ребенок», но, кажется, не говорила «сын»?

Я-то думал, что управляю мифом, а выходит, оказался просто одним из актеров.

Наклоняюсь к уху Нимуэ:

– Просто ради интереса... как ее зовут? Я в первый раз не расслышал.

– Урсула, – по-прежнему с улыбкой отвечает она.

Ага. Ursula – по-латыни «медведица». Мог бы и сам догадаться.

Ну и ладно. Ну и ничего. Лучше подумать, где бы добыть добрую выдержанную древесину на Круглый Стол. Хоть режь меня, не знаю, кто же будет за ним сидеть. Но уж точно не тупоголовые рыцари в жестяных трусах.

Если бы я не вмешался, ей бы никогда не представился шанс, да и теперь – какие у нее шансы? Какие шансы?

Я посмотрел ей в глаза, встретил ее взгляд.

Я вижу будущее.

Интересно, как скоро мы откроем Америку?

Алексей Гедеонов Сестрица Свиристель

– Темная вода, близкая беда, крапива-лебеда...

Снова я сбилась! Проклятая трава! Так и норовит спустить петлю – и жалить, жалить, жалить...

Ну крапива, ну змея – не зря женского рода! Как еще ей обратить на себя внимание? Только ядом. Зацепит, ужалит, хлестнет – может, хоть кто-то глянет... пусть и с омерзением.

Так смотрели на меня они – королевичи, сыновья, братья. Наследники королевы Оды и ее ярла. Ведь кто я? – ничтожная пустышка, и кто они? – шестеро сыновей, все перевертыши-лебеди, высокая кровь! Впервые сейд – великая волшебба женщин – покорила мужчинам, пусть и юным. Как гордился отец, как счастлива была мать! – не наследницы, а наследники... неслыханная в наших краях вещь. Оборотни короны.

Экая честь...

Теперь – по порядку. Узелок за узелком, ряд за рядом, день за днем – все молча. Без тишины и старания сеть не сплести. Волшбу тем более. Каким бы ни было начало – в конце все будет по-моему. Я же дева. Старшая в роду. Значит, буду править. Как мама, как бабушка, как Фрейя-Праматерь. Так заведено. Ваны правят, асы подчиняются – ибо без жены нет ни младенца, ни мужа, ни старца.

Так пребудет до конца времен. И дальше.

Сказано: доброй хозяйке – крепкую опору. Мать моя, королева Ода, была доброй хозяйкой.

Сказано: жена да освободит ненадежную опору навеки, для моря и брани. Если сама не желает быть ни в море, ни на поле брани.

Ода бывала на этом поле не раз и не два. Там и нашла себе мужа, воина из-за моря – не иначе как из тех мест, куда улетаются ласточки, слишком темны были его глаза. Говорят, воина этого едва не погубил некий колдун – уж очень сам хотел стать мужем королевы. Да только все кончилось для ворожбита печально: мать продырявила его стрелами. Чтобы другим было неповадно. Ибо ваны правят, асы подчиняются – и нет без жены ни мужа, ни младенца.

Потом родилась я.

К четвертому году моему все поняли – я не могу накидывать перья, не могу предвидеть, не могу повелевать ветрами, не могу говорить с морем... Разочарование. Пустоцвет. Сухое дерево. Что делать с такою недокоролевой?

Правильно – укрыть от людского взора. Понадежнее. В саду у женщины, воспитавшей не одно поколение перевертышей. У Грид, известной также как Птичница. Но правильнее было бы назвать ее тюремщицей. Каргой. Колдуньей. Зловорожьей ведьмой – тем более что в ее жилах явно текла великанья кровь.

Не вольно было отцу и матери запирали меня здесь. Что за варварский обычай – держать наследницу в саду за стеною? Прятать. Обидно и нечестно.

А затем появились они – братья. Шестеро мальчиков. Тройня. Двойня. И последний, младший, самый красивый – с глазами, как лесное озеро, и золотыми волосами. К четвертому году жизни королевичи обучились накидывать перья, говорить с морем, приказывать ветру и видеть ясно – во все стороны трех миров. Им ставили алтари, про них слагали висы. И первым именем у всех было «Сван» – лебедь.

Потом не стало мамы. Оды. Королевы.

А дальше все как обычно – да любой скальд вам про такое споет. Младшая сестра моей матери заняла трон. И зачем-то взяла себе в ярлы нашего отца. Так и появилась у меня теткамачеха, она же королева. И это все неправильно – ведь править должна была я.

У Птичницы в саду, укрытая от всех, искала я веселья, мести и мудрости, а обрела умение, и не последнее – научилась гальдру, великой магии мужей. Стала окрашивать знаки – писать руны кровью, и сад перестал быть темницей, покорился. Все травы, кусты и деревья поклонились мне – все, кроме роз. Их напоила я своей печалью до смерти: горе гордых самое горькое.

Я решила явиться во дворец не мешкая, в полном облачении, подобно воительницам древности и Девам Валгаллы, показать отцу, чего стоит старшая дочь.

Я расписала знаками лицо и тело. Я облачилась в доспехи моря и леса. Я опоясалась древним ремнем из бронзовых бляшек, взяла копье. И сто раз об этом пожалела. Копье было тяжелым, и нести его было неудобно.

Отцовы черные псы, едва увидев меня, взвыли, но кто стал бы слушать глупых тварей! Я превратила их в кусты – в дерезу. Ласточки нажились было на меня на мосту, но я превратила их в одуванчиковый пух – невесомый и неопасный.

Так я шла, поднималась и попала в тронный зал. Отец даже не глянул в мою сторону.

– Илзе, бедная девочка! – сказала мне самозванка с лицом матери. – Что ты сделала с собой? Эти царапины у тебя на щеках... и ореховая настойка... лицо теперь все черное. А что в волосах? Это смола? Зачем? А для чего ты голая и вымазана синим? Пойдем скорее в купальню, я вымою тебе голову.

И она, королева, – вот так просто сошла ко мне, отобрала копье, накинула на меня плащ, и мы отправились в мраморную, всю убранную гобеленами и занавесями купальню. Там королева велела мне войти в воду, взяла трех ясписовых жабок, поцеловала каждую и сказала:

– Эту я посажу тебе на лоб. Она заберет твои злые мысли, и ты избавишься от боли в голове. Эту я посажу тебе на сердце, – сказала королева про вторую. – Она возьмет на себя тяжести, что происходят от обид и злонравия. А эту, – прошептала королева, – я посажу тебе на лоно, и благословение Праматери пребудет с тобой в наши лунные дни. Отвадит боль.

Затем она опустила фигурки в прозрачную воду – одна жабка села мне на лоб, вторая на грудь, третья на лоно – и я закричала от страха. И вода тотчас позеленела, а жабки раскалились, словно уголья, затем потемнели и стали вопить тонкими голосами. Из воды высунились бледные, словно могильные черви, цветы – распахнули свои зубастые пасти, проглотили жабок, после – зашарили по моему телу, точно слепые котята, ищущие сосцы матери...

Королева ахнула, опустилась на колени, подула на воду, затем провела по ней ладонью. Вода стала опять прозрачной, и по ней поплыли три красных мака.

– Сейчас я хорошенько вымою тебе голову, – сказала королева. – Если будешь пищать, отшлепаю мочалкой.

– Но ведь... – начала было я.

– А если будешь болтать – горький мыльный корень попадет в рот.

После она предложила мне теплое вино с пряностями и фрукты.

– Наверное, ты знаешь, Илзе, что ни одна из нас не способна по-настоящему навредить другой? Все мы дочери Праматери, все сестры под покровом ее, – сказала королева наставительно. – И впредь не мучь своими дикоцветами моих жабок. Оботрись получше, я уберу тебя сообразно чину, тебе пора домой, скоро вечер.

Я покорилась.

И что с того, что она сестра матери? Королева она незаконная, я даже вису об этом сложила. Невелико умение – надевать и сбрасывать перья, гаги на скалах справляются с этим безо всякой волшбы. И что проку вызывать ветер простым сопением, когда любая рыбачка

умеет это не хуже королевы. Другим теткам, может, и морочит голову, но я-то вижу – она лишь подобие, тень. Кривляка и двурушница. Как и положено женщине, она правит, верховодит ярлами, шлет гонцов, пялится в свое зеркало или же в воду. Охраняет пасынков – а как же, такие большие, важные птицы. Мужики-оборотни. Диковина, тоже мне. Тоска.

В чертог свой я вернулась в крытом возке, утыканном бронзовыми листьями и птицами. Разодетая в золотую парчу, тонкий бархат и другие королевские обноски. Перед калиткой моею три раза трубили в горны, и я слышала, как там, в пустом и бескрайнем небе, откликнулись братья. Видимо, насмехались.

* * *

Зеркало, зеркало на стене – где побывать мне в моей стране?

Вышло так, что я решила навестить племянницу. Бедные жабки не шли из памяти. Пришла пора спросить совета или глянуть, как обстоят дела на самом деле, – а может, и то, и другое.

Грид – Птичница мудрая. Садик Грид у реки. В нем множество цветов и вечно копошатся перевертыши. Сейчас пусто – просто домик за оградой, просто цветы, просто гуси и перепелки.

Грид выглядит так, будто знает ответы на все вопросы, но с трудом подыскивает слова, и взгляд ее всегда опущен долу...

– Я, ваша великость, сейчас тебе что-то скажу, – заявила мне эта Грид. Она сидела на колодах, что сохли во дворе, и колола орехи.

– Если тебе есть что сказать, не молчи, – развеселилась я.

– Я бы и рада помалкивать, – скрипуче отозвалась Грид, – да вот неумогу уже. Все к худу, не к добру.

– Ты о... – начала я.

– Да, ваша великость, – буркнула Грид – и вдруг подняла на меня глаза.

И я поклонилась. Так учили меня. Встретишь равную – будь сестрою, встретишь старшую – поклонись.

– Мне по-прежнему говорить тебе ты? – осторожно спросила я.

– Нынче слова так перепутались, – уклончиво сказала она, – ваша великость, тебе не время говорить. Слушай.

– Что же ты посоветуешь?

– Дай свершиться судьбе, – без обиняков ответила Грид. – Твоей сестрице, бывшей великости, маменьке ихней, грустно с той стороны... одной. Не успокоится до тех пор, пока всех не соберет. Под крыло. Весь выводок.

– И...

– И ее, – опять просто сказала Грид. – Особенно ее. Страшненькую, то есть старшенькую. С той стороны ее заждались, она для них вся. С самого рожденья. Тьма тьмой...

* * *

Темная вода...

Совет я нашла у пауков – они не летучие, они терпеливо ткут и добиваются своего. Все порхающие твари рано или поздно оказываются в их тенетах.

Помощь я обрела у крапивы – отменная из нее вышла сеть, хотя руки мои и стали схожи с руками Грид – огрубели и покраснели. Однако я была терпелива, усердна, работала молча, и в три светлых месяца завесила все стены, пол и потолок чертога плетеньем из кусачей травы – точь-в-точь паук.

Королева явилась в полдень, безо всякой охраны, покрутилась по двору, нашла меня в саду, около крапивы, и привела к чертогу. Она запросто уселась на моем пороге и усадила меня на скамеечку – у своих ног.

– У доброй хозяйки, – сказала она мне в спину, – в напоясном кошеле должно быть все и даже сверх того.

– А правда, что в кошеле Фрейи все судьбы и жизнь?

– Думаю, что там у нее множество чудес. Дай-ка я расчесу твои кудри, дитя, – проговорила самозванка. – Дивные золотые волосы – и в таком беспорядке. Это недосмотр.

Грид даже не повернулась в нашу сторону, только хмыкнула – будто камень треснул.

– Тут у меня был чудесный гребень. Вот! Как раз для твоих волос, – продолжила королева. И принялась причесывать меня.

– Я бы хотела, чтобы у меня была такая девочка, – говорила королева. – Я бы научила ее всему, что знаю. Я бы поделилась... Но пока есть только шесть непослушных мальчиков! Что поделаешь, с этими мужчинами нет никакой надежности. Посуди сама, Илзе, дорогая, – восемь из десятирех мужчин вырастают и бегут прочь – в море или на поле брани – словом, делают все, чтобы не работать дома, чтобы не быть опорой доброй жене. Слыхала ли ты про Винланд?

– Про дивную страну за морем? Слыхала. Туда все стремятся. Ни один не вернулся...

– Все бездельники! Я уже сказала и повторю – нет бы работать дома, быть опорой. Это им скучно. Зато плыть через бездонное море в далекий край, дабы гонять по полям таких же диких скреллингов – это им весело! Фрейя-Праматерь, как терпишь?

– Все мы должны быть терпеливы, – осторожно сказала я. – Таков удел мудрых дев и настоящих хозяек.

– Верно, Илзе, дорогая моя, – ответила королева. – Если бы женщина не была терпелива, спасибо Праматери, как бы иначе выдержала она младенцев, мужей и старцев?

Она наклонилась ко мне – и лицо, так похожее на маму, сказало чужим голосом:

– Иногда так хочется их прибить? Верно я поняла?

После этих слов я уснула.

...Крапива-лебедь.

– Твори что хочешь, коль ты сильна, – сказала мне как-то Птичница, – но никогда не делай приворот. Это погубило многих, погубит и тебя.

И конечно же, я поступила наоборот – или я не дева-воин, не старшая в роду, не королева? Я взяла яблоки. Я дождалась рекул и полной луны, я варила травы, я перегнала мед, я сотворила зелье и настояла его на вербене, крапиве и лебедь.

Я уколола палец, я три раза дала крови капнуть: на лавку, на золу и на порог. Я сотворила вместо себя Иных, Вечерних Илзе, и оставила их – одну за прялкой, вторую у печи, третью на пороге. Чтобы стерегли Птичницу, чтобы усыпили, чтобы не дали проснуться.

Я приукрасила обличье, взяла питье и ушла искать. Целый день бродила по полям, болотам, лесу. Я спрашивала пути у пауков, и они указали мне на север, я спросила помощи у кустов – и ежевика помогла мне найти путь, больно ранила колючками, стоило мне свернуть не туда, а волчья ягода усыпала тропинку своими плодами, чтобы я хорошо видела дорогу.

Я вошла в убежище братьев, я прибралась в нем и стала стряпать – ибо всякая добрая дева – хоть и воин, но в будущем хозяйка. Я выставила угощение – и стала ждать.

И они спустились, вошли, предввара ночь. Без перьев, без одежд – нагие, словно заморские дикари.

– Давайте убьем ее, – сказал Сван-Эдер, старший. – Предвижу в ней причину нашей гибели.

– Давайте просто выгоним ее, – сказал Сван-Каэр, прекраснокудрый, – за пределы королевства и дальше на семь ночей конного пути. Тогда она не навредит нам.

– Давайте возьмем ее, – сказали в один голос Сван-Олаф и Сван-Эгиль, – а уьем после, опустошенную.

– Давайте изведем ее, как мы извели ту, – сказал Сван-Локе. – Нет беспокойства от мертвых.

– Давайте оставим ее здесь, – сказал младший, Сван-Блар. – Навсегда. Пусть просто не выходит.

– Вам я разрешу сделать со мной все что угодно – ведь вы братья мои и я ваша старшая сестра. Но прошу прежде: разделите со мною питье. Верно, вам докучает жажда, ведь путь был долг и край солнца уже коснулся края моря, а значит, время мужам касаться чаши с медом, – ответила я. Ибо знала: ни один муж не откажется от угощения.

Так и случилось. Они выпили моего вина из чаши, они ели приготовленные мною яства, они были со мной, я была с ними – и познала их так же, как они познали меня.

Ночь была длинной, и рассвет покоя не принес – только ожидание. Солнце показалось ненадолго. Я возвращалась домой нагая – дикая, в ставшем диким лесу. И было слышно, как братья там, наверху, носятся над Утесом и озером, над Белыми Башнями и Мостом. И никто не видел их танца – злого и прекрасного, не видел, как вытягивают они свои гибкие шеи и хлопают крыльями, но все слышали, как выкликают они страшные песни, заставляющие день хмуриться, а море волноваться.

Вечер подкрался неумолимо, словно паук.

Я слышала, как трижды протрубили в рог там, в Белых Башнях у Моста, я видела стремительные тени в облаках, прекрасные птицы неслись к моему саду во весь опор – моя волшба жгла им сердца. Зелье, впитавшее тьму, влекло их, и не было силы, способной остановить их и меня. Как торопились братья, как спешили, как летели они сквозь закат навстречу гибели – и крылья их казались багряными, – ибо солнце садилось в тучи и ночь обещала быть ненастной.

Отныне и навсегда.

Я услышала, как спускаются они ко мне. Как скидывают перья. В дверях завязалась драка. В обитель мою они ворвались яростные – распаленные зельем и похотью. Я отступила к пределу чертога, к самой стене, к самой сети – и в тесноте, в зеленоватом полумраке братья не очень походили на людей – словно зелье мое открыло иное их обличье. Это было страшно, и я уже не желала их ни духом, ни плотью. И я сделала знак и окрасила его. И на стенах моя сеть из крапивы ожила, напала и поразила: болью, ядом и отчаяньем – всем, что сокрыто в ней до поры до времени, как и в любой из нас. Они бились как воины, они умоляли как братья, они плакали как дети.

Сеть моя была прочнее – и я взяла у крапивы всю их силу, до последней капельки... Всю силу почти всех братьев.

Он всегда был громче всех, он сопротивлялся дольше, он начал петь свой сейд. Он почти накинуд перья. Сван-Блар, младший.

Я успела первой, я же старшая. Я вцепилась в него подобно злым плодам репейника. Я повалила его на пол, на свежесрезанный тростник – навзничь и схватила за горло.

Слова клокотали в нем и просились наружу... он был сильный, верткий, горячий и скользкий от пота, он был мой брат. Сван-Блар. И глаза у него были... как стоялая вода. Я набросилась на него яростно и увидела, как он меняется, как стремится прочь. Он шептал, шипел, и сила его росла.

«Выпил меньше остальных, – подумала я. – Он младший, он седьмой сын, он сильнее. Нет! Нет! Я самая сильная! Я осина, я ольха, я омега, я осока – я старшая дочь...»

Я отпустила его шею, слишком тонкую и длинную для человечей.

Провела руками по лицу – коснулась ненавидящих, уже почти птичьих глаз – горячих под моими пальцами, коснулась красивого рта. Погладила плечи... Ухватила за кры-

лья... да... да... его руки успели стать крыльями. И рванула изо всех сил, в разные стороны. Столько силы было во мне! Эти лебяжьи косточки, они же полые, почти пустые, легкие.

Жизнь покинула его нескоро. Хотя кровь, так и хлеставшая из ран, забрызгала весь чертог.

– Это хорошо, это славно, – шептала я и макала пальцы в красное. – Это все изменит... Я собрала кровь последнего, я нанесла знаки на себя, и тело поддалось.

Я выла, клекотала и смеялась! Я упивалась переменой. Гордые королевичи, высокородные принцы, властители озер Востока и утеса Заката, наследники престола...

Кто вы теперь? Крапива! Кто теперь я? Наследница земель, озера и Утеса, всех лесов и пажитей, а также Белых Башен у Моста. Единственная дочь и законная королева.

Я осознала себя перевертышем – услышала море, заговорила с ветром и открыла свое тайное имя – Свиристель. Тело мое стало легким, птичьим – я оторвалась от земли, пусть и невысоко, и покинула чертог...

Раздался удар, что-то тонкое и полое хрустнуло – боль охватила меня со всех сторон ярким светом, затем обуглилась, стала гаснуть, и все прекратилось.

* * *

Зеркало, зеркало... нынче померкло.

Некая тень легла с вечера над морем и лесом. Утро было слабым, и розовые его краски выглядели как бы воспалением в небесах – а где воспаление, там хворь и дурная кровь.

Фрейя-Праматерь, что врачует все, кроме смерти, завещала нам разить очаг болезни: словом, огнем или посеребренным железом. У мудрой девы всегда отыщется нужное слово, огонь в очаге доброй хозяйки не гаснет; касаясь стали и серебра – без них нам не справиться.

Я видела тень, я узнала знаки, я слышала вопли в облаках, я ощутила перемены. И стоило мне покинуть Белые Башни, как поняла я, что опоздала...

Дорога показалась мне длинной, а лес необычайно тихим, я поплутала по сырым мшистым полянам, обнаружила малоприветливую пещеру. Прошла рядом с пепелищем. Цеплялась за кусты с необычайно длинными колючками.

Затем я умылась в ручье, три раза – и подле бегущей воды злая ворожба рассеялась. Я отыскала знакомую тропинку и вскоре была у калитки.

И увидела Грид. Она преграждала мне путь и тень отбрасывала густую и зловещую.

– Не ходи туда, ваша великость, – пробормотала Грид нехотя. – Все кончилось в этом саду. Когда начало гнилое – плод будет с ядом.

Я потрогала калитку. Доски были ледяными, хотя полдень так и сиял над нами.

– Бедная девочка... – только и сказала я – и вдруг расплакалась. Корзинка выпала из рук, и ее содержимое раскатилось по плитам дорожки.

– Слишком многого хотела твоя сестрица, да пирует она вовеки с Праматерью, – отозвалась на мои слезы Грид. – Не по чину ей были шашни с колдуном, и девочка... и дети. Это неправильные, ненастоящие дети, такое и жить не должно было. Ну, – вздохнула Грид. – Слова утомляют меня, ведь столько дел вокруг... Множество дев и хозяек ждут и просят моей помощи и совета. Может, и ты ждешь?

– Нет, – ответила я, – не стану спрашивать. К чему тревожить источник. Ведь знаю.

– Это тяжело, – согласилась Грид, – всякое знание весомо. Поделись со мною ношей.

– Этой ношей женщины не делятся, – отвела я руку Птичницы. – Дана каждой своя, Праматерь Фрейя знает эту тяжесть и благоволит к тем из нас, что не пусты.

– Ты, ваша великость, горячка, однако получше своей сестрицы, – сказала Грид. – Но такая же хитрая... или мудрая, не разберу, приду посмотреть много позже. Теперь, вижу, ты вынудила меня рассказать одну быличку. Ловко, ловко... Это совсем новая присказка. Про

двух сестер-ворожеек, что любили одного парня из своих, из чародеев. Одна любила так, что принесла нечистую жертву, пролила человечесью кровь – подарила колдуну личину воина из-за моря, воина, что пал от ее стрел. А все – чтобы обойти запрет Праматери: «Да не будет чад от волшбы». И про то, что родившееся оказалось вовсе не людьми, но воплощенной тьмой и злыми птицами. Там еще про то, как горевали мать с отцом, как ворожили над старшей, как колдовали над остальными... И как Элле-сестра со временем заняла место на троне и в спальне...

Я долго молчала.

– Поставила мужа моего обычным воином и ношу в себе дитя человеческое, – твердо сказала я. – И когда придет пора, пойду на все. На все. Хотя бы и на старый закон. Жизнь за жизнь. Слово сказано.

Пришла очередь Грид молчать. Она вволю насладились тишиною, потом придвинулась ко мне и положила ладонь на мой живот. Рука ее была горячее, словно нагретый солнцем камень.

– Пусть будет благополучна и прекрасна, – произнесла Грид. – Слово услышано.

– Прекрасна, – откликнулась я. – Черные волосы, синие глаза... умница.

– Румянец, не забудь про румянец, ваша великость, – подхватила Грид. – Здоровые дети – румяные.

– Да, красивый румянец на нежных щеках.

– Ваша великость, ты назовешь ее...

– Маргрет, – ответила я. – Она будет королевой.

– Великой королевой, – уточнила Грид. – Даже отсюда я вижу золотое платье... Многие мужи померкнули в его сиянии.

– Да будет так, – попросила я.

– Смотри, ваша великость, – сказала мне на это Грид. – Гляди, что кот принес! Это же свиристель, чумной дрозд! Недобрый знак, они являются аккурат перед мором, от них-то вся хворь и происходит. Я успела первой – прихлопнула нечисть. Теперь сожгу мерзкую птицу...

– Не забудь развеять пепел, – ответила я.

Павел Майка

Там трудись, рука моя, там свисти, мой бич³ (Перевод Сергея Легезы)

Май 1951 г., тридцать шестой год Предела, первый год Мира

Стшельбицкий кружил вокруг расчлененного трупа, фрагменты которого были разбросаны по всей спальне. При этом, кажется, издавал звуки, не слишком-то уместные в данной ситуации. Переходил он от задумчивого «ну-ну» через выражающее недоверие «о-ля-ля» к искренне удивленному «а чтоб меня!». По крайней мере столько удавалось понять по шевелившимся губам бывшего городского палача, нанятого после воскрешения краковской полицией в качестве специалиста в области необычных смертей.

Мастер Стшельбицкий – возможно, и не имевший соответствующего медицинского образования, зато обладавший немаловажной в таких случаях практикой, – говорил что-то еще, но остальным полицейским, собравшимся в спальне жертвы, не хватало знаний, чтоб по движению его губ прочесть фразы более сложные. А не слышали они его слов из-за воплей, которые этажом выше неумоимо извергала из себя перегнувшаяся через подоконник соседка убитого.

– Кара Господня с этими топтунами! – орала она в священном возмущении. – Да ты хотя б ноги вытри, тупарь ты державный! Кто знает, куда ты нынче ими влезал, сельдь ты гнилая!

Возмущение ее порой сменялось хвалой, возносимой к небесам, которые-де «смиловались наконец-то, прибрав из мира сего крест в виде сукина сына Радзишевского», а после – неминуемо уступало место удивлению, «что не пала еще кара на прочих сукиных детей».

«Сукин сын Радзишевский» – в противоположность соседке – молчал. Он-то мог и помолчать: выражение ужаса на его искусанном лице говорило само за себя. Что бы ни произошло с убитым, случилось это с ним неожиданно, внезапно и страшно.

– Очень интересное дело! – заявил наконец Стшельбицкий, поднимаясь на ноги. Теперь-то, принимая во внимание потребности коллег, говорил он своим привычным гулким голосом человека не просто уверенного в себе, но и радующегося жизни во всех ее проявлениях. – Этот вот дурашка был загрызен стаей гномов или каких других малоросликов. И похоже, не только ими.

– И все это сделали гномы? – удивился подкомиссар Яцек Брумик, стоя над зрелищно приконченной жертвой и все еще не вполне контролируя цвет собственного лица.

А убийце на сей раз нельзя было отказать в том, что смерть он устроил предельно зрелищную. У Радзишевского не просто были искусаны лицо, руки и ноги – его перегрызли напополам. Торс покойного все еще лежал в драматической позе на постели, в то время как часть живота вместе с бедрами и ногами убийца оставил метром дальше, при случае откусив и одну из ног. А еще убитому отгрызли руки. Одна из них высывалась теперь из-под кровати, а вторую занесли аж в прихожую.

– Не только гномы. Я бы сказал, что в развлечении принимал участие и некий великан.

– А не дракон? – бросил сержант Корицкий, склоняясь над одной из разбросанных конечностей.

³ Цитата из поэмы А. Мицкевича «Дзяды» (III, 6); монолог бесов, готовящихся изъять из спящего сенатора душу, чтобы мучить ее до рассвета, в соответствии с его преступлениями.

– Может, и дракон, – вскинулся палач. – Но довольно странный, с человеческими зубами.

– То есть мы имеем дело с гномами-людоедами, людоедом-великаном и с драконом с человеческими зубами? – переспросил Корицкий. – А отчего бы тогда не с демонами?

– Потому что не ощущается запаха серы или какого другого адского смрада. Видишь ли, сержант, если бы явились сюда вампир, мара или другая какая тварь, что живет на темной стороне мира, то мы ощутили бы запах кровавого пота или серы. Уж поверь тому, кто больше сотни лет жарился в аду. А это устроил скорее ангел, а не дьявол.

То, что Стшельбицкий настаивал, будто помнит те адские мучения, которые претерпевал за грехи прошлой брэнной жизни, было необычно, поскольку не нашелся ни один другой воскрешенец с похожими воспоминаниями. В мир возвращалось немало мертвых – прославленных архитекторов, призываемых городскими властями, знаменитейших инженеров и ученых, заполучаемых Галицийской Железной Дорогой, или, наконец, известных государственных мужей, отыскиваемых различными политическими партиями. Менее охотно принимали в Кракове людей, вернувшихся к жизни самозванно, – тех, память о ком пережила века. И полбеды еще, если оказывались они известными солдатами – такие в нынешние беспокойные времена приходились вполне ко двору. Хуже, когда в мир возвращались преступники достаточно известные и харизматические, чтобы сохраниться в человеческой памяти – в песнях или страшилках, какими матери пугали непослушных детишек.

Но никто из них не признавался, что помнит хоть что-то из своего пребывания в аду или на небесах. Поэтому к Стшельбицкому выстраивались целые очереди из теологов и ученых. Палач сперва принимал их охотно, но в конце концов настойчивость визитеров его достала. С тех пор он хлопал дверью перед носом любого, кто пытался в научных целях что-нибудь разузнать у него о жизни после смерти.

– У меня есть еще один вопрос, мастер, – не сдавался Корицкий. – Ладно, я понимаю – гномы. Но каким образом никто не заметил входившего сюда ночью великана? Я уж молчу о проклятушем драконе!

– Вероятном драконе, – буркнул Брумик.

– Вероятном, – согласился сержант. – Так что же?

– Вы можете пренебречь моим мнением, – вскинулся воскрешенец. – Но я вам скажу, что его что-то загрызло, а потом еще и перекусило напополам. Что-то, чьи зубы были как у человека, только – побольше и поменьше. А значит, это не одно создание. Следы на лице и руках – маленькие, на горле – крупнее. Так могла бы кусать собака с человеческими зубами. Стало быть, маленькие зубы его покусали, средние загрызли, а большие перекусили напополам, когда он еще умирал. И если вы найдете лучшее объяснение, чем гномы и великан, то я вам в пояс поклонюсь!

И заявив это, Стшельбицкий вышел.

– Что-то он раздражен, – заметил Брумик.

– Шеф запретил ему привлекать к работе какого-то демона, который, дескать, обладает немалым детективным талантом. – Корицкий прищурил свои чуть раскосые глаза с почти черными радужками. – Чтоб его, а ведь и правда выглядит как человеческие зубы, – вздохнул он. – Наш мастер палач при отсутствии подмастерьев не слишком-то и мастер, верно? И кажется, иной раз он по своим временам тоскует. Не хочу навязывать свое мнение, комиссар, но полагаю, мы должны приказать парням собрать то, что от жертвы осталось. Пусть Стшельбицкий поколдует над трупом в своем подвале. А мы пока поговорим с соседями. И прежде всего – с той орущей бабой.

– Ага, – чуть нервно кивнул Брумик и, чтобы сберечь видимость своей власти, зашагал первым.

Что с того, что обладал он высшим, чем Корицкий, званием, если тот превосходил его опытом? Впрочем, им-то сразу сказали, что пока Брумик не попривыкнет, сержант станет неформально руководить делами их отдела. Молодой полицейский согласился на это охотно и сначала даже радовался возможности обучаться у коллеги, хоть тот и не служил в полиции слишком уж давно, но ранее был военным жандармом. Однако после того, как они вместе произвели несколько мелких арестов и даже сумели совладать с одним исключительно мерзким демоном, Брумик начал подумывать, удастся ли ему хоть когда-либо выйти из тени Корицкого. Сержант пользовался уважением как подчиненных, так и коллег, а на Брумика продолжали смотреть, словно на неопытного юношу.

Даже усы, которые он, по примеру старших коллег, пытался отпустить, росли у него под носом неохотно, и вместо того, чтобы радоваться пышной гордости или суровой, ровно подстриженной лихости, каждое утро при бритье Брумику приходилось сражаться всего-то с реденькой порослью.

Оттого подкомиссар поднимался по ступеням, покрытым защитными символами, в несколько смятённом состоянии духа. Он был уверен, что, когда орущая баба распахнет дверь, именно Корицкий перехватит инициативу, даже если сперва и позволит действовать Брумику. Так оно с начала их сотрудничества и случалось.

Не слишком помогало и то, что вторым ближайшим сотрудником подкомиссара был бывший городской палач, господин Стшельбицкий, некогда, во время барской конфедерации⁴, герой обороны Кракова. Лет сто пятьдесят назад приговоренный к смерти за то, что был главарем разбойничьей шайки, палач, как и многие, чья казнь некогда свершилась на Главном Рынке, вернулся в мир живых. Каким-то образом он раздобыл сильное тело и почти сразу заявился в полицию, похваляясь опытом и предлагая свои услуги. К несчастью Брумика, проблемного добровольца передали именно под его командование.

Подкомиссар понимал, что однажды ему придется командовать этими двумя по-настоящему, иначе карьеру в полиции он никогда не сделает. Уже и то было хорошо, что по крайней мере Корицкий искренне старался помочь младшему коллеге. Что до палача, то Брумик никогда не был уверен, не подсмеивается ли над ним воскрешенец.

«Я мог бы начать с сегодняшнего дня, – подумал он, стоя перед дверью, из-за которой доносились неуважительные вопли потенциальной свидетельницы. – Показать, что я тоже могу быть крутым. Может, на этот раз я справлюсь?»

Началось все хорошо. Он забарабанил в дверь. А когда открыл ее корпулентный, но изрядного роста мужчина в слишком коротком шерстяном свитере и в роговых очках, Брумик холодным официальным тоном заявил, что он представляет полицию и прибыл опросить свидетелей.

– Полагаю, речь о мадемуазель Крысе, – вздохнул мужчина. – Меня зовут Павловский, господин офицер. Роберт Павловский. И я ничего не видел и не слышал. Работаю в ночную смену на предприятии господина Хила. Я вернулся только на рассвете и надеялся поспать до ночи. Но, похоже, мне это не удастся.

* * *

Квартира, как и множество прочих в Кракове, была разделена между несколькими обитателями. Война, которая началась с несчастных выстрелов в Сараево, чтобы продлиться тридцать пять лет, наконец-то подошла к концу, но миру предстояло еще долго нести на

⁴ Эпизод гражданской войны в Польше накануне Разделов; созванная в городе Бар краковским епископом Каэтаном Солтыком, барская конфедерация выступила против короля Понятовского; результатом противостояния стал захват российскими войсками совместно с королевской армией Бара, Львова и Кракова.

себе ее шрамы. Города, как в возрожденной Польше, так и по всей Земле, представляли собой анклав безопасности, истинные крепости, к которым шли беженцы из уничтоженных или захваченных демонами мест. Краков, как один из городов, которому удалось уцелеть в довольно сносом состоянии, притягивал беглецов со всей Польши – и даже чужеземцев из стран, лежавших неподалеку. И не всегда это были люди.

Их распахивали, куда только могли, делили квартиры на эдакие клетушки. За год возникли десятки строительных фирм, создатели которых надеялись заработать баснословные прибыли на создании простых, многосемейных домов для десятков, если не сотен тысяч старых и новых краковян, желающих обзавестись собственным углом. Хотя война с марсианами и завершилась, битвы с пробужденными ими силами все еще продолжались. Жилые многоквартирники следовало строить без спешки, а каждый кирпич – защищать от нечистых сил. Поэтому строительство шло не настолько быстро, чтобы достаточно скоро решить проблему расселения в городе.

Павловский провел полицейских в зал, из окна которого торчала «мадемуазель Крыся», а потом быстренько уселся в кресле с протертыми замшевыми подлокотниками и спрятался за широкими листами «Часу Краковського».

Кроме него и крикуньи, тут находилось двое детей: мальчуган с красными от слез глазами и, пожалуй, старшая – поскольку была повыше – девочка, что гневно поджимала губы. Худая женщина с сухим лицом и серыми волосами, заколотыми в простую гульку, сидела между ними, приняв на себя роль демаркационной линии. Поглядывала то на одну, то на второго, а взгляд ее был суровым, хоть и ласковым. Брумик решил, что это их мать: а впрочем, она и была похожа на девочку.

Подкомиссар со значением откашлялся.

– Полиция, – объявил он, как надеялся, суровым и решительным голосом. – Я подкомиссар Брумик, а это сержант Корицкий. Мы хотели бы с вами поговорить.

– Супер! – обрадовался мальчишка. – Тогда заткните эту мерзкую ведьму!

Чтобы не было сомнений, о ком речь, он указал на девочку с узкими губами.

Та отреагировала моментально, вскочив с софы и бросившись на обидчика. Только стремительная реакция худой женщины позволила избежать линчевания.

– Хм, ну да, – Брумик попытался понимающе улыбнуться. – И какое же преступление совершила эта молодая дама?

– Эта свинья сожрала мою горбушку с повидлом! Я раз в неделю получаю повидло! А она его сожрала! Мое повидло!

– Ябеда! – не осталась в долгу девочка. – И вдобавок брехло! Сам сожрал свое повидло, а потом мою горбушку хотел получить!

– Я брехло? Воровка повидловая! Чтоб тебя жабы запрыгали! Огромные мерзкие жабы!

– Жабы? Да ты какашка тараканья! Я тебя сейчас...

– Дети! – крикнула худая женщина резким, немного писклявым голосом. – Хватит! А то повидла не будет уже никогда! Ни для кого! Кшись, марш в комнату! Постелешь кровать! Аня, на тебе посуда!

– На мне? Мама, это его очередь!

– А не нужно было его бить.

– Я ему только щелбан дала за то, что брешет! Старшая сестра должна заботиться о младшем брате, даже если он – брехливый крысиный катышек, так? Ну вот я и позаботилась. Получил свой щелбан, чтобы больше не брехал.

– Иди к посуде. Давай! И чтоб я больше не слышала, что ты так говоришь о брате!

Женщина тяжело вздохнула.

– Прошу прощения, господа, – произнесла она все еще подрагивающим голосом. – Дети, понимаете...

Когда она улыбнулась, Брумику показалось, что лицо ее посветлело. Мать скандальных пожирателей повидла перестала выглядеть как тень женщины, с самого утра измученной домашней работой. Он подумал, что могла бы она быть красивой, если бы только кто-то дал ей повод. Может, оделил бы минуткой передышки, дал чуть помощи подле детей? Может, пригласил бы на обед, где они провели бы время только вдвоем?

– Дети, – повторил он и тоже улыбнулся. – Я так понимаю, что дело о пропавшей горбушке с повидлом – важно для них. Уверяю, мы охотно займемся им, если найдем для этого толику времени. Прошу прощения, но я не расслышал вашей фамилии.

– Йоанна Климовская, – представилась она. – Живу тут уже три месяца. Если желаете, покажу домовую карточку. Вернее, держит ее мадемуазель Крыся, но у меня есть копия.

– Кроме меня, никто тут ничего не станет показывать! – вмешалась «мадемуазель Крыся», решив, что в зале происходят вещи куда более интересные, чем за окном. – Я тут хозяйка, я за все отвечаю! Это была моя квартира, пока ко мне не подселили эту компанию!

Как мадемуазель Крыся поместилась в окне, оставалось для Брумика тайной. Телеса этой женщины, казалось, заполонили без малого половину зала. Размера ей добавляли и густые черные волосы, столь дико разрастающиеся во все стороны, что приходилось бороться с ними целыми часточками шпилек и невидимок, понатыканными по всей голове. Еще у мадемуазель Крысы были огромные, словно фары военного грузовика, глаза. И губы, что могли бы успешно соревноваться с губами большинства великанов.

– Как вас зовут? – спросил Брумик, с трудом контролируя желание отступить на шаг.

– Я Кристина Цвимбал. Мадемуазель. Владелица квартиры. Вы хоть сапоги-то вытерли, прежде чем сюда влезть? Наверняка ж нет. У порога лежит огромная тряпка, но для полицейских слишком большое усилие – заметить это, верно? Понаехало сюда сельского элемента, и что мне, старой, потомственной краковянке, требовать? Сомневаюсь, что хотя бы читать вас обучили. А ведь там, на дверях, есть листок: «Вытирайте обувь!» Но чего бы мне требовать от...

– Сколько у вас жильцов? – оборвал ее Брумик. – И никакого листка на дверях нет! Читать я умею, а обувь – вытер.

– Наверняка снова украли! – она покивала большой головой. – Тут нынче много таких живет, кто полагает, будто всякое писаное слово – это заклинание, вот и крадут у меня листочки. И кого они мне посадили на шею, хотя я этого и не просила? Баба с ее спиногрызами – уже трое. Лодырь, который прячется за газетой, – четвертый. Плюс еще один, что пошел утром на работу, пьяница и ворюга, – пятый. Да, и семья еще – эти даже честные, но грязные и невоспитанные. Шестой и седьмая. Они тоже на работе. Муж на дневную смену отправился, к Хилу, а жена прибирается в домах – там, где с ней еще не знакомы.

– Мы попросим домовые карты всех ваших жильцов. Естественно, мы отдадим их после завершения расследования. Еще передайте тем, кто отсутствует, что мы хотим их видеть в комиссариате.

– Вы что, считаете, это они его убили? – она подозрительно глянула на Брумика. – Тогда вы еще тупее, чем я думала. Тут одни лодыри. Я вам скажу, кто убил! Тот пьяница с третьего этажа, профессоришка. Бес у него из глаз смотрит, дети его боятся. Не то чтобы я его обвиняла. Этот, который подох, Радзишевский, вот он и правда был сукин сын, тут не поспоришь. Жил один на целых семидесяти метрах, потому что у него были знакомства в магистрате. Каждую субботу к себе новых любовниц приводил, одни глупые девки, из сел приезжие. Ту лахудру мою тоже к себе брал, как будто я ее и не предупреждала. Не так оно было, пани Климовская?

– Постыдились бы вы, так-то обо мне при людях! – возмутилась худая женщина. – И неправда это! Он за мной ухлестывал, правда. Но я – ни-ни. Клянусь, не было ничего!

– А потому что предупреждала я! Потому что я о своих забочусь, даже если мне их в квартиру, где Цвимбалы поколениями обитали, насильно воткнули. Мы, Цвимбалы, город этот поднимали! И что нам за это?

– Вернемся к убитому, – напомнил Брумик, поглядывая при этом на Корицкого, который, как ни странно, молчал с того момента, как они сюда вошли.

Сержант посматривал на окна зала и даже выглянул из них наружу. Но особенно много внимания уделил он спрятавшемуся за газетой Павловскому, совершенно не интересуясь несчастной госпожой Климовской. На мадемуазель Крысю тоже лишь глянул, ухмыльнулся – и только-то.

– А мошенник он первостатейный! – хозяйка, как и просили, вернулась к убитому. – Игрок, шулер. Скольких людей в одних носках по миру пустил! Тут, господа, едва ли не очереди к нему выстраивались. Девки с животами да игроки с долгами. Вот такой он был, прошу прощения, сукин сын. И видал он их всех в одном месте! И девиц тех высмеивал: мол, раньше бы им думать и о себе переживать – и был он прав, не скажу ведь, что не прав. И дурных тех игроков, которым тоже наказание надлежало. Мне никого не жаль. Но то, что совести у него не было, – вот это наверняка.

– Игрок, – записал в блокноте Брумик. – Бабник. Вы знаете кого-нибудь из тех, что к нему приходили?

– А откуда бы мне знать такой-то народец? – Мадемуазель Крыся возвела очи горе. – Господа, за кого вы меня принимаете? Может, у вас в деревне все обо всех и знают. Но в Кракове приличные люди с подобным элементом не знают. Ну разве что власть такой элемент тебе в квартиру подселит. Но даже тогда я могу делать так, чтобы в моем доме некоторые вещи не случались!

– Но вы ведь смогли бы каждого из тех, приходивших, описать, верно? – впервые вмешался Корицкий. – Подоконники в комнате изрядно вытерты там, где вы привыкли опираться локтями. Да и глазок в ваших входных дверях побольше любого из тех, которые мне доводилось видеть. Любите присматривать за людьми, верно?

– Надо знать, с кем рядом живешь, – уперлась она руками в бедра. – Осторожной быть, когда тебе чужаков в дом пихают!

– Чудесно. Мы сюда пришлем нашего человека, а вы опишете ему подробно всех гостей убитого. А теперь прошу рассказать что-нибудь о происходившем ночью или ближе к утру. И вчера вечером. Но давайте не здесь и не при всех. Есть у вас какое-то тихое место? Своя, может, комната?

– Чужих мужчин я к себе в спальню не впущу! – крупное лицо ее зарумянилось.

– Тогда, может, кухня? Ванная? Мы не привередливы.

– Можно на кухне, – пробурчала она.

– Прекрасно! – обрадовался Корицкий. – Тогда пойдемте. Верно, господин комиссар?

Они пропустили мадемуазель Крысю вперед. А когда она вышла, сержант склонился над Павловским. Отвел в сторону газету, которой мужчина заслонялся, и заявил:

– Одному пареньку вы задолжали горбушку с повидлом. На вашем месте я бы купил этой семье целую банку – в качестве извинения. За тот скандал, который ваши действия вызвали.

– Это вы? – с недоверием воскликнула Климовская.

– Я голоден был, – пробормотал Павловский. – После целой-то ночи! Простите. Я, конечно, куплю повидла! Прошу вас, Крысе не говорите! Она мне не простит!

– Я все слышала, ворюга ты паршивый! – раздалось из коридора. – Чтобы у детей из рта еду отбирать – совести совсем нужно лишиться!

– Не простит меня! – охнул пойманный на горячем повидлоед, сползая в кресле. – Мне конец!

* * *

Провели они и «профессора», который оказался учителем биологии, что обитал в квартире с еще пятью семьями. Профессор понарасказывал им о чудесах мутирующих бактерий, но об убийстве не знал ничего. Единственная польза – он исключил бактерии и вирусы. Его поселенцы признались, что слышали странные звуки, словно сдавленные крики и сопение, а может, даже и чавканье, но не обратили внимания, поскольку в комнате убитого часто бывало шумно. Полицейские и в этой квартире встретили детей, однако те были молчаливые и хмурые. Брумик обратил на них внимание, поскольку они вели себя замкнуто – совсем не так, как яростно скандалящее семейство в комнатах мадемуазель Крыси.

То, что жертва была человеком тихим и спокойным, подтвердили почти все соседи, независимо от этажа, где они обитали. И только на последнем этаже они нашли «мадемуазель Басю», что одна занимала почти все помещение, – и та заявила им, что Радзишевский пал жертвой международного заговора вражеской банды.

– И откуда такое предположение? – наострил уши Брумик.

– Генерал Совинский мне сказал, – заявила она. – Он уже какое-то время присматривает за тем Радзишевским.

– Совинский? – Брумик заглянул в свои записи. – Он тут живет?

Корицкий тихо застонал.

– Естественно! – мадемуазель Бася склонилась, подняла одного из котов, десятки которых лежали на полу. – Вот он. Генерал, прошу поприветствовать наших гостей.

Бурый котяра неохотно глянул на онемевшего Брумика. Зашипел, зевнул и прикрыл глаза, притворяясь спящим.

– Итак, – подвел итог Корицкий, когда они оттуда удрали и направились к старой городской ратуше, в которой разместили их отдел. – У убитого имелись контакты среди игроков. К тому же он обидел немало женщин, у которых могли быть отцы, братья, а то и женихи. Мотивов у нас выше крыши. Если Стшельбицкий не найдет никаких следов, я смотрю на это дело с сомнением, поскольку свидетели не кажутся мне достойными доверия.

– Та мадемуазель Крыся неплохо за всем следит, – позволил себе толику оптимизма Брумик.

– Верно, дотошная баба, могла бы и пригодиться. Но фамилий всех гостей Радзишевского она уж точно не знает. А на одних описаниях мы далеко не уедем. Полбеда, если все дело в играх. Это ведь, как ни крути, какая-то среда, покопаемся, повыясняем, что там к чему, – кое-что и узнаем. А вот если месть за бабу... – Он покачал головой.

По дороге они зашли в полицейскую столовую, где кормили не только неплохо, но и дешево, если кто покажет полицейский значок. Да и проще тут было найти свободные места, поскольку половину столиков всегда держали в резерве для полиции. Хотя они угодили как раз в обеденное время, и поэтому единственный столик, который для них нашли, стоял в углу, у самого туалета.

Они не стали привередничать.

– А как вы того повидлового вора накрыли?

– Рука у него затряслась, когда о повидле говорить начали. А поскольку в руке он держал газету, то та и затрепыхалась, как парус на ветру. Вы этого не увидели, на женщину смотрели. А я тогда под окном стоял, лицо его мог рассмотреть, поскольку он от вас-то и заслонялся. Покраснел весь. Я к нему ближе присмотрелся. Бутерброд он ел в спешке, на свитере крошки остались. Эх, если бы все удавалось так же быстро решать!

– Ну есть же еще версия заговора, – подмигнул сержанту Брумик.

– Вы, господин комиссар, можете смеяться, но если мы убийцу не найдем, придется даже тот след поднять. Шеф этого нам с рук не спустит. Так что, при нынешних-то обстоятельствах, придется принимать во внимание и показания говорящих котов.

– Вы шутите?

– Увы, нет. Вы знаете, что это ерунда, я знаю, и даже шеф знает. Знает даже внутренний отдел. Но в бумагах должно значиться, что мы все проверили, поскольку кто-то может за это зацепиться.

– Разве что – мы поймаем преступника?

– Разве что. Буду откровенен, господин комиссар. Если это разгневанный отец, то мы можем никогда его не найти. А наверняка ведь кто-то такой тут замешан, поскольку гнева в способе убийства видится немало. В таком случае единственный наш шанс – вся эта магия. Она ведь какие-то следы должна оставлять.

– Вы постоянно говорите об убийстве, словно был это один человек. Вы не верите в гномов и великанов?

– Я всему поверю, пусть мне только доказательства предоставят. Даже в гномов-людоедов. Но великан? Предположим, как-то уж проник он в квартиру Радзишевского. Предположим, когда бегал там и рвал хозяина в клочья, ни один из соседей внимания не обратил, думая, что там очередные потрахушки. Но наша драгоценнейшая мадемуазель Крыся не говорила ни о каких великанах – только о людях. Никакой великан с Радзишевским в карты не играл, а поэтому наверняка ничего ему не должен, разве только они сживали где-то в городе. А мадемуазель Крыся клялась ведь, что Радзишевский из дому и шагу не ступал.

– Кто-то мог нанять великана.

– Но зачем? Великан привлекает внимание. Нет, это было что-то другое.

Они занялись принесенным супом. Вокруг крутились кельнеры – женщин в столовой не нанимали, – ловко лавируя в тесных проходах между столиками: тех слишком много впили в небольшое помещение. Полицейские обеды частично финансировал город, но владелец столовой, сам бывший полицейский, однорукий Анджей Ванат, упирался, что он обанкротится, если не станет как следует зарабатывать на обычных клиентах. А потому поставил здесь столько столиков, сколько сумел, позаботившись лишь о том, чтоб между ними оставался минимум пространства.

Внимание Брумика привлекли двое мужчин под окном. Один был большим, с руками, словно созданными, чтобы сжиматься в кулаки. Казалось, он никогда не снимал кожаной куртки, на которой начертаны были десятки пентаграмм. Похоже, предпочитал он молчать. Заговаривал изредка, обходясь обычно междометиями. Но бывало и так, что порой оживлялся и тогда или ворчал что-то невнятно, или порывался от полноты чувств.

За двоих болтал его товарищ, тоже высокий, но худощавый. Этот всегда одевался элегантно, чаще всего в черное – может, потому, что был ксендзом: это выдавала рваная, но все же заметная колоратка⁵.

– Эти двое тут вместе каждый раз, когда я прихожу... – обратил на них Брумик внимание Корицкого, пока они ожидали второго блюда.

– Куликовский и Гиполисюк? Они и правда отсюда не выходят. Это наши коллеги по профессии, так сказать.

– И ксендз?

– Ну, поп, ага. У кого-то когда-то появилась идея, что могут пригодиться. Нанимали их еще до нас, на расследования сложных дел. Первое, что они сделали, – это пришли сюда.

⁵ Колоратка, или «римский воротничок» – деталь одежды католического священника, представляющая собой белую вставку под воротник рубахи или сутаны.

Сели и напились – и больше уже отсюда не выходили. Пьют за счет города и вроде бы именно отсюда дела и расследуют.

– Вроде бы?

– Пишут о них рапорты. Самые длинные рапорты, которые приходилось мне в жизни читать. Длинные, словно романы – и написанные как романы. С диалогами, сложным действием. Высылают таких штук пять-шесть ежемесячно и берут плату, хотя все дела у них вымышленные.

– И город им за это платит?

– Должно быть, у них хорошие выходы на нужных людей. С другой стороны, у полиции благодаря им большое число раскрытых дел, статистика выглядит прекрасно, и все довольны. Может, кроме нас троих. Потому что нам приходится заниматься настоящими убийствами.

Они съели по порции гуляша, а когда выходили, Брумик снова оглянулся на двух лучших – если верить статистике – детективов Кракова. Те яростно о чем-то спорили – то есть Гиполисюк витийствовал, а Куликовский время от времени бурчал что-то невнятное. Почувствовав, что на них смотрят, ксендз приветственно вскинул стакан, а Куликовский осклабился Брумику и подмигнул.

* * *

– Не понравился мне тот профессор, – вспомнил Брумик, когда они заново листали свои заметки. – Дурной у него взгляд.

Они сидели в отведенном для них кабинетике. Сперва должны были занять всю ратушную башню, но потом, со временем, туда принялись впихивать все новые и новые отделы, пока все не закончилось тем, что у них остались только комнатка без окон и большой подвал, в котором Стшельбицкий держал свои препараты и резал покойников.

– Ученый, – фыркнул Корицкий. – Все они глядят, словно безумцы, и используют непонятные слова. Хрен там в них пользы. Пойдем-ка к нашему мастеру четвертования. Уже бы ему пора что-нибудь узнать.

Стшельбицкий, обычно гордый, словно павлин, на этот раз выглядел сбитым с толку. Сидел, упершись локтями в столешницу, на которой разложил остатки Радзишевского, и молча на них таращился.

– Поймал ты меня, пан сержант, – пробормотал. – Поймал ты меня, потому как на этот раз ничего не вижу. Никакой серы, никаких чертовых испарений. Мурашечки мои, – указал на заколдованный муравейник, рабочие которого анализировали для него следы, – словно под кипятком шустрят, но и они тоже ничего не сумели найти. Есть слюна – и только. Сейчас они ее исследуют. Я сделал слепки следов от укусов и теперь просто дурею, потому что они все одинаковые.

– Одинаковые, ага – одни меньше, другие больше! – разозлился Брумик, который надеялся, что палач даст им хоть какой-то след.

– А вы надо мной не смейтесь, комиссар. Размер у них разный, зато форма – одна. Понимаете, господа, это словно одна и та же челюсть, только разных размеров.

– То есть это не гномы-людоеды и не великан? – обрадовался Корицкий.

– Нет, – проворчал палач. – Разве что все они близнецы. Гномы-близнецы купно со своим близнецом-великаном, а к тому же еще – все людоеды. Я многое повидал, но на такой теории настаивать не стану.

– И никакой кошачьей шерсти? – выстрелил вслепую Брумик.

– Кошачьей? Полагаете, коты его порешили? Нет, никакой шерсти. Ни собачьей, ни кошачьей, волчьей или хотя бы беличьей. Лишь человеческие волосы, одинаковой формы

челюсти – только разной величины. Пока мурашки мои чего-нибудь не обнаружат, отправляйтесь искать другие следы.

* * *

И они пошли. Брумик искал по приютам и госпиталям следы женщин, брошенных убитым. В некоторых заведениях его знали неплохо, поскольку он уже с месяц искал свою первую неразделенную краковскую любовь – милую соседку, что пропала вскоре после того, как стала его информаторкой.

Корицкий же отправился на обход местных карточных притонов. Начал он, впрочем, с легального казино, что находилось на первом этаже дома на Славковской улице. Богачи со всего мира фланировали там в сопровождении красавиц, увешанных драгоценностями, которые стоили побольше годового жалованья простого сержанта полиции.

В таком месте он, в своем костюме, пообтрепавшемся во время прогулок по брусчатке краковских кварталов, в галстук, который Корицкий никогда не мог правильно завязать, в ботинках, с их просто невероятной способностью притягивать к себе страшнейшую грязь, с немодными усами и выписанным на лице упорством, – со всем этим он был здесь чужаком. Глаза его не сверкали подобно глазам здешних завсегдатаев блеском – ни жадным, ни похотливым. Руки его были в царапинах, губы – сухие. Брился он, лишь когда вспоминал о бритье, – а случалось это не каждое утро.

Ничего странного, что двое горилл, затянутых во фраки, о каких Корицкий и мечтать не мог, увидав его, напрягли мышцы и скривили лица в гримасах, предназначенных для бродяг и бездомных собак. Корицкому они казались несколько жирноватыми, чтобы нормально выживать в кварталах похуже этого. Но здесь, с румянцем на всю щеку и с набриолиненными черными волосами, зачесанными вверх, с черточками усов столь тонкими и ровными, что казались нарисованными – выглядели они серьезной силой. По крайней мере для непрофессионального глаза.

Сержант некоторое время прикидывал способы, с помощью которых сумел бы сделать так, что в несколько секунд два эти болвана скатились бы по красной дорожке, выстилавшей мраморную лестницу. А потом улыбнулся и махнул перед их носами бляхой.

– Это ничего не меняет, – сказали они одновременно, оба довольно глубоким баритоном – одновременно вежливо, но презрительно.

– Братья Кемпинские, да? Я о вас слышал. Вернее, о двух похожих на вас близнецах: говорят, скрывались от мобилизации из-за сифилиса, которым обзавелись, пытаясь сколотить состояние как альфонсы. Правда, и с этим были проблемы, поскольку собственные девки накидали им по ушам.

– Это было давно, – сказал один из них.

– Это ничего не меняет, – уперся второй.

– Слушайте, парни. Я могу войти туда по вашим стонущим телам – и тогда будет стыдно и вам, и вашим шефам, и их гостям. Естественно, хозяин этого благородного заведения пожалуется потом на меня, а шеф моего шефа станет лить дерьмо ведрами, и раньше или позже оно дотечет и до меня. Я не получу месячной премии или что-то в этом духе. Вот только будет ли проще от этого вам, поломанным и безработным?

– Ты такой вот самоуверенный, а?

– Здесь? Против вас? Видите ли, парни, когда ваши толстые, дрожащие жопы получали пинки от девок, я херачился с русскими, марсианами, Вечной Революцией и со всем, что выходило из адских глубин. Поэтому – да, я в себе уверен. Могу спустить вас с лестницы, но можем просто вежливо поговорить. Как предпочтете?

В любой другой день он наверняка вел бы себя по-другому. Во-первых, с ним был бы Брумик, а молодой подкомиссар обычно выказывал чрезмерное уважение к официальным полицейским процедурам. Во-вторых, существовал шанс, что и сам Корицкий, менее раздраженный совершенно неудачным пока расследованием, оказался бы Корицким более милым. Однако слишком многое нынче шло не по задумке сержанта, и он все чаще испытывал искушение отыграться на ком-нибудь из-за своего разочарования.

К счастью, шеф смены «Казино Мастеров» обладал интуицией, позволявшей решать проблемы раньше, чем становилось слишком поздно. Он материализовался позади охранников, скользнул меж ними и, запрокидывая голову, чтобы заглянуть полицейскому в глаза, спросил, чего уважаемый, собственно, желает – ведь не жетонов же для игры или возможности испортить настроения гостям.

– Стефан Радзишевский. Хочу о нем услышать. Что знаете?

– Довольно много, чтобы его сюда не впускать, – скривился шеф смены. – То есть если бы он сюда пришел. Но он из дома не выходил.

– Боялся кого-то?

– Ага. Города и улиц. А чего вы хотите? Страдал он... этой... как ее... агорафобией.

– А если без абракадабры?

– Боялся открытых пространств, господин ученый. Как видел что-то, не ограниченное стенами, так и обсыкался от страха. Поэтому играл только у себя.

– И всегда выигрывал, верно?

– Не всегда. Но часто. Если бы выигрывал всегда, то не находились бы фраера, которые бы с ним играли, верно?

– Ну, не знаю. К вам же приходят постоянно. А если он здесь не бывал, то откуда ты его знаешь?

– Работа такая. О некоторых людях знают. Теперь уже знают и о вас.

– Я аж трясусь весь. Кто-то из клиентов мог его знать?

– Из наших? Нет, не та лига. Ищите по притонам.

– А вы, братья? Знали его?

– Им играть нельзя, – ответил за охранников шеф. – И никому, кто здесь работает.

– Даже по старым временам? – не сдавался Корицкий.

– Знаем, как этот штемп выглядел. Чтобы его не впускать, – на этот раз говорили они по очереди: по фразе. – И все.

Поскольку все равно пришел он сюда лишь формальности для, чтобы никто не придирался к рапорту, Корицкий не стал дожимать. Ушел не прощаясь, раздумывая только вот над чем: имеет ли какое-то значение тот факт, что шеф смены был в курсе болезни жертвы.

Ни в одном из игровых притонов большего он не узнал. Все смотрели на него криво, играли мускулами, цедили угрозы, а потом выражали радость от смерти жертвы – и даже ставили соточку водки за здоровье убийцы. Признавались, что у Радзишевского были не все дома и что из дома-то он старался не выходить, поскольку как видел небо, так и начинал паниковать. Нет, он не соблазнил ничьей сестры или жены, уж они-то в курсе, как держать своих женщин подальше от таких. Соблазнял он чаще всего провинциалок, которые не знали ни жизни, ни города.

Ни одна из этих новостей Корицкого не радовала. Он вернулся к Ратушной башне на рассвете. Нашел заметки Брумика, писанные ровным, несколько детским старательным почерком. Подкомиссару понадобилось три страницы, чтобы проинформировать, что и он ничего не обнаружил.

Корицкий вздохнул. Глянул на часы, решил, что возвращаться домой смысла нет. Вытащил из шкафа толстую папку с надписью «Дела души». В ней пряталась бутылка коньяка. Сержант отпил прямо из горлышка, спрятал ее, затем вынул другую папку, наполненную

настоящими документами. Когда улегся на столе, подложил ее себе под голову вместо подушки.

Заснул мгновенно. Когда Брумик двумя часами позже его разбудил, Корицкий потянулся, зевнул. Отпил глоток кофе, сделанного вежливым начальником.

– И ничего? – спросил.

– Совершенно ничего, сержант. Нехорошо, да?

– Ну, у нас была хорошая серия, господин подкомиссар. Двенадцать раскрытых дел. В конце концов, должно было попасться и такое, которое мы не раскусим.

Брумик печально кивнул:

– Я предпочел бы верить, что мы непобедимы.

– Непобедимых нет, господин подкомиссар. Но сходим-ка еще к палачу, может, его насекомые что нашли?

Но Стшельбицкий тоже ничего не добился.

Еще три дня они расспрашивали проституток, альфонсов и даже самогонщиков. Брумик уперся, что должен съездить в село, по следу одной из брошенных Радзишевским девушек. Волей-неволей, а Корицкий тоже выбрался с ним. Дороги за городом все еще оставались опасными. Выехали они втроем со Стшельбицким. Никто на них даже не напал, и палач принял это за окончательное подтверждение, что преследует их неудача. Уж слишком он рассчитывал на серьезную стычку.

След оказался тупиком. Девушка сбежала из города, а здесь удалось ей даже выйти замуж. Никто в селе ничего не знал о ее приключениях в Кракове. Потому они лишь посидели немного в одном из домов в окруженном частоколом селе, полном мрачных баб и мужиков, привыкших, что любой чужак – потенциальный враг. Если бы эти хотели убить Радзишевского, просто приехали бы толпою в город и зарубили его топорами.

Когда они вернулись, сдался даже Брумик.

– Завтра рапортуем шефу, что закрываем дело, – пробурчал он и вышел.

Корицкий и Стшельбицкий мрачно переглянулись, а потом палач вынул папку с «делами души».

– Я надеялся, что ты хотя бы о ней не в курсе, – возмутился сержант.

– Я в курсе обо всем. Ну, сержант, выпьешь со мной за первый проигрыш?

Корицкий снова не попал домой.

Утром разбудил его невероятно радостный Брумик, проинформировав, что загрызен тот самый профессор вирусов.

* * *

Картина казалась на удивление знакомой. Кровать и куски тела. Но так как ученый собственной квартиры не имел, кровать стояла на чердаке.

– Сукин сын, – ворчал Стшельбицкий, изучая тело. – Хорошо, что сдох. Надеюсь, что он страдал. А следы – такие же. Зубы. Маленькие и большие.

Брумик молчал. От его утренней радости не осталось и следа. Он не отводил взгляда от стула в углу. Со спинки все еще свисали обрывки веревок.

– Вы были правы, комиссар, что-то с ним было не так, – процедил сквозь зубы Корицкий. – Ничего удивительного, что те дети были такими мрачными.

– И что, неужели родители ничего не знали?

– Обычно родители ничего и не знают.

Перед самым рассветом дом поставил на уши отчаянный визг одной из девочек. Десятлетку нашли привязанной к стулу на чердаке, в тесной комнатенке за фальшивой стеной из

фанеры. Глаза ее были безумны от ужаса, и она кричала не переставая. Докторам пришлось дать ей снотворное.

Брумика, как только тот думал, что надо бы ее допросить, начинала бить дрожь.

А ведь допросить требовалось не только ее. Возможно, «профессор» брал на чердак всех детей из квартиры, которую те с ним делили.

– Надо сжечь останки, – Стшельбицкий быстрее прочих пришел в себя. – Такие сволочи, как он, слишком сильно касаются той стороны. Он может и вернуться. Нужно сжечь тело, прах экзорцировать и пустить по ветру. Или зарыть в серебряной запечатанной шкапулке. Я не шучу.

– Сперва вы его осмотрите.

– Я не дам моим мурашикам эту падаль! И не хочу его на своем столе! А тому, кто его убил, поставлю выпивку. Вот так-то.

– Мы полиция, господин палач! – накинулся на него Брумик. – Ловим тех, кто убивает! Даже если они убивают такую падаль!

– Порой стоит прикрыть глаза. Что, я неправ, а, сержант?

– Это не первый труп в доме, мастер. А тот, кто уже убил дважды, станет это делать со все большей легкостью. Разумеется, профессоришку я бы и сам прикончил. Но кто станет следующим? Старуха с котами?

Палач лишь сплюнул и вышел.

– Везунчик он, – поглядел ему вслед Корицкий. – А нам, господин подкомиссар, придется допрашивать живых. И просто не будет.

И не было. Дети отвечали неохотно, но еще хуже было с родителями. Простые люди, прибывшие в Краков искать лучшей доли, работавшие с утра до ночи, они неохотно признавали, что могли что-то и не заметить. Начинили уже уговаривать себя, что не все дети могли пасть жертвой учителя-извращенца, что он наверняка лишь начал с дочки тех, Наборовских. Один из мужчин проворчал, что, может, это и вообще ее вина. И тогда Корицкому впервые пришлось вытаскивать разъяренного Брумика в коридор, чтобы тот не избил свидетеля.

Он взял шею господина подкомиссара в нельсон и прижал к стене.

– Пусти! – кричал Брумик. – Все, пусти меня, ладно!

– Пушу, когда вы охолонете. Это простые люди, господин подкомиссар. Они и думают по-простому. Порой по-глупому. Но они ничего не сделали.

– А стоило бы! Стоило им что-то сделать, дьявол их дери! Мы должны были что-то сделать!

Когда пришел вечер, они все еще пребывали в неизвестности.

– Всех этих детишек должен бы осмотреть доктор, – шепнул Брумик, совершенно не обращая внимания на то, что его – теоретически – подчиненные снова проигнорировали прямой приказ, отданный, как только Брумик стал начальником, и все еще держат на работе алкоголь. – Налейте-ка и мне, мастер.

Стшельбицкий приподнял мохнатую бровь, но от комментариев воздержался. Поставил на стол еще один стакан, наполнил.

– Он осмотрит, – уверил Корицкий. – Даже если мне придется его туда силой тащить. А родителей – с помощью ствола убеждать, чтобы помогли нам.

Выпили за это.

– Мы неверно на все смотрели, господа, – отозвался сержант после третьего круга. – Как обычные полицейские, мы искали обычные мотивы. Какие-то шулера, какие-то кокотки. На хрен все это.

– Какие-то гномы, – добавил палач.

– И гномов тоже на хрен. Хотя о том и речь, что именно гномов надо было держаться. То есть вещей необычных. Теперь-то мы уже в курсе, что ни шулера, ни обиженные отцы не трогали ни Радзишевского, ни профессоришку. И что у них общего?

– Что они преступники! – догадался палач.

– Вот только Радзишевский с точки зрения права был почти чист, – добавил Брумик сам себе. Понял, что был бестактен, и быстро наполнил стаканы по новой. – Если он и нарушал какой-то закон, то только моральный.

Стшельбицкий фыркнул презрительно:

– Нет полиции на моральный закон! Разве что попы!

– Полиции нет, – медленно повторил Корицкий. – Но все же... Всегда есть кто-то, кто полагает себя святым – и поучает других, верно? Доносит, следит...

– Вывешивает поучения! – догадался Брумик. – Боже милостивый, та бабища?

– Ничего другого мне в голову не приходит, – пожал плечами Корицкий. – Навестим ее утром. Втроем.

* * *

– Снова у вас украли объявление о том, что следует вытирать ноги, – проинформировал мадемуазель Крысю Брумик, когда недовольный господин Павловский впустил их в квартиру.

– Вот поймаю я их! – пообещала хозяйка. – Чтобы полиция тех воров нашла, я, небось, не дожусь! А вы чего сегодня втроем? Думаете, этот верзила кривомордый найдет что-то, чего вы не отыскиали?

– Я тоже очень рад с вами познакомиться, – Стшельбицкий криво ухмыльнулся. – Припадаю к ножкам, целую ручки. И всякое такое, вы же в курсе, госпожа.

– Хам, – подвела она черту.

– Но вежливый! – подмигнул он ей. – Настоящий мужчина. Вам бы такой пригодился.

– В собственном доме меня оскорбляют! – воскликнула она, упершись в бедра кулаками. – К счастью, нет такого закона, который приказывал бы мне ту комедию выслушивать. Пошли отсюда все! Вон!

– Идем уже, идем, – успокаивающе поднял ладонь Корицкий. – Мы сюда не вас дразнить пришли – только хотели представить нового соседа.

– Соседа? – глянула она грозно. – Хотите мне этого вот хама сюда засунуть на постой? У меня теснота! Нет места!

– У вас-то – нет. Но этажом ниже стоит пустая квартира, а нашему работнику жить негде. И поэтому разместится он пока что там. А к вам мы заглянули, так скажем, по пути и по делу. Поскольку мы сегодня к пану Павловскому.

– Ко мне? – удивился Павловский, выглядывая из-за «Часу Краковського», за которым он привычно прятался.

– Видите ли, надо нам закрыть одно дельце...

– Что, повидло? Господа, да я ведь целую баночку им купил! За собственные деньги! Даже мадемуазель Крыся мне уже простила!

– Увы, пришлось нам вписать то происшествие в рапорт, – развел руками Корицкий. – Ну и шеф нам приказал – для порядка – еще раз вас допросить, чтобы в бумагах все было путем.

– Да вы не переживайте, – утешил явно оторопевшего мужчину Брумик. – Это простая формальность. Зададим несколько вопросов, запишем показания, вы их подмахнете – и назад, домой.

– Простая формальность, – бормотал он, надевая ботинки. – Это лишь так говорится: «простая формальность». А человек-то потом исчезает.

Но не исчез. Живой и здоровый он вернулся в квартиру, где сразу же помчался на кухню, чтобы поговорить с мадемуазель Крысей.

– Не повесили вас? – кивнула та, явно разочарованная. – Да уж, времена! При покойнике-то императоре вы бы так легко не отделались!

– Да что вы такое говорите, мадемуазель Крыся! Ведь даже при Франце-Иосифе не вешали за ложку повидла!

– Может, не вешали, а может, и вешали. В армии бы вас расстреляли. Но раз уж вы живы, на мою беду, то прочь с моей кухни, не мешайте честной женщине работать. Не ваше нынче дежурство.

– Так я ведь к вам, собственно! С новостями!

Она встрепенулась. Если с новостями – другое дело. Даже придвинула ему стул, чтобы присел за стол.

– Они меня про то повидло расспрашивали, – начал Павловский. – Словно я кого убил, ей-богу! Но если правду говорить, то я от них побольше узнал, чем они от меня. Потому что они немного и между собой говорили, пока меня пугали. «Вот интересно, каково вам с новым соседом-то будет? – все тот небритый насмехался. – Да со мной рядом шулер тот ваш – ангел чистый!» Я, мадемуазель Крыся, удивился: как, мол, так? Он ведь, новый, – полиции человек. А они на то оба как рассмеются, у меня аж холод по спине пошел, Господом Богом клянусь! Не то предчувствие, не то прострелило меня там, потому что как заболело после в спине, я и подняться не сразу сумел!

– Вам бы только сидеть! Вы и месяц тому рассказывали, чтоб от уборки отговориться, что люмбаго у вас.

– А может, это снова люмбаго, – кивнул он. – Но и у вас люмбаго случилось бы, узнай вы то, что узнал я!

– Да говорите уже наконец, что там интересного, а не только о болезнях своих!

– Он никакой не полицейский! Он даже не человек! Хуже того! Преступник он!

– Преступник? – охнула она.

– Он людей убивал! Палач он!

– Палач?

– Ну, приговоры исполнял!

– Но палач – персона государственная. Злодеев казнит. Что вы мне голову морочите? Таких-то нам в доме и надобно! Наверняка ведь трястись не станет, когда потребуется курице голову отрубить. Не то что некоторые!

– Ох, да у меня тогда мигрень была, мадемуазель Крыся! Поэтому я и отказался! Только поэтому! Клянусь! Но вы еще всего не знаете. Это ж не простой палач. Это Антоний Стшельбицкий, которому и самому голову больше ста лет тому отрубили. За грабежи, за атаманство над разбойниками. Судовым приговором его осудили! Пьяница он, баламут, злодей, убийца! Худший из худших! Из могилы вылез, а теперь с нами живет!

– Скандал! – прошептала побледневшая мадемуазель Крыся, опадая на стул. – Такое-то в доме нашем!

– Он сирот, стариков, вдов грабил! – Павловский перечислял преступления Стшельбицкого, о которых охотно трепались двое полицейских, порой используя то, что нашли в деле палача, а порой – на собственное воображение. – На церкви нападал! Один раз епископа ограбил да голым отпустил!

Они перекрестились. А когда мадемуазель Крыся пришла в себя, приказала Павловскому следить за бульоном, чтоб тот не выкипел, сама же отправилась навестить нового соседа.

Застучала в дверь, а когда открыл, протирая глаза, – заявила, что в курсе уже, что он за фрукт, и что лучше для него будет, если съедет из дому.

– А то что? – спросил он, широко улыбаясь. – Станете на меня доносы писать?

– Это приличный дом!

– Ага. Приличный. Шулер, пьяницы, извращенец и безумная баба с котами. Ступай, тетка, а то как дам!..

Он захлопнул дверь у нее перед носом.

– Совести у вас нет, что так вот мучите нас своим присутствием! – крикнула она.

Подождала какое-то время, не вернется ли жилец. А когда дошло до нее, что вряд ли дождется, заявила, что так просто этого не оставит, после чего развернулась и вышла.

Злость сорвала на Павловском, который зачитался газетой и не уследил за бульоном.

* * *

Три ночи кряду не происходило ничего. Брумик и Корицкий зря пробирались вечерами крышами, спускались по веревке и с трудом проникали в окно квартиры, занятой Стшельбицким. Брумик начал уж подозревать котов с генеральскими именами: мол, именно они шныряли по крышам и единственные могли быть свидетелями походов полицейских.

К счастью, в четвертую ночь в замке двери заскрежетал подделанный ключ, а потом раздалось скрипение петель.

Стшельбицкий, который как раз стоял на страже, быстро разбудил коллег. Они притаились за кроватью, он же прилег и захрапел, несколько чрезмерно и театрально.

Они услышали шаги в прихожей. Тяжелые и неторопливые. Странные: словно кто-то двигался неуверенно, как едва научившийся ходить ребенок.

То, что имели они дело не с ребенком, убедились, когда дверь в спальню распахнулась и в проеме показалась мадемуазель Крыся во всей своей красе.

Выглядела она несколько странновато в светлой ночной рубаше, огромной, словно шатер. Густые волосы ее спутаны были сеткой, которую надевала она на ночь. Но волосы сдаваться не желали. Распираемый изнутри материал едва сдерживал их, вставал дыбом, пружинил и колыхался. В темноте выглядели они под сеткой как вторая, куда большая голова.

Мадемуазель Крыся принялась, словно идя по следу.

– Преступление, – отозвалась глухо. – Вонь негодяйства. Ужас, ужас!

Склонилась над палачом, встряхнула его, он же притворился, что просыпается, и сел на постели.

– Признайся в грехах! – завывала она.

– Что вы тут... У нее глаза закрыты! – крикнул он спрятавшимся полицейским. – Луна-тичка!

– Признайся в грехах! – потребовала она вновь.

– Да какие грехи? – возмутился он. – Ты, баба, ко мне домой проникла, в постель лезешь, а еще и цепляешься! Поговори ты нормально, я бы тебя не выставил, девка ты крепкая, ничего не скажу. Но при таком-то хамстве...

– Признайся в грехах! – оборвала она. – Покорись! Покажи, что раскаиваешься!

– Ничего я не раскаиваюсь! Мне голову отрубили, вина прощена!

– Нет в тебе раскаяния, – оценила она скорее печально, чем с гневом. – Совесть тебя не грызет?

– Нет!

– Гордыня! Ну, ежели у тебя совести нет, то и моей хватит.

Она начала открывать рот. А как начала, так и перестать уже не могла. Обнажила ровные крепкие зубы и накинулась на Стшельбицкого так быстро, что тот не успел уклониться. Вырвался от нее, оставляя в зубах мадемуазель Крыси немалый кусок мяса с предплечья. Заорал. И снова отскочил, поскольку вновь оказалась она рядом. Клацнула зубами, промахнулась. Тряхнула головой и распахнула челюсти еще шире, за пределы человеческих возможностей.

– Чего ждете? – крикнул он, отмеряя даме солидный хук справа, от которого та уселась на пол. – Пока сожрет меня?

Она же вставала. Головы у нее уже не было, одни исполинские челюсти, которые продолжали расти.

Она прыгнула к нему. Он заслонился стулом, а мощные зубы сомкнулись на одной из ножек. Та переломилась с треском. А челюсти мадемуазель Крыси снова выросли.

Корицкий и Брумик наконец пришли в себя. Выскочили из укрытия с пистолетами в руках, но замерли недвижимо.

– И как в это стрелять? – спросил подкомиссар удивленно.

Потому что перед ними был уже не человек, но огромные, словно драконья пасть, челюсти, колышущиеся на двух крепких ногах мадемуазель Крыси, чье тело почти полностью исчезло, превратясь в огромные зубища, все пытающиеся цапнуть палача. Тот уклонился в очередной раз, пробуя даже наносить удары, но даже когда те достигали цели, не производили, казалось, на измененную женщину ни малейшего впечатления.

Корицкий сорвал простынку с кровати и набросил ее на мадемуазель Крысю.

– Комиссар! Веревку! – крикнул.

Брумик наклонился за веревкой, которую они втягивали в квартиру после того, как спускались по ней с крыши. Вместе со Стшельбицким спутал яростно быющее под простынкой существо, не давая ему освободиться.

Сражаться с ним, прежде чем оно наконец сдалось, пришлось до утра. А с первыми лучами солнца снова превратилось оно в огромную женщину.

– Вот теперь ее можно и застрелить, – предложил Стшельбицкий из-под стены, которую он, усталый, подпирает.

– Лунатичка, – просопел Брумик. – Нельзя. Была не в себе. Нельзя.

– То есть что? Невинновна? Выпускаем ее?

– Ну это-то – нет. – Корицкому единственному хватило сил вползти на кровать. – Уж очень она опасна. Будут ее держать взаперти. Наверняка в госпитале в том селе под Краковом. Создали там подразделение для таких, как она, сверхъестественных безумцев.

– В Кобежине? – подсказал Брумик.

– Именно.

Двумя часами позже они наблюдали, как связанную, одуревшую от успокоительных женщину санитары грузят в огромную клетку и располагают на повозке.

Стояли они теперь не в одиночестве.

– И что с нами-то будет? – всхлипывал Павловский. – Кто нами займется?

– Сами собой займетесь, – осадил его Стшельбицкий. – Нет вам нужды в этой... народной совести!

– За себя говорите! Я о вас все знаю!

– Ступайте-ка вы домой, пока я добрый! – рявкнул на него палач, после чего развернулся и сам ушел.

Брумик и Корицкий двинулись следом.

– Никто не знает! – рычал Стшельбицкий. – Никто ничего не знает! Весь этот треп о совести...

– Он знает то, что мы наговорили. А нам-то пришлось преувеличить, верно, сержант?

– Эта ваша идея о голом епископе и правда была милой, комиссар.

– О епископе? – палач глянул на одного, затем на второго. – О каком епископе? Что вы там мне приписали?

– Да историю о том, как вы одного епископа пустили голышом через город, потому что тот грозил вам с амвона, а сам ходил по девкам. И надо ж такому случиться, чтобы понравилась вам одна и та же, – пояснил Брумик. – Знаете, мы это сказали, чтобы ту бабу спровоцировать. Были уверены, что Павловский ей все повторит, ну и... Мы ведь в курсе, что вы ничего такого не делали...

– А жаль, что не делал! – воскликнул палач. – Вот была бы история! А знаете, господа, ведь было у меня одно дело с попом – не с епископом, правда, но он действительно был до девок охоч... И кокотки-то все жаловались, что он им... – Стшельбицкий оборвал себя, поразмыслил. – Но от господина комиссара таких-то фантазий я не ожидал. В тихом омуте!..

Он захохотал.

– На сухую глотку я вам ту историю излагать не стану. Пойдемте, господа, на Псовой был кабак, который никогда не закрывается. Там я вам все и расскажу.

– Надо сперва рапорт составить, – пробурчал Брумик.

– И выкупаться, – Корицкий провел ладонью по слишком давно не мытой голове.

– Я ставлю! – искушал Стшельбицкий, потянув их следом.

А поскольку оба они уже были настоящими краковянами, финансовый аргумент сей обратился к их сердцам и умирил служебное рвение. И нисколько рвение это не помешало им провести все утро за пивом, внимая историям о былых временах.

Наталья Осояну Жемчужная гавань

Что в воду упало – то не пропало.

Всякий раз после очередной неудачи, очередного не попад сказанного слова или не вовремя сделанного шага Глинну Тамро снилась Эльга-Заступница, и сны эти были так похожи друг на друга, словно он попадал внутрь хитроумной краффтеровской машины и превращался в механического голема, обреченного вечно повторять одни и те же движения. Сначала он шел по берегу; справа от него море длинными пальцами волн перебирало разноцветную гальку, слева вздымались синие горы, чьи вершины прятались в густом тумане. Он был один. Потом впереди обнаруживалась фигура в белом, и чем ближе он подходил, тем лучше мог разглядеть ее – стройную молодую женщину в длинном платье, с распущенными темно-русыми волосами. Она стояла лицом к морю и как будто пыталась что-то разглядеть посреди бескрайних владений Великого шторма. У нее было красивое, но грустное лицо с тонкими чертами – лицо, как две капли воды похожее на статую в портовой церкви родного города Глинна.

Он замирал, потрясенный осознанием того, что видит богиню.

Она вздыхала, небрежным жестом смахивала слезу – должно быть, от соленого морского ветра?..

Вместо возгласа «Подожди!» из его горла вырывался тихий хриплый шепот, а ноги отказывались подчиняться, словно он и впрямь был големом с шестеренками в голове и искрой звездного огня вместо сердца. Механическим тварям, как известно, к воде лучше не приближаться.

Эльга поворачивалась к нему спиной и уходила, исчезала среди острых скал, похожих на зубы чудовища. Так повторялось до тех пор, пока Глинн не уверился в том, что она его ненавидит.

– Тамро? Тамро? Опять спите, негодник вы этакий?

– Нет, профессор, я просто задумался.

– А-а, так вы умеете думать? Осмелюсь спросить – хотя мне заранее страшно услышать ответ, – какие мысли роятся в вашей голове? Связаны ли они с Договором Семерых, которому посвящена сегодняшняя лекция? Или вы просто предаетесь воспоминаниям о том времени, когда с вашим другом – как бишь его звали? – развлекались в тавернах Ниэмара, сорили чужими деньгами? Даже странно, что это вас так увлекло, ведь в вашем родном Лейстесе нечем было заниматься, кроме все тех же грабежей... то есть, я хотел сказать, кутежей.

– Ошибаетесь, профессор, я думал совсем о другом.

– Так просветите же меня, умник вы наш!

– Союзный договор – я предпочитаю называть его именно так, ведь вы же знаете, что в течение десяти лет после того, как он был подписан старейшинами семи кланов, еще три семейства объявили о желании к нему присоединиться, – так вот, Союзный договор был на самом деле не более чем ловушкой, которую клан Корвисс устроил для капитана-императора Аматейна. Они с самого начала знали, что его величество не устоит перед соблазном и нарушит тайный протокол о запрете на магию полужизни. Они все продумали. Это их следует благодарить за развал Империи, и тот факт, что обе битвы при Росмере...

– Стоп, стоп! Я, знаете ли, встречал немало завиральных теорий по поводу Договора и того, что ему предшествовало, но это уже переходит всякие границы! Тамро, откуда вы взяли этот бред? У Дарриона? У Саразина Ламарского?

– Н-нет. Я пришел к выводу, что...

– Тамро, вы оглохли? Я задал вполне конкретный вопрос – где вы прочитали то, о чем изволили нам поведать с таким воодушевлением, словно сами все написали? Только не надо вешать мне на уши морскую капусту, я никогда не поверю в мыслителя родом из Лейстеса. Зачем вы вообще выбрались из пиратского гнезда, а, Тамро? Сидели бы там, под боком у отца и старших братьев, они бы обязательно нашли вам какое-нибудь дело – ведь пираты своих не бросают, хе-хе. Ну так что?

– Мне нечего добавить к сказанному, профессор.

– Понятно. Вот вам задание, Тамро: завтра в это же время я жду от вас документальных подтверждений тому, что клан Корвисс и в самом деле знал о предстоящем нарушении Договора Семерых и осознанно использовал нарушение в своих целях. Достаточно будет одной строчки, одного слова, но я должен его увидеть завтра. Иначе я задействую правило Трех провалов – а это ведь будет третий провал, не так ли? – и вы вылетите из Университета быстрее, чем ядро вылетает из пушки. Все понятно? Отлично. Теперь продолжим. Итак, Союзный... гм... кракен вас побери, Тамро... итак, Договор Семерых является одним из примеров...

~ Подожди!~

Глинн вздрогнул и проснулся.

В библиотеке было очень тихо и темно, горела только одна краффтеровская лампа – на столе, посреди беспорядочного нагромождения книг, оказавшихся на этот раз совершенно ненужными. Сколько часов он проспал, уткнувшись лбом в раскрытый третий том «Истории морей и суши» Саразина Ламарского? Он подумал: «Чудо, что страницы не помялись...» – а потом криво улыбнулся и покачал головой. За подпорченную книгу угрожал штраф, но это уже не имело никакого значения, потому что невыполнимое задание профессора Эллекена гарантировало: в самом скором времени в Ниэмарском университете станет на одного студента меньше. Лучше бы он и впрямь снова испортил книгу – за это наказывали, но не исключали. Те времена, когда каждый рукописный фолиант ценился на вес звездного огня, давно прошли, хвала Краффтерам и их машинам, в особенности печатным.

Рукописи...

Он поднялся и украдкой огляделся, делая вид, будто разминает затекшие плечи и шею. В читальном зале – одном из тринадцати залов громаднейшей библиотеки Ниэмарского университета, самой большой библиотеки Десяти тысяч островов – по-прежнему было тихо, и даже со стороны коридора не доносилось ни звука; в какой-то момент он краем глаза заметил, как что-то шевельнулось на галерее, опоясывавшей зал на уровне второго этажа, и насторожился, но потом с облегчением понял – померещилось. Вероятно, он проснулся в тот момент, когда часы у входа в Библиотеку пробили полночь и из глубин искусственного моря выбрался первый механический Пожиратель, которому на протяжении часа предстояло тихонько подбираться к одному из шести безымянных Городов, чтобы у его стен сразиться с фрегатом-защитником и убраться восвояси, поджав израненные щупальца. Скоро какой-нибудь из ночных сторожей заглянет в читальный зал и выпроводит припозднившегося студента вон. Глинн понятия не имел, сколько времени на самом деле осталось в его распоряжении, но опасная идея, родившаяся в его голове, была слишком притягательна, чтобы просто так от нее отказаться. Чем он теперь рисковал? Исключить дважды его не сумеет даже Эллекен.

Подкрутив ручку крафферовской лампы так, чтобы холодный белый огонек в ее хрустальном сердечнике почти погас, Глинн сунул руку в карман и нащупал вещь, которую предпочитал каждый день носить с собой, не желая, чтобы ее обнаружил в его вещах какой-нибудь не в меру любопытный сосед. Случись такое, из «пиратского сына» он превратится в «вора и пирата». Это было бы вдвойне несправедливо: предки Глинна Тамро вовсе не были первопоселенцами, они перебрались в Лейстес из разрушенного до основания Мариона, выбрав город, более-менее сохранившийся после нашествия пожирателей, – а сохранился он, стоило бы заметить, благодаря самоотверженной храбрости тех самых пиратов, над которыми так любил потешаться достопочтенный профессор Эллекен, – и, самое главное, эту штуковину Глинн получил уже в Ниэмаре. Она принадлежала его другу.

«Что же ты медлишь? – сказал бы этот друг. – Вперед, пиратский сын! Покажи покрытым пылью и плесенью сухопутным шебаршилам, на что ты способен!»

Не давая себе времени на раздумья, Глинн вышел из читального зала и оказался в широком коридоре, освещенном зеленоватыми крафферовскими лампами, размещенными под самым потолком. Где-то далеко раздавалось ритмичное постукивание – Глинн насторожился, а потом перевел дух, сообразив, что это всего лишь ночной дождь барабанит в окно. Его цель располагалась близко, почти что в двух шагах: неприметная дверь на замке, с которым нетрудно справиться при помощи лежавшего у него в кармане складного ножа с узким лезвием и множеством секретов – ножа, который неспроста называли воровским.

Он время от времени навещал это странное место по ночам, каждый раз рискуя быть пойманным и изгнанным из Университета с позором, и все никак не мог понять, отчего столь ценные вещи держали именно здесь. В маленькой неохраняемой комнате, заставленной стеллажами, между которыми мог протиснуться лишь худощавый человек вроде самого Глинна, хранились не книги, а журналы, дневники, письма и прочие документы тех лет, когда Союзный договор готовился, подписывался первыми семью участниками и распространялся, вовлекая кланы в игру, затеянную хитроумными воронами из клана Корвисс. Глинну хотелось верить, что именно здесь он узнал такие подробности о договоре, о каких никогда не говорили в лекционных залах, – прочитал в какой-нибудь старой тетради, а потом забыл, – хотя существовало еще одно объяснение, о котором он предпочитал не думать. Впрочем, сейчас уже не имело значения, каким образом сведения просочились в его память. Если бы Эльга-Заступница подарила ему хотя бы неделю, чтобы во всем как следует разобраться, он бы смог выбраться из западни, он бы что-то нашел...

Но недели у него не было. И даже дня не было.

Полчаса и слепая удача – вот и все, на что он мог рассчитывать.

В хранилище царили зловещие сумерки – его освещала только одна вечная лампочка кроваво-красного цвета, – и если бы Глинну действительно выпала возможность провести здесь столько времени, сколько хотелось, он бы точно испортил зрение. Содержимое стеллажей не было рассортировано ни по годам, ни по авторам, однако в прошлый раз он случайно обнаружил дневники Айлантри-младшего из рода Корвисс – того самого Айлантри, последнего секретаря Рейнена Корвисса, Духа Закона. Дневники занимали целую полку, и наверняка хоть в одном из них должен был упоминаться Союзный договор, будь он проклят на суше, на море и в облаках.

~ Что же ты медлишь, пиратский сын?~

Он зажмурился и крепко сжал кулаки, пытаясь унять внезапную дрожь. Внутри него проснулся ребенок – мальчишка, единственный раз в жизни осмелившийся пойти против воли грозного отца. «Тебя не примут в Ниэмаре, – сказал три года назад Джельен Тамро своему младшему сыну. – Ты не такой, как они. Не думай, будто дело лишь в том, что Ниэмар мнит себя преемником Облачного города; просто есть пиратский Лейстес – и все остальные города. Наша семья поселилась здесь позже многих других, и у нас совсем иная исто-

рия, но тебе все равно припишут чужие подвиги». Теперь-то Глинн понимал: отец позволил ему уехать, заранее зная, что все закончится разбитыми мечтами, испорченной репутацией, позорным возвращением домой. И как же глупо думать, будто в самый последний момент он обнаружит в этом скопище древних бумаг что-то полезное!

Он ринулся к шкафу с дневниками Айлантри и, на некоторое время позабыв об осторожности, принялся шумно и торопливо листать один ветхий журнал за другим. На пол сыпались отделившиеся от переплета листы и какие-то бумаги, вложенные между страниц; Глинн ничего не видел. Его взгляд скользил по строчкам – почерк у ворона был витиеватый, но читался легко, – а его разум лихорадочно сортировал новые сведения по невидимым полкам. Надежда что-то найти таяла с каждой секундой, и он как будто видел краем глаза пожарателя, воздевшего щупальца над крепостными стенами...

Что-то стукнуло и разбилось с громким звоном, а потом раздались торопливые шаги и приглушенные ругательства – приближался ночной сторож. Глинн затаил дыхание и зажмурился, а когда все звуки стихли, открыл глаза и осознал, что впервые учинил в хранилище заметный беспорядок. Первым его побуждением было прибраться, но потом он понял, что это лишь пустая трата времени.

Лист бумаги, сложенный вчетверо, лежал чуть в стороне от общей кучи. Глинн, повинаясь еще одному внезапному порыву, поднял его и сунул в карман. Мелкая кража, безобидная пакость – раз уж смотрители не позаботились о более достойном хранилище для документов, пусть пожинают плоды. А он уедет домой, увозя с собой частичку прошлого – документ, написанный рукой самого Айлантри-младшего или кого-то из тех, с кем знаменитый ворон был знаком.

В тумане показался берег, и вскоре нашим глазам открылось зрелище, подобного которому не доводилось видеть ни мне, ни кому-либо еще из команды «Гончей», ни даже самому капитану. Все мы год назад побывали в Гнезде Феникса и с трепетом наблюдали за ползующими по склонам Громовой горы реками живого огня, но теперь все было совсем по-другому: сквозь нагромождение гранитных утесов пробивались сверкающие реки льда и тянулись до самой воды. Мы любовались их великолепием битый час и лишь потом продолжили путь.

Дальнейшее путешествие обошлось без приключений – по крайней мере не случилось ничего такого, о чем стоило бы рассказывать тебе, моя дорогая Рильма, – и вот теперь мы в городе под названием Альтимей, отдыхаем после долгого пути, будучи в шаге от цели. «Гончая» в доке (я уже два года прожил внутри нее, но по-прежнему удивляюсь тому, насколько она, как и все прочие рыбкорабли, живая), команда разбрелась по местам, о которых мне ничего не известно, а сам я сижу в гостиничном номере и пишу это письмо. Гостиница называется «Золотая раковина», в Альтимее она считается самой приличной. Надо признаться, город этот выглядит странно: он не похож ни на шумный Ламар, ни на зловещий Росмер, ни на помпезный Ниэмар; он сам по себе. В считанных милях от него находятся руины так называемого Старого Альтимея, около тысячи лет назад разрушенного землетрясением – да-да, тем же самым землетрясением, что опустошило Жемчужную гавань, в которую мы так стремимся попасть! Только вот здесь оно принесло куда более существенный ущерб самому городу: каменистый берег, на котором стоял Старый Альтимей, пополз к морю, и от всех городских построек тех времен уцелел один лишь маяк – впрочем, местные жители почему-то перестали пользоваться им еще до Великого перемирия и даже сейчас избегают о нем говорить. После

катастрофы люди покинули остров и вернулись не сразу, но все-таки построенный ими Новый Альтимей выглядит не новым, а таким, будто видел пришествие Основателей. Здесь все улицы неправильные – каждая делает, по меньшей мере, пять крутых поворотов, не считая остальных, плавных и незаметных, – а дома временами наползают друг на друга, так что ступени, ведущие к порогу одного жилища, располагаются на крыше другого. Повсюду растут грании; сейчас весна, и их кроны полыхают от несметного множества ярко-красных цветов с одуряющим ароматом. Одно такое дерево стучит веткой в окно, и мне все время кажется, что это ты стучишь, зовешь меня. Я так скучаю, Рильма, я так скучаю! Но все будет хорошо, вот увидишь: мы вернемся из Жемчужной гавани богатыми и знаменитыми людьми, и я найму фрегат, чтобы мы с тобой на нем объездили весь свет и увидели все чудеса, какие только...

Глинн сидел на ступеньках узкой каменной лестницы, что спускалась к самому Университетскому каналу, и смотрел на безмятежную зеленовато-голубую поверхность воды. Он часто приходил сюда, чтобы поразмыслить о чем-нибудь в одиночестве: этим причалом давно не пользовались, лодки здесь проходили редко, и чаще всего единственным чужим взглядом, который мог отвлечь его от раздумий, был взгляд покрытой мхом статуи на противоположном берегу. Иногда он погружался в странное полудремотное состояние и слышал, как вода что-то шепчет на незнакомом языке; ему было тревожно, и все-таки он возвращался сюда снова и снова, как любопытный ребенок возвращается к клетке, в которой заперт опасный зверь.

Дом по левую руку от него принадлежал профессору Барзи. Эллекен и Барзи были заклятыми врагами – уже никто не помнил, что стало причиной их вражды, но каждый студент знал, насколько опасно в присутствии одного из них ссылаться на труды другого или хотя бы упоминать ненавистное имя. Барзи обратил внимание на Глинна после одной неприятной сцены в лекционном зале и стал покровительствовать «пиратскому сыну», то и дело вытаскивая его из разнообразных неприятностей, наслаждаясь бешенством Эллекена. Еще Глинна иногда приглашали на семейные ужины, благодаря которым он познакомился с женой Барзи и его дочерью, темноволосой красавицей Марией – она должна была пройти вступительные испытания только через год, но по знаниям и сообразительности заметно опережала большинство студентов, с которыми учился Глинн, да и его самого. Рядом с этой девушкой он чувствовал себя неуютно и особенно переживал, когда приходилось обращаться к ней за советом.

Но сейчас ни Мария, ни ее отец не могли ему помочь.

– Ты почему не зашел к нам? Отец, знаешь ли, беспокоится.

Глинн сложил украденное письмо вчетверо, сунул за пазуху и только после этого обернулся. Мария спускалась по древним осыпающимся ступенькам, опасливо держась за каменные перила; лицо у нее было бледное, под глазами лежали тени, а из тяжелого узла волос выбилось несколько длинных прядей.

– Ты не ложишься спать этой ночью, – заметил Глинн и запоздало прикусил язык – говорить о таком с юной девушкой было неприлично, пусть даже он знал наверняка, что темное время суток она провела за книгами.

Мария Барзи не осталась в долгу.

– Ты тоже, – сказала она, улыбаясь, и села рядом с Глинном, на пару ступенек выше. Он вздохнул и потер ладонями усталое лицо. – Нашел что-нибудь подходящее, чтобы предъявить этому злыдню Эллекену? Правило Трех провалов – серьезная вещь, с ним не шутят.

Будто он об этом не знал!..

Письмо без начала и конца – то самое, что лежало у Глинна под рубашкой и жгло кожу, словно пропитанное звездным огнем, – было поразительной находкой, но рассказывать о ней Марии или ее отцу не следовало по двум причинам.

«...тем же самым землетрясением, что опустошило Жемчужную гавань, в которую мы так стремимся попасть».

Жемчужная гавань.

Глинн забрал этот листочек из хранилища, будучи уверенным в том, что истинная его ценность невелика – в конце концов, разве мало в Библиотеке бумаг, чей единственный смысл в том, что к ним когда-то прикасалась знаменитая рука? Но на самом деле он впервые в жизни совершил кражу.

Саваррен – такое имя носил этот город давным-давно, в ту эпоху, когда мир еще не был разделен на две части, принадлежащие магусам и меррам соответственно; теперь его называли только «Жемчужной гаванью», и на то имелись причины. Глинн знал две главные версии того, что случилось в Саваррене примерно тысячу двести лет назад: почтенные авторы научных трудов считали, что во время сильного землетрясения сквозь трещины в земле вырвался некий ядовитый газ, за считанные минуты отправивший почти всех жителей в Заоблачные сады Эльги-Заступницы или на Крабьи луга Великого шторма; в народе же рассказывали другое – будто бы один из уроженцев Саваррена имел неосторожность обмануть влюбленную в него русалку, и Меррская мать отомстила за дочь, как умела, – наслала на горожан жуткую жемчужную болезнь. Легенда была популярнее правды; впрочем, никто не знал, что там произошло на самом деле, потому что немногие выжившие быстро затерялись в бескрайнем океане, потому что вскоре после гибели Саваррена началась двухсотлетняя война с меррами, потому что Великому Шторму угодно было стереть все сведения о месте расположения этого города из памяти фрегатов и навигаторов... К тому моменту, когда о нем вспомнили, никто уже не мог со всей уверенностью сказать, где именно следует искать опустевшую Жемчужную гавань, и стали рождаться легенды, одна причудливее другой. Саваррен был богат, а Жемчужная гавань хранила несметные сокровища; Саваррен был большим, а Жемчужная гавань занимала целый остров; в Саваррене имелось много домов высотой в пять-шесть этажей, а Жемчужная гавань славилась перламутровыми башнями, упиравшимися в облака, и об этих башнях многие готовы были рассказывать часами, хотя никогда их не видели и даже не надеялись увидеть.

«...мы вернемся из Жемчужной гавани богатыми и знаменитыми людьми, и я найму фрегат, чтобы мы с тобой на нем объездили весь свет».

На обороте письма была нарисована карта.

На карте был отмечен остров к северо-востоку от Альтимея.

– Я нашел кое-что, – медленно проговорил Глинн, не глядя на Марию. – Сомневаюсь, что из этого выйдет толк, но попробовать-то стоит. У меня все равно нет другого выхода.

– Верно, – сказала она. – Попробовать стоит.

Глинн машинально сунул руку в карман, где лежал воровской нож, а потом повернулся к своей собеседнице. Дочь профессора Барзи смотрела на него со странным выражением лица. Она его жалела? Она ждала, что он расскажет подробнее о своей находке?

– Я помню те события, которыми тебя попрекает Эллекен, – сказала Мария, внимательно глядя ему прямо в глаза. – Честно говоря, ты был тогда совсем другим человеком. Потом ушел твой друг Кайт, и все изменилось, однако иногда мне кажется, что Кайт забрал с собой часть тебя... какую-то важную часть. – На мгновение ее взгляд переместился с его лица на руку – ту самую, что сжимала нож в кармане. – Но я, скорее всего, ошибаюсь.

~ Что же ты сидишь, словно каменный болван у входа в Росмерскую гавань? Решайся, пиратский сын!~

Он с трудом улыбнулся и кивнул.

– Вот и славно! – Мария встала, отряхнула пыль с юбки, поправила шаль на плечах. От воды тянуло сыростью, и Глинн тоже начал дрожать, но не от холода, а от внезапного понимания того, что именно ему надо было сделать, причем как можно быстрее. – Мы ждем тебя к обеду. Расскажешь отцу, что нашел в Библиотеке, – думаю, у него найдется для тебя парочка важных советов. Я приду на вечернюю лекцию.

«Чтобы посмотреть на мой позор?» – подумал Глинн, а вслух сказал:

– Я обязательно пообедаю с вами сегодня.

По сравнению с кражей ложь была совсем нестрашным грехом.

– Куда вы направляетесь?

– В Ламар. А тебе чего надо, малый? Пассажиров не берем.

– Вам деньги не нужны? Я, может, и выгляжу как бедный студент...

– Ты и есть бедный студент. Я тебя видел недели три назад в конторе Фабиарни – ты переписывал для них какие-то испорченные плесенью бумаги. У меня память ого-го, Шторму на зависть. Иди отсюда, не мешай. Ну-ка, шебаршилы, чего рты раскрыли? Ждете, когда у бочек вырастут ноги?

Все имущество, что Глинн скопил за три года студенчества, поместилось в небольшую дорожную сумку. Сменная рубашка, одеяло, две тетради с заметками, краффтеровская зажималка и нож. В Университете кормили хоть и скромно, да бесплатно, однако почти все, что ему удавалось заработать, выполняя обязанности счетовода или писца в какой-нибудь лавке, уходило на оплату комнаты в гостинице.

Еще имелась небольшая сумма, оставленная на хранение в Краффтеровском королевском банке в первый же день в Низмаре. Это была страховка, которой он не хотел пользоваться. «Если вдруг придется возвращаться раньше, чем ты рассчитываешь», – сказала его мать в тот день, когда они прощались, а Глинн услышал: «Когда придется возвращаться раньше, чем ты рассчитываешь». Лара Тамро, как и ее супруг, не верила в низмарское будущее сына, но готова была помочь ему с обратной дорогой.

Она вряд ли догадывалась, на что он потратит эти деньги.

– День добрый! Мне сказали, что «Вертихвостка» сегодня ночью уходит в Облачный город, и я хотел узнать...

– Пассажиров не берем.

– Но я заплачу!

– Пассажиров не берем.

– Почему?!

– Слушай, друг, шел бы ты своей дорогой, пока тут не появился наш очень злой капитан. Он уже почувствовал, что рядом водогляд, просто слишком занят, чтобы прогонять тебя лично. И, поверь мне, даже если бы ты был не тем, кто ты есть, – место на борту «Вертихвостки» студенту не по карману.

Глинн впервые услышал словечко «водогляд», когда ему было восемь лет. Все четыре старших сына Джельена и Лары Тамро в силу удивительного стечения обстоятельств оказались навигаторами и в довольно раннем возрасте обрели свои корабли, причем самому старшему, Ройсу, досталась «Хохотунья», ранее принадлежавшая Ригтеру Малене, покойному главе соперничавшей с «Домом Тамро» торговой компании. Эта неслыханная удача позволила Джельену Тамро за несколько лет подмять под себя всю торговлю в окрестностях Лейстеса, а также запустить хваткие щупальца в воды отдаленной Лазурной гавани, где клиенты ходили косяками в любое время года. От Глинна – не то в шутку, не то всерьез – ожидали

того же дара, которым были наделены его братья. Но месяцы и годы сменяли друг друга, он рос обычным ребенком, и лишь когда шутки о пятом навигаторе уже всем наскучили, случилось странное.

Лара взяла младшего сына с собой, отправившись на пристань, чтобы встретить фрегат Ройса, и там мальчик от скуки принялся бросать в воду собранные по дороге камешки. «Хохотунью» удалось подвести к причалу только с третьей попытки, потому что она вдруг начала дергать всеми парусами, обрывая снасти, и тем самым привлекла к себе всеобщее внимание. Взбешенный Ройс слетел по трапу, будто сам Великий шторм, и, к величайшему удивлению вольных и невольных зрителей, обрушился на младшего брата с обвинениями в том, что именно из-за него живой фрегат вел себя столь непривычным образом.

«Что ты сделал? – кричал он. – Дрянной маленький водогляд, как ты это сделал?!»

Глинн, конечно, разревелся. Он понятия не имел, что произошло, но одно понял сразу: брат его ненавидит и боится. На следующий день грозный Джельен Тамро позвал сына к себе в кабинет и завел с ним разговор о море и моряках.

«Есть такие люди, – сказал Джельен, – которые не могут ни управлять фрегатами при помощи единения душ, ни читать в их рыбьих сердцах мысли и чувства, но все-таки они гораздо теснее всех прочих связаны с Океаном... нет, не с ним. С *водой*. Их так и называют – водогляды. Они встречаются чрезвычайно редко, я вот за всю свою жизнь ни одного не видел, и мой отец тоже. Но если верить тому, что рассказывал дед, водогляды способны видеть и слышать то, что происходит очень-очень далеко, и еще их иногда посещают видения о прошлом». «Значит, они помогают людям?» – спросил Глинн. Отец, против всех его ожиданий, помрачнел и ответил: «Ты еще слишком мал, чтобы понять одну простую и страшную вещь: Океан и Великий шторм – не одно и то же. Океан нам не враг, он просто нас не замечает, как шаркат не замечает мальков размером с полмизинца, которые бесстрашно снуют возле самой его морды. А вот Великий шторм – совсем другое дело. Когда он на тебя глядит из грозowych туч, из бушующих волн, ты сразу вспоминаешь о своем месте в этом мире, о том, что в любой момент твоя жизнь может закончиться, а что будет дальше – Сады Эльги или Крабьи луга? – только самому Шторму известно. Водогляд – он как Шторм, только маленький. Он денно и ночью, одним лишь своим присутствием, напоминает о том, чего помнить не нужно, если не хочешь сойти с ума». Тут осекся, вспомнив, с кем говорит и почему, но было уже поздно – маленький Глинн все усвоил и решил, что проклят от рождения.

– Эй, подождите!

– Чего тебе? Мы уходим из Ниэмара, нет времени болтать.

– В Облачный город?

– Да.

– А меня возьмете с собой? Я заплачу!

Низкорослый лысоватый моряк оценивающе уставился на Глинна, хмыкнул и приподнял бровь, но ничего не сказал. Глинн затаил дыхание. За последние три часа он исходил Ниэмарский порт вдоль и поперек, напугал полтора десятка фрегатов, узнал немало нового, но малоприятного о самом себе. «Роза ветров» – готовая к отплытию торговая «бочка» у близлежащего причала, к которой и направлялся этот коротышка, – была его последним шансом покинуть Ниэмар раньше, чем до Эллекена дойдет, что студент Тамро не собирается ничего объяснять.

– Зачем тебе в Облачный город? Хочешь попроситься на службу к Белой ведьме?

– Нет-нет. Мне вообще-то нужно в... Альтимей. – Глинн чуть помедлил, называя свою истинную – или почти истинную – цель. А если этот незнакомец спросит, что ему понадобится в Эльгой забытом месте, расположенном в стороне от торговых путей? Ведь среди

людей моря, как он помнил с детства, многие чувствовали ложь... – Из Ниэмара туда не попасть, вот я и решил направиться сначала в Облачный город.

– Разумно, – сказал моряк, и его лицо вдруг приобрело отрешенное, слегка пугающее выражение. Глинн знал, что это значит, но уже успел забыть, каким тяжелым становится взгляд члена команды, когда его глазами смотрит сам *фрегат*. – А койка в кубрике тебя устроит? Мы пассажиров не возим, знаешь ли, кают свободных нету. Я и сам вместе с матросами ночую, хоть зовусь помощником шкипера.

Глинн от радости потерял дар речи и закивал, чувствуя, как на губах рождается широкая улыбка, которой позавидовал бы шаркат. Получилось! У него получилось! И даже если путешествие на «Розе ветров» будет стоить ему большей части тех денег, что удалось собрать, он станет ближе к Жемчужной гавани, чем кто бы то ни было!

– Двадцать пять лемаров, – сказал помощник шкипера «Розы ветров», и эта цена была в два раза меньше той, которую втайне опасался услышать Глинн. – Давай-ка за мной, пока капитан не передумал. Нам еще не приходилось брать на борт водоглядов, но, клянусь свистком Великого шторма, все когда-то происходит впервые!

– Водогляд. В огромном городе, где тысячи нищих, о которых никто не будет плакать, и сотни молодых и здоровых бездельников-студентов, только и мечтающих о приключениях, ты выбрал именно водогляда, Катри. Это как, заведи меня Шторм, называется?

– Успокойся, шкипер. Прежде всего, не я его выбрал, а он остановил меня сам, на причале, за четверть часа до того, как мы собирались уходить из Ниэмара *пустыми*. И, раз уж на то пошло, не стоило бы тебе забывать о том, что слухи расходятся быстро. Уже ни для кого не тайна, что на границе Симмера и Изумрудных островов опять полыхает пожар, и туда по доброй воле сунется только ненормальный. На меня смотрели косо, когда я говорил, что мы идем в Облачный город через Симмер... Пора заняться чем-то другим, дружище Карион. Ты ведь меня понимаешь?

– Ну да, понимаю. Жаль... это было очень прибыльное дело.

– И мы неплохо на нем заработали, хвала Шторму.

– Ты прав.

– Я всегда прав. Главное теперь, чтобы наш юный друг не догадался, что к чему, пока мы не прибудем в Диннат. Ты уж позаботься, чтобы «Роза» не выдала себя и нас, а то может случиться беда – если она почует водогляда на борту, когда мы будем посреди открытого моря, придется пойти на крайние меры.

– Об этом можешь не беспокоиться. Мне еще ни разу не приходилось выбрасывать за борт товар... особенно тот, который можно продать втридорога.

Шкипер «Розы ветров» и его помощник были похожи друг на друга почти как братья – оба низенькие, лысеющие, с широкими плечами и сильными ручищами. Еще они оказались немногословны – и, как Глинн вскоре убедился, вся команда состояла из угрюмых молчунов. Его это не удивило, он помнил с юных лет, по рассказам отца и братьев, что навигатор всегда подбирает людей, с которыми у него много общего, и потому команды рыботоров, как правило, очень дружны и работают слаженно, словно крафтеровские механизмы. Он как-то задумался о том, что будет, если навигатором фрегата станет по-настоящему плохой человек, но история с Ройсом и «Хохотуньей» приключилась раньше, чем нашелся повод с кем-то об этом поговорить.

Он обрадовался, когда Катри, безмолвно посоветовавшись со своим капитаном, позволил ему взойти на борт «Розы ветров», но в глубине души все еще не верил в удачу – ведь водогляды вызывали неприязнь, в первую очередь, у самих кораблей, а не у их экипажей, состоявших из людей или магусов. Все сомнения оказались напрасными: «Роза ветров» не

обратила на гостя никакого внимания, как будто его не существовало. Он поднялся по трапу, и ничего не случилось; он поздоровался с капитаном, удостоился хмурого кивка, и опять ничего не случилось; молодой рыжий матрос со сломанным носом провел его в кубрик и указал на одну из коек... и снова ничего особенного не произошло. Когда он плыл в Ниэмар, все было совсем иначе, и каждый день на борту мог оказаться последним днем его жизни, потому что фрегат никак не желал смириться с его присутствием.

Рыжий матрос ушел, а Глинн, оставшись в одиночестве, без сил рухнул прямо на палубу и схватился руками за голову.

В недрах рыботора что-то дрогнуло. «Роза ветров» отчаливала. Она покидала Ниэмар, и он уходил вместе с ней – бросался в погоню за новой мечтой, на этот раз еще более безумной, чем учеба в самом знаменитом университете Десяти тысяч островов. Только теперь ему и впрямь не на кого рассчитывать, кроме самого себя. В далеком Альтимее он будет чужаком, без знакомых, друзей и, по всей вероятности, без денег; чтобы нанять даже самую маленькую лодку для путешествия к одному из островов, расположенных по соседству, ему придется долго работать, откладывая каждый грош. В его душе боролись страх и восторг, но страх постепенно проигрывал. Одурачивающий воздух свободы кружил ему голову, и он это понимал, но даже не пытался сопротивляться.

Потянулись длинные дни, которые нечем было заполнить. Хотя «Роза ветров» перевозила не пассажиров, а грузы – он видел в трюме загадочные и, похоже, довольно тяжелые ящики, но понятия не имел, что в них, – матросы вели себя с ним уважительно и отстраненно. Глинн был здесь чужим, как и в Ниэмаре, среди отпрысков богатых и знаменитых семейств, но это не очень-то его задевало, потому что в Облачном городе, дней этак через двадцать, им с «Розой ветров» предстояло расстаться навсегда.

Первое время он бездельничал: много спал – Эльга-Заступница ни разу ему не приснилась, и это было хорошо, – предавался размышлениям о Жемчужной гавани, Старом и Новом Альтимее и землетрясении, изменившем столь многое, о безымянном авторе письма, его подруге или, быть может, жене по имени Рильма, о фрегатах, навигаторах и водоглядах. Время тянулось густой смолой, постепенно его стало слишком много, и тогда Глинн начал думать о том, что хотел бы утопить на самом дне своей памяти, – о тех, кто остался в Ниэмаре, о Марии, ее отце и даже об Эллекене, о Лейстесе и семье, с которой, возможно, ему уже не суждено встретиться. От этих мыслей ему делалось тревожно, и он вновь начинал дрожать всем телом – как тогда, возле дома Барзи, где ему в голову впервые пришла мысль о том, что письмо незнакомца могло бы изменить всю его жизнь.

Потом пришел черед неприятных вопросов, которые он задавал самому себе и никак не мог ответить. Что он будет делать, если в Облачном городе не найдется подходящего фрегата, идущего в сторону Альтимея, и придется ждать? Как он расплатится с капитаном, если закончатся деньги? Какие опасности поджидают его в Альтимее, не говоря уже о самой Жемчужной гавани? И почему «Роза ветров» совершенно не испытывает недовольства от того, что у нее на борту водогляд?..

В конце концов, он отважился на то, о чем и помыслить не смел в первый день, – заговорил с помощником шкипера, когда утром повстречался с ним на палубе.

– Скажите, господин Катри...

– Ну какой я «господин»? – перебил моряк с усмешкой. – Для своих я «папаша Катри», а для тебя – просто Катри.

Глинн чуть-чуть помедлил.

– Скажите, Катри, а почему «Роза ветров» не пытается избавиться от меня? Вы же знаете, кто я такой на самом деле, вы сами сказали об этом тогда, на причале. Почему ваш фрегат относится ко мне не так, как большинство остальных?

Помощник шкипера посмотрел на Глинна, как тому почудилось, с легкой жалостью. Должно быть, настоящему моряку такой вопрос показался глупым. Глинн смутился еще сильнее и уже хотел было, извинившись, убраться куда-нибудь подальше, но Катри взял его за руку и подвел к борту «Розы ветров».

– Что ты видишь вокруг, парень?

Глинн честно огляделся, прежде чем ответить. Солнце только начало свой путь по безоблачному небу; «Роза ветров» шла под всеми парусами на северо-восток и была одна-одинешенька посреди Океана, казавшегося по-настоящему бескрайним. Когда он плыл в Ниэмар, погода стояла пасмурная, грозовые тучи предвещали недоброе, а теперь попутный ветер подталкивал его в спину.

– Я вижу пустоту, – сказал он и прибавил, краснея – Я читал... в одной старой книжке... это ведь был вопрос из «Семи качеств настоящего морехода», верно? Впрочем, я не мореход, я просто...

– Водогляд, – снова перебил Катри, и на этот раз Глинну показалось, что моряк слегка занервничал. Наверное, ему не стоило хвастаться своей ученостью перед человеком, который в последний раз держал в руках книгу лет этак в десять, в эльгинитской бесплатной школе. – Ты *просто* водогляд, только вот в чем закавыка – не обучен ничему. Родные не знали, что с тобой делать, и потому-то ты здесь, на борту потрепанной грузовой «бочки», которая таскается по не самым оживленным морским дорогам и берет на борт пассажиров, чтобы хоть на жалованье матросам хватило... Эй, ты чего такой сердитый стал? Мы, настоящие мореходы, народ простой и говорим то, что думаем, а если хочешь вилять – будь добр, сойди на берег.

– Я не сержусь, – сказал Глинн, окончательно сбитый с толку. – И... да, все верно, меня ничему не учили. Я просил... я умолял! За братьями бегал хвостом, они ведь навигаторы – все четверо, – и им столько всего известно о море, о фрегатах, о самом Великом шторме. Но меня лишь ругали да отправляли прочь. Пока я не ушел совсем.

– Четыре брата-навигатора, подумать только. – Катри обхватил рукой небритый подбородок и покачал головой. – И отец – тоже из наших? Да-а, нелегко тебе пришлось, парень. Навигаторы ведь недолюбливают водоглядов не из-за пустых суеверий. Фрегаты в вашем присутствии перестают выполнять приказы, начинают чудить, а то и чего похуже. Водогляд на борту – значит, капитана ждут бессонные ночи и тревожные дни. Мой друг Карион оказал тебе большую услугу, когда согласился отвезти в Облачный город. У него сильная воля, у Кариона. Но скажи-ка мне вот что: неужели ты ни разу не попытался применить свой дар *на суше*?

– Отчего же, пытался, – ответил Глинн, криво ухмыльнувшись. – Не вышло.

Катри уставился на него с сомнением во взгляде.

– Отец как-то взял меня на встречу с одним человеком, – начал объяснять Глинн, и воспоминания вдруг захлестнули его, так что к горлу подкатила тошнота. – Много рассказывал о том, до чего же это важная персона, и просил быть внимательным, очень внимательным... Я все никак не мог взять в толк, зачем нас знакомить, если от меня в конторе меньше пользы, чем от какого-нибудь посыльного. Но когда мы с этим торговцем пожали друг другу руки, я испытал такое чувство, будто... будто поменялся с ним местами.

– Этого твой отец и добивался, – понимающе проговорил Катри. – Это полезно для дела!

– Возможно. Только ничего не получилось – спустя всего мгновение я упал и начал биться в конвульсиях, так что встречу пришлось отложить. – Вторая и третья попытки окончились столь же бесславным образом, что и первая, но рассказывать об этом чужаку все же не стоило. – А потом... потом я уехал, чтобы поступить в Ниэмарский университет. Отец

сопротивлялся, но если бы он и впрямь хотел, чтобы я остался, то не ограничился бы словесными угрозами. Что ж, без меня им всем спокойнее.

– Эх, бедолага... – Помощник шкипера сочувственно похлопал Глинна по плечу. – Похоже, твой папаша знал о водоглядах немногим больше тебя. А ведь когда-то их было много! «Когда-то» – это тысячи и тысячи лет назад, до пришествия Основателей и некоторое время после. Они были уважаемыми людьми, и не зря: в мире, где почти везде вода, тот, кто может видеть в ней недоступное остальным, способен многого добиться. Хоть и говорят, что кровь не вода, но на самом деле в человеке – да и в магусе – воды хватает, и чтобы в этом убедиться, достаточно проверить, сколько дней ты сможешь прожить, не выпив ни глотка. Вода у нас под ногами, вода окружает «Розу ветров», и если вдруг пойдет дождь, то с неба тоже польется вода. Можно спрятаться под крышей или забраться высоко в горы, можно построить плотину и даже изменить очертания берега, но если вода найдет где-нибудь хоть одну маленькую дырочку... Словом, одной силы не хватит, чтобы совладать с нею, – нужны еще ум и хитрость! Ну ничего, ничего. Не все еще потеряно. Ты правильно сделал, что сбежал из этого вашего у-нир-вер-сер... искусай меня медуза... из Низмара. Тебе там не место. Ты должен учиться *читать воду*, и я знаю хороших людей, которые тебе в этом помогут.

– Кто эти люди? – тотчас спросил Глинн, но Катри в ответ лишь покачал головой – дескать, всему свое время, – и отвлекся, чтобы отчитать матроса, не слишком усердно драившего палубу. А потом Глинн понял, что время интересных разговоров подошло к концу, и решил набраться терпения.

Спустя сутки они прибыли в город под названием Диннат. Это был уже третий порт, куда «Роза ветров» заходила за последние десять дней, но если предыдущие два не вызвали у Глинна интереса, то Диннат сразу же показался ему привлекательным. Здесь начинались владения одного из двоих Королей-Орлов, и хоть в орлиных краях не было собственных умельцев вроде краффтеровских мастеров-механиков или алхимиков из клана Корвисс, внушительная казна позволяла здешним магусам покупать то, что они считали необходимым.

Властитель Динната, определенно, купил услуги архитекторов и инженеров из все того же семейства Краффтер: почти все дома в городе были высокими, в пять-шесть этажей или и того больше. Даже в Низмаре, хоть он и славился своими десятью башнями, дома выше трех этажей были редкостью, но Диннат выглядел настоящим лесом из камня! Сами дома и мостовые, сделанные из почти одинаковых желтых блоков, происходивших из местных каменоломен, знаменитых на много миль и лиг вокруг, сначала показались Глинну однообразными, но когда солнце перевалило через зенит, что-то изменилось: сквозь поверхность каменных плит, шершавых и отполированных множеством ног за множество столетий, проступили узоры, похожие не то на ветвящиеся молнии, не то на лишенные листьев ветви. Они слабо светились и даже как будто пульсировали; желтые диннатские улицы и дома теперь казались погруженными в мед. Город преобразился, и Глинн бродил по нему, словно заколдованный, пока часы в порту не пробили пять.

Он вернулся к причалу, запыхавшись от спешки.

И увидел пустоту.

– А ты уверен, что тебя обманули? Может, все вышло случайно? Может, ты сам забыл, в котором часу надо было вернуться в порт, и они ушли, потому что не могли больше ждать?

– Я совершенно уверен, что «Роза ветров» должна была отсюда уйти в шесть часов вечера, так что я нарочно решил вернуться в пять, чтобы не опоздать... Но их уже не было – они вообще ушли сразу же после того, как я отправился бродить по Диннату, будь он неладен...

– Хватит ныть. Что поделаться, иногда мы ведем себя как полоумные крабы! Но Диннат и впрямь хороший, здесь добрые люди живут, и тебя не оставят в беде. Говоришь, вещи твои уплыли вместе с «Розой»? Но деньги-то с тобой?

– Есть кое-что. Деньги. И нож.

– Ну вот, это уже неплохо! За это надо выпить! Давай, не стесняйся – я плачу!

– Не стоит, что вы...

– Не вздумай меня обидеть отказом, парень! Я ведь, можно сказать, твой первый и пока что единственный друг в Диннате. Сейчас мы еще немного посидим, выпьем, а потом я о тебе позабочусь. Нельзя бросать хороших людей, когда приходит Шторм. Давай, давай, выпей еще.

– Спасибо... Ух! Что это за зелье такое?

– Горлодер. Нигде такого не найдешь.

– Х-ха... ну и название, не в бровь, а в глаз... а как вас зовут, добрый человек? Я что-то забыл...

– Арли меня зовут. Это ничего, от горлодера даже собственное имя можно забыть, хе-хе. Его-то ты помнишь?

– П-п-помню. Меня зовут Глинн... Глинн Тамро. Да...

– Славненько. Будем знакомы, Глинн Тамро. Пожмем друг другу руки?

– ...

– А теперь вашу руку, капитан. Вот так, отлично. Все готово, забирайте его и побыстрее тащите на борт «Стервы». Он водогляд, а это значит, что моя петля продержится примерно четверть часа. Если опоздаете хоть на одно мгновение, фрегат все почувствует и... словом, лучше не опаздывать.

– Не учи меня, Арли, это не первая моя рыба.

– Прошу прощения, капитан. Мой длинный язык...

– В следующий раз я его обязательно подкорочу. Да, чуть не забыл! Нож этого бедолаги можешь оставить себе, а кошелек давай сюда. Тебе и Кариону и так достаточно заплатили. Ты хотел что-то еще сказать? Нет? Вот и молодец. Эй, парни, у нас новый груз! Тащите-ка его побыстрее на борт, пока не протух.

Он просыпается в темноте и, шевельнувшись, скользит в сторону и вниз, с плеском падает в яму с водой. Вода чуть теплая, а яма совсем неглубокая – захлебнуться в ней можно, только если потеряешь сознание, – однако все равно он вздрагивает всем телом и пытается вскочить, но ноги не слушаются, и он снова падает. У воды металлический привкус, а дно ямы на ощупь кажется мягким и как будто... живым.

Стоит об этом подумать, как темнота вокруг начинает рассеиваться. Всего лишь через несколько мгновений он понимает, что находится в очень маленьком и тесном помещении – раскинув руки, можно коснуться кончиками пальцев противоположных стен, покрытых губчатой материей, чей вид вызывает болезненные спазмы в желудке. Пол губчатый на две трети, и та его часть, что выглядит гладкой и твердой, похожей на камень, слегка приподнята; видимо, как раз оттуда он и свалился, когда пришел в себя.

Что это за место? Как он сюда попал?..

Тело отказывается повиноваться. Голова тяжелая, глаза с трудом удаются держать открытыми; даже для того, чтобы дышать, приходится прилагать немалые усилия. Сердце бьется неровно, устало. Он прячет лицо в ладонях и пытается вспомнить, что случилось перед тем, как наступила тьма.

В памяти дыра величиной с весь мир.

Он кусает себя за руку и чувствует боль; нет, это не сон. Его мысли несутся одна за другой, но все они – лишь о текущем моменте, лишь о том, что происходит сейчас. Как его зовут? Кто он такой? Что с ним происходит?!

Он слышит чей-то сдавленный стон и понимает чей.

– Ты очнулся, – произносит чужой голос. – Что ж, это хорошо.

Он поднимает голову – мгновение длится целую вечность – и видит, что комната стала больше, хотя и не изменилась во всех остальных отношениях. У дальней стены стоит кто-то. Мужчина. Коренастый, с шапкой седых волос, с тяжелым лицом, будто вырубленным из серого камня. Он в высоких сапогах, его одежда сделана из какой-то темной и плотной на вид ткани; на поясе слева висит абордажная сабля, а справа – миниатюрный стреломет. Новые слова выскальзывают из ниоткуда, точно верткие рыбки, и паника отступает, как море во время отлива. Сердцебиение ускоряется – он слышит, слышит каждый удар, и почему-то этот ритмичный звук его успокаивает. Мгновения по-прежнему летят одно за другим, но теперь он видит, как они приближаются и как исчезают, он чувствует их – и свою собственную – протяженность.

– Меня предупреждали, что с тобой будет сложно, – говорит незнакомец, – но я не думал, что... Впрочем, неважно. Ты очнулся. Теперь можно действовать.

Действовать?..

– Ты будешь читать воду для меня, – продолжает незнакомец, как будто не замечая его растерянность. – Я знаю, что ты не обучен и не пользовался до сих пор своим даром, но мне известно, как с этим справиться и превратить тебя в оружие. Ты поможешь мне... ты поможешь моему королю выиграть эту войну.

– Войну? – Звук собственного голоса вынуждает его опять вздрогнуть всем телом. Он повторяет – Войну?

– Да. – Незнакомец улыбается. – Ты появился очень вовремя, Глинн Тамро.

Имя обрушивается на него, рассыпаясь на звуки – каждый подобен каменной глыбе, которая дробится и множится, падает, падает, падает. Он кричит. Пол уходит из-под ног, и открывается бездна; он замирает на самом краю, ощущая сквозь боль и беспомощность чьи-то руки, чью-то спасительную крепкую хватку. Он слышит знакомый голос и почему-то знает, что обладатель этого голоса мертв, но не помнит ни имени, ни лица. Он закрывает глаза. Он отсекает все запахи и звуки, все ощущения и позволяет себе просто перестать быть.

Но лишь на время. Потому что у мгновений по-прежнему есть протяженность, и он знает, что однажды все вспомнит, а еще в его голове вертится бессмысленная, но очень важная фраза: «Мы вернемся из Жемчужной гавани богатыми и знаменитыми людьми, и я найму фрегат, чтобы мы с тобой на нем объездили весь свет...»

~ Черный фрегат летит над волнами.~

В какой-то момент он понимает, что комната со стенами из живой материи – это каюта на борту рыбкорабля, и даже находит в себе силы удивиться тому, что ни один из кораблей, с которыми ему доводилось встречаться, не демонстрировал столь откровенным образом свою истинную суть, предпочитая маскировать лжеплоть под дерево, металл или другие, более привычные людям поверхности.

Когда в голове у Глинна возникают образы, приходит Капитан и открывает его память, словно запертый на замок сундук, а потом забирает все, что кажется ему интересным.

Глинн позволяет ему это делать, потому что силы воли в нем осталось столько же, сколько в неглубокой луже.

~ Черный фрегат летит над волнами.~

~ Три рыботора выхоят из пролива между двумя островами; у одного из них паруса ярко-красного цвета, а другой заваливается на правый борт, потому что в левом глубокая рана, наспех зашитая матросами и кое-как залепленная пестрыми рыбами-заплатами.~

Капитан, посмеиваясь, говорит: «Вот вы где прячетесь!»

~ Маленькая рыбацья лодка подходит к причалу; в трюме лодки лежит ящик, о котором ее навигатор старается даже не думать, потому что в ящике спрятано что-то обжигающее, опасное.~

Капитан хмурится, забирает и этот образ тоже.

~ Трехмачтовый фрегат летит над волнами, раскрыв все паруса. Вокруг него бескрайний океан, над ним безоблачное небо. Где это? Что это за рыба? Глинн не знает. Фрегат черный – паруса, корпус, снасти, – как будто его окунули в чернила. Человек, который управляет им, тоже одет в черное.~

«Где он? Где он, покажи мне хоть что-то, чтобы я мог его найти!»

Океан и небо.

Океан и...

«Жемчужная гавань, в которую мы так стремимся попасть».

Глинн открыл глаза.

Он сидел, привалившись к губчатой стене, из которой сочилась жидкость с резким неприятным запахом. Тюремная каюта на борту «Стервы» – имя рыботора без труда всплыло из глубин памяти, а имя Капитана где-то затерялось – была все той же, но вот сам узник изменился. Он как будто проснулся, опять стал самим собой... хоть на какое-то время. И почти все вспомнил.

В Диннате случайный прохожий, увидев его отчаяние, завел разговор, пригласил в таверну, угостил выпивкой, в которую что-то подмешали. Воспоминание, снулая рыба: однажды Ройс произнес слова «петля корабеля» и как-то вдруг помрачнел. Видимо, это была ловушка, в которую он, сухопутный шебаршила, нырнул головой вперед.

И вот теперь он до конца своих дней прикован к фрегату, который воюет... с кем-то. Вновь поплыли рыбы-воспоминания, мутные, бессвязные, чужие, и он прогнал их. Вспомнилось другое: «Они были уважаемыми людьми, и не зря: в мире, где почти везде вода, тот, кто может видеть в ней недоступное остальным, способен многого добиться». Вот зачем он был нужен Капитану – чтобы видеть в воде тех, с кем нужно было сражаться, предугадывать их действия и побеждать.

Глинн с трудом поднялся и оглядел себя. Одежда, в которой он был в Диннате, висела на его исхудавшем теле, словно на вешалке. Он чувствовал себя грязным и мокрым, словно только что выбрался из лужи. Весь этот кошмар длился, должно быть, не меньше месяца. Даже хорошо, что он до такой степени потерял себя и почти ничего не помнил о случившемся.

Он вдруг зашатался от внезапной слабости и уперся рукой в стену, чтобы не упасть. Это было ошибкой – «Стерва», до сих пор старательно избегавшая прикасаться к своему пленнику, окружившая его непроницаемым коконом тишины, как это уже делала до нее «Роза ветров», обрушилась на него потоком ослепительного света, оглушительных звуков и ощущений, о существовании которых он даже не догадывался. Вслед за ней появился и Капитан – точнее, его эфемерный двойник, который уже не раз являлся к Глинну за образами, увиденными в воде. Капитан был мрачен, словно туча, и Глинн не удивился, когда услышал: «Покажи мне ее». Не нужно было уточнять, о ком шла речь. Черный фрегат. Стоило Глинну подумать об этом рыботоре, как он сразу же увидел черные паруса над волнами, и на этот раз на горизонте виднелись очертания какого-то острова. Капитан ворвался в его разум, точно шторм, но каким-то чудом Глинн сумел остановить его, не позволил *забрать* видение.

В каюте сделалось темно, стены сдвинулись, как будто он попал в желудок огромной твари. Вода стала прибывать и поднялась до колен быстрее, чем он понял, что всерьез разозлил Капитана.

А потом он осознал, что для злости и впрямь был повод.

Черный корабль был в его памяти, в его голове, от которой у Капитана еще совсем недавно был ключ, но теперь он *проснулся* и все изменилось – ключ сделался бесполезен. Глинн был теперь не лужей, не озером и даже не морем, он был рекой и мог унести то, что хотел спрятать, очень далеко от того, кто...

Кто владел им и мог причинить ему боль.

«Ты не знаешь, на что я способен, глупый мальчишка».

Стены сдвинулись еще сильнее и продолжили сдвигаться.

Но черный корабль был уже совсем...

– Это еще что такое, Бага?

– Э-э, капитан, как ни странно, но *это* человек... или, может быть, магус, я не знаю. Мы вытащили его из трюма «Стервы» перед тем, как вы расправились с Шамоли и отпустили ее в свободное плавание. Пепел решил, что раз уж бедолага так сильно разозлил изумрудных орлов, что они сделали с ним... такое, он может оказаться нашим другом. Пепел ошибся? Вы только прикажите, капитан, и я обо всем позабочусь.

– Нет, он не ошибся... просто кое-что упустил, как и ты, а я был слишком занят в тот момент. Ладно, несите его вниз. Передай Пеплу – раз уж он решил быть добрым, пусть теперь позаботится о том, чтобы наш гость побыстрее пришел в себя.

– Воля ваша, капитан. Пепел, дружище, иди-ка сюда!..

Сначала он шел по берегу; справа от него море длинными пальцами волн перебирало разноцветную гальку, слева вздымались синие горы, чьи вершины прятались в густом тумане. Он был один. Потом впереди показалась фигура в белом, и чем ближе он подходил, тем лучше мог рассмотреть ее – стройную молодую женщину в длинном платье, с распущенными темно-русыми волосами. Она стояла лицом к морю и как будто пыталась что-то разглядеть посреди бескрайних владений Великого шторма. У нее было красивое, но грустное лицо с тонкими чертами...

«Сейчас она отвернется от меня и уйдет».

Эльга-Заступница вздохнула, небрежным жестом смахнула слезы, выступившие на глазах от соленого морского ветра, а потом посмотрела ему прямо в глаза и улыбнулась. Он успел увидеть, как ее губы шевельнулись, но не расслышал, что она сказала. Он проснулся.

Через миг после пробуждения нахлынула боль. Болело все, как будто его сначала избили так, что в теле не осталось ни одной целой кости, а потом протаскивали через подводные заросли хмарь-травы, от которой на коже неудачливых пловцов оставались подолгу незаживающие язвы. Он попытался открыть глаза – и не смог.

– Тише, тише, не дергайся! Я не за тем возился с повязками, чтобы ты их сейчас срывал!

– Я ничего не вижу... – прохрипел Глинн. – Я ничего...

Он почувствовал прикосновение к лицу.

– Подожди, я вытру мазь, – сказал тот же голос. – Вот так, хорошо.

Глинн разомкнул веки и поначалу увидел пляшущие разноцветные пятна с размытыми краями. Он моргнул несколько раз, зажмурился, глубоко вздохнул и попробовал опять, медленнее и осторожнее. Когда мельтешение пятен утомилось, он увидел просторный кубрик, погруженный в уютный полумрак, который разгоняли несколько крафтеровских ламп. Одна из них стояла неподалеку от койки, на которой лежал Глинн, и превращала склонившегося над ним человека в черную фигуру без лица.

– Кто вы? – спросил Глинн.

– Это хороший вопрос, – сказал незнакомец. – Но первым на него ответишь ты.

Глинн чуть помедлил, облизнул пересохшие губы.

– Меня зовут Глинн Тамро. Я был сыном торговца из Лейстеса. Я был студентом в Ниэмаре. Я был... кажется, я был водочтецом на фрегате под названием «Стерва». Кто я теперь... – Он закрыл глаза и вздохнул. – Наверное, вы это знаете лучше меня.

Незнакомец тихонько рассмеялся.

– Сейчас ты гость. – Его голос звучал спокойно, однако Глинн явственно расслышал интонации, которыми обладали только люди, умевшие командовать. – Этот фрегат называется «Черная звезда», он принадлежит капитану Коршуну. Мы обнаружили тебя в трюме «Стервы» пять дней назад и думали, что ты не выживешь. Но страшное позади, теперь твоей жизни ничего не угрожает. С капитаном ты познакомишься позже... а меня здесь все называют Пеплом.

Глинн попробовал приподняться на локтях и взвыл от боли; Пепел даже не шелохнулся, чтобы помочь, но наблюдал за каждым его движением очень внимательно – Глинн кожей чувствовал его пристальный взгляд. Со второй попытки удалось сесть, и голова тотчас же пошла кругом. Он вспомнил: камера с живыми стенами, черный корабль, голос Капитана. «Ты не знаешь, на что я способен». Кажется, его хлестали выросшие из стен плети, его швыряли из стороны в сторону, его душили и топили... а потом все прекратилось.

– Капитан «Стервы»...

– Его звали Шамоли, – подсказал Пепел. *Звали.* Глинн ощутил внезапный прилив сил.

– Капитан Шамоли пытался выследить некий совершенно черный фрегат, и я... помешал ему это сделать. Сам не знаю почему. Как, вы сказали, называется этот корабль?

– «Черная звезда». – Пепел наклонился, подобрал с пола лампу и поднял ее так, что свет упал ему на лицо – худое, очень загорелое, изборозженное морщинами и шрамами, с повязкой через левый глаз. Он был просто одет, он выглядел старым и в то же время опасным, словно нож с потертой рукоятью, чье лезвие потускнело от времени, но не утратило остроты. – Шамоли давно за нами охотился, но иногда случается так, что рыбка ловит рыбака на крючок. Можешь забыть о нем и о «Стерве».

– Он говорил, что идет война, – сказал Глинн. – Вы – другая сторона?

Пепел оскалился:

– Третья сторона. Точнее, сами себе сторона. Мы пираты, юный Глинн, если ты еще не...

– Он догадался, – раздалось позади. Глинн попытался обернуться, и ребра тотчас же отозвались жуткой болью, от которой потемнело в глазах. Когда он вновь обрел способность видеть, рядом с Пеплом стоял еще один моряк – моложе, стройнее, с ног до головы одетый в черное. У него были светло-русые волосы, выгоревшие почти добела, и что-то в лице с тонкими, красивыми чертами выдавало в нем магуса. – Он чуткий, как и положено настоящему чтецу воды.

– Я уже понял, что эта *чуткость* в большой цене у моряков, – проговорил Глинн, и какая-то его часть удивилась смелости произнесенных слов. Пепел скосил единственный глаз на капитана и ничего не сказал; Коршун слегка нахмурился, но тоже промолчал. – Вы собираетесь засунуть меня куда-нибудь в темное место прямо сейчас или подождете, пока я поправлюсь?

– Такого места на «Черной звезде» нет, – сказал Коршун. – Но, должен признать, ты правильно оцениваешь то, насколько важен водочтец на корабле, особенно... – он не договорил, но Глинн и так все понял. Особенно на пиратском корабле. Особенно во время войны. – Я разберусь с тобой потом. А пока что отдыхай, набирайся сил.

Это был очень своевременный совет: Глинн лишь теперь начал понимать, что еще не очень далеко ушел от Последнего берега, где поджидает Великий шторм. Он закрыл глаза. Спать. Сейчас ему хотелось только спать. А что будет потом – пусть решает Эльга-Заступница.

Одна из воюющих стран называлась Симмер, другая – Каттарион, однако чаще о ней говорили как об Изумрудных островах. Управляли этими странами братья, Короли-Орлы, и о том, насколько непримиримой была вражда между этими братьями, уже начали сочинять легенды, хотя в первый раз они повздорили всего-то лет пятнадцать назад.

– Уже никто точно не может сказать, с чего все началось, – сообщил Глинну второй помощник капитана Коршуна, словоохотливый Бага. – Как я слышал, они были оба приглашены на пир к леди Марлин Краффтер, и там хорохорились, демонстрируя свою особую силу, которой завидуют даже прочие магусы. Кто-то из них предложил устроить показательный бой с одним из механических големов, ну, ты ведь знаешь лучше меня про все эти краффтеровские штучки, раз прожил три года в Низмаре.

– Я ни разу не видел големов.

– Да? Ну, неважно. В общем, голем уделал братьев, обоих разом. Опозорились они славно, перед всей небесной братией, и начали валить вину за случившееся друг на друга. А поскольку нрав у орлов крутой, словами дело не ограничилось, и в конце концов получилось то, что получилось... впрочем, не могу сказать, что меня это расстраивает.

Никого на «Черной звезде» случившееся не расстраивало – если капитан Коршун и пребывал в мрачном настроении большую часть времени, то у него могли найтись особые причины, – и многие, как Бага, успели обеспечить себе безбедную жизнь по меньшей мере на год. «Черная звезда» сновала из Симмера в Каттарион, грозная и неуловимая, и хотя Короли-Орлы, действуя чаще врозь, чем сообща, бросили все силы на то, чтобы расправиться с облюбовавшим их воды хищником, схватить пиратский фрегат было так же трудно, как отыскать рыбу-иглу в зарослях хмарь-травы. Капитан Шамоли подобрался к Коршуну ближе прочих, но... с водочтецом ему, в конечном итоге, не повезло. Глинн боялся, что пираты будут относиться к нему, как к врагу, однако опасения оказались напрасными – моряки с «Черной звезды» вели себя так, будто он был одним из них. Его опекали, как могли, помогали передвигаться, пока раны на ногах и на спине не зажили до конца, и охотно беседовали, делясь собственными и чужими историями.

А «Черная звезда» наблюдала, держась все время за его левым плечом. Он чувствовал ее почти что кожей и с трудом сдерживался, чтобы не оборачиваться – ведь позади никого не было. Этот фрегат вел себя совсем не так, как все те, с которыми ему доводилось встречаться раньше, и хотя привыкнуть к ее молчаливой *вездесущности* было совсем непросто, в какой-то момент он все-таки понял, что привык.

– Я обязан жизнью вашему капитану, Бага.

– Нет, не ему. Пеплу. Это Пепел вытащил тебя оттуда, если бы не он – был бы ты сейчас у Шторма в гостях.

– Как мне его отблагодарить?

– Тут я тебе не советчик, парень. Придумай что-нибудь сам, только учти – угодить старине Пеплу совсем не просто, он у нас... со странностями.

И действительно, Пепел неуловимо отличался от остальных моряков. Он ничего о себе не рассказывал, и, как заметил Глинн, никто его об этом не просил даже в шутку. С капитаном Коршуном Пепел вел себя не как помощник или друг, а скорее как старший брат или отец. У Глинна было четверо старших братьев, и он даже с завязанными глазами безошибочно чувствовал эту непринужденную готовность в любой момент вытащить незадачливого малыша из любой ямы, в которую того угораздит свалиться... только вот Коршун не был малышом. Он

был магусом, причем, как теперь начал догадываться Глинн, довольно-таки старым. Клан не имел особого значения – может, он вообще был из бескрылых, – потому что лет этак в сто пятьдесят все небесные дети превращались в шаркатов, пугавших рыбок-людей одним своим видом.

И, что бы там ни твердил Бага, благодарить за спасение своей шкуры Глинну следовало не только загадочного Пепла, но и жуткого капитана Коршуна...

Он размышлял над этим несколько дней, ковыляя по кубрику от койки до койки, заново овладевая собственным телом. Оказалось, что в трюме «Стервы» он провел не месяц, а всего лишь две недели; вероятно, еще через две недели капитан Шамоли отправил бы его к Великому шторму. «Раны заживут, шрамы со временем разгладятся, – задумчиво сказал как-то раз Пепел, наблюдая за его передвижениями. – Но ты уже никогда не станешь прежним». И ушел. Глинн в тот момент впервые понял, что изменился: дело было вовсе не в том, что его кожа была теперь исполосована шрамами – даже на правой щеке и на лбу остались отметины, – а в том, что он стал тем, кем боялся стать всю свою жизнь.

«...в мире, где почти везде вода, тот, кто может видеть в ней недоступное остальным, способен многого добиться...»

В тот день, когда он наконец-то решил, что готов поговорить с Коршуном и Пеплом, «Черная звезда» повстречала торговый фрегат. После схватки с Шамоли прошло двенадцать дней, и пираты успели заскучать. Когда «Черная звезда» догнала бедолагу-торговца и вцепилась ему в борт абордажными крючьями, они яростно бросились в атаку, и вскоре палубы обоих кораблей оказались залиты кровью. Когда Глинн выбрался из трюма, все уже закончилось... Правда, на захваченном фрегате оказался пассажир, привлечший внимание Коршуна. Глинн впервые увидел капитана «Черной звезды» таким взволнованным. Куда только подевалось его ледяное спокойствие? Коршун, выглядевший лишь самую малость растрепанным, словно не ему только что пришлось как следует помахать саблей, ходил вокруг пленника, не сводя с него яростного взгляда. А тот стоял, горделиво расправив плечи, и улыбался, презирая опасность; он был магусом, как и Коршун, и их явно что-то связывало. Но Глинн даже не успел как следует приглядеться, потому что Коршун, остановившись напротив незнакомца, что-то ему сказал – и тот вдруг побледнел, схватился за горло и рухнул на палубу, как подкошенный.

Глинн побрел обратно в кубрик, разом утратив былую решимость. Он хотел побыть в одиночестве, но увидел Пепла, который лежал на его койке, закинув руки за голову, и задумчиво глядел куда-то вверх.

– Мне показалось, или ты хотел о чем-то поговорить? – будничным тоном поинтересовался моряк, продолжая лежать.

Глинн пожал плечами и присел на соседнюю койку.

– Вчера вечером мы с капитаном, Багой и еще кое-кем обсудили твою судьбу, – сказал Пепел, не дождавшись ответа. – Он хотел тебя оставить. Не в качестве трюмного раба, нет... Коршун умеет влиять на людей по-другому, он отдает приказы, которым нельзя не подчиниться.

– И что же? – хрипло спросил Глинн.

– Его отговорили. Бага сказал, что мы отлично справлялись и без водочеца – незачем, дескать, держать на борту того, чьими глазами смотрит Великий шторм. – Пепел ухмыльнулся. – Как видишь, даже пираты становятся поэтами, когда вспоминают о смерти. В общем, мы приняли другое решение. Твоему отцу и братьям принадлежит торговая компания, верно?

От этих слов Глинн похолодел. Он и не подумал, что может вернуться домой столь позорным образом, да и может ли? Узнав о его бегстве из Ниэмара и о том, что последовало,

Джеллен Тамро и его сыновья наверняка предпочтут забыть о кровном родстве навсегда. Пиратам это не понравится.

— Раз уж водогляд... — тихонько сказал он, не поднимая глаз. — Водочтец... для людей вроде вас так ценен, я мог бы...

Он не смог договорить.

Пепел рассмеялся.

— Ты считаешь, что мог бы отработать свою свободу? — с горечью спросил он. — Мог бы и впрямь стать одним из нас, помочь нам выследить какой-нибудь лакомый кусочек, а потом отправиться обратно в Низмар или куда-то еще? Видишь ли, мальчик, если уж ты становишься пиратом, то, как правило, не на время, а навсегда. И скажи-ка мне, положи руку на сердце, ты и впрямь считаешь, что сможешь это сделать?

На этот вопрос Глинн мог ответить. Он ощутил ответ, когда увидел, как Коршун убивает словом; в тот же миг его новообретенные чувства, сделавшиеся такими привычными, что он перестал их замечать, отказали все разом. Он ослеп и оглох, замер в пустоте, будто висельник над водой, и окружавшие его моряки превратились в чудовищ, странным образом похожих на людей. С чего он взял, что понимает их? Как он мог их не бояться? Почему вообще он не умер от страха, когда понял, куда попал?..

— Так я и думал, — сказал Пепел, вставая. — Капитан ждет тебя в своей каюте после ужина. Я там тоже буду. Приходи... расскажешь нам о компании твоего отца, чтобы Коршун смог понять, сколько стоит твоя голова.

Он ушел, и Глинн наконец-то остался в одиночестве.

А когда настало время поговорить с капитаном, он рассказал совсем не то, что пираты ожидали услышать.

— Жемчужная гавань? Забери меня Шторм, ты поверил? Ты, Пепел? Я знаю тебя десять лет...

— Больше.

— Какая разница?! Я и не думал, что ты веришь в бредни про несметные сокровища Саваррена. О нем чего только не рассказывали за все это время... Подумать только, целый потерявшийся город! Остров, который стерли из памяти всех навигаторов! И кто его стер? Да сам Великий шторм! Нам, простым смертным, не стоило бы туда соваться.

— О, что я слышу? Неужели ты хоть на миг поверил, что он все-таки существовал?

— Глупости! Я лишь пытаюсь рассуждать...

— Увиливаешь.

— Пепел, хватит! Ты пытаешься втянуть меня в какое-то странное приключение, от которого точно не будет пользы. Хоть Альтимей от нас не так уж далеко, если пойти напрямую через... нет! Я даже слышать об этом не хочу! И хватит ржать!..

Чтобы попасть в Жемчужную гавань, «Черной звезде» понадобилась неделя. Глинн забросил попытки нарисовать в уме карту островов, мимо которых они проплывали, и запомнил лишь одно: если не идти проторенными дорогами, путешествие может стать весьма недолгим.

Еще, конечно, им повезло с ветром.

«Так часто бывает, — сказал Пепел, усмехаясь, — стоит замыслить какую-нибудь глупость, и тебя как будто кто-то подталкивает в спину. У Шторма, знаешь ли, тоже есть чувство юмора — и он не прочь посмеяться, когда кто-то ведет себя как полный краб». И тем не менее они с Коршуном оба повели себя как обезумевшие крабы, согласившись проверить ту историю, которую Глинн им рассказал. Они не видели письма, они никогда не бывали в Библиотеке и не трепетали при мысли о том, что можно протянуть руку и коснуться слов,

написанных столетия назад. Вряд ли это вообще могло их тронуть. Жемчужная гавань была для них потерянной сокровищницей, только и всего.

Глинн испытывал двойственные чувства. Он хотел и не хотел увидеть древний город именно там, где тому полагалось быть. Это была его мечта, это была его находка, и грязные пиратские лапы не должны были к ней прикасаться... Но, желая сбересть иллюзию, он мог причинить боль живым людям.

И вот однажды утром Глинн проснулся, ощутив приближение земли, пока еще скрытой в тумане. Он быстро оделся и выбрался на палубу как раз в тот момент, когда фрегат тихонько загудел, сообщая всем о том, что чтецу воды уже было известно. Он не мог найти себе места, пока «Черная звезда» неторопливо подходила к острову с юго-запада, и почти не слышал Пепла, который отпускал одну за другой шуточки о мечтательных студентах, которые открывают не те двери и читают не те книги.

Потом шутки стихли.

Саваррен, Жемчужная гавань, был волшебным видением в розоватом сиянии рассвета, он был настоящим – из камня и дерева, – но выглядел так, словно вырос из недр затерянного в Океане острова, на который полторы тысячи лет не ступала нога человека. Он ждал их, достаточно удачливых, чтобы обнаружить подсказку, достаточно безумных, чтобы отправиться в путь, достаточно смелых, чтобы не повернуть обратно при виде цели. Его башни, конечно, не пронзали облака, но все-таки поднимались высоко над кронами древних деревьев, словно иглы из молочно-белого стекла. Эти башни свидетельствовали, что открывшийся их взглядам город был старше, чем считалось, – ведь построить такое могли только Основатели, пришельцы из другого мира.

Уже в самой гавани они стяхнули наваждение и вспомнили, что когда-то здесь произошла катастрофа. Теперь ее следы были хорошо заметны – значительная часть домов оказалась разрушена, набережная вздыбилась, будто ее приподняло подземное чудовище, а зелень отвоевала себе изрядную часть кварталов, где раньше обитали люди и магусы. Но даже изувеченный и ослабевший, Саваррен производил такое сильное впечатление, что и хладнокровный Коршун не сразу пришел в себя.

– Дно покрыто осколками окрестных скал, отколовшимися во время землетрясения, – слишком мелко, «Звезде» не пройти, – проговорил он севшим голосом. – Доберемся до берега на лодках.

Пепел посмотрел на Глинна и кивком приказал идти следом.

Лишь ступив на берег, он по-настоящему осознал, что произошло. Это и впрямь была Жемчужная гавань, Саваррен. Это было, наверное, самое удивительное открытие за последние сто лет. И где же удалось найти ожившую легенду? Чуть ли не под носом у альтимейцев, которые за время, минувшее после загадочного исчезновения Саваррена, успели дважды отстроить свой город, прославиться во всех окрестных морях и вновь соскользнуть в пучину забвения. И никто, никто ничего не заметил...

Глинн зашагал вперед, не проверяя, идет ли кто-то следом за ним. Так уже бывало раньше – его очаровывали улицы Ниэмара, его заколдовали дома в Диннате, – хотя на этот раз сила воздействия была несоизмерима с той, которую ему уже доводилось испытывать. Он шел, все глубже погружаясь в море древней магии, словно пил вино тысячелетней выдержки, пьянея еще до того, как вожденная жидкость попадала на язык. Он был каждой каплей тумана, который еще не успел полностью рассеяться, и чувствовал все: каждый покрытый пылью сундук с драгоценным содержимым, каждую золотую монету, закатившуюся в щель между каменными плитами.

~ В этом мире все устроено просто, да, Глинн?~

~ Богатые хитрецы управляют умными бедняками вроде нас с тобой.~

~ Впрочем, ты особый случай – ты был богатым, но явился в Низмар, чтобы получать знания; выходит, ты умный и одновременно дурак. Но ничего, мы это исправим. Все дело в том, что я-то хитрый, Глинн. Видишь вот это? Всегда есть способ открыть дверь, даже если у тебя нет ключа.~

Он остановился, ощутив, как сердце забилося чаще обычного. Почему именно сейчас? Почему воспоминание о Кайте вернулось к нему именно в этот миг, в этом городе, посреди этого растрескавшегося, заросшего плющом и покрытого пылью великолепия?

~ А ты подумай, Глинн. Ты знаешь все ответы.~

~ Просто подумай.~

~ И вспомни.~

~ Вспомни меня таким, каким я был.~

Они познакомились почти сразу же после вступительных испытаний и решили, что снимать одну комнату на двоих будет дешевле. Им обоим было по семнадцать лет, и хотя Глинн происходил из богатой семьи, что-то неуловимое выдавало в нем изгоя, и поэтому Кайт, сын матроса, пробивавшийся сквозь все препятствия с тем же упрямством, с каким его отец драил палубу, безоговорочно принял Глинна за своего. Они вместе ходили на лекции и в Библиотеку, а потом вместе выпивали в каком-нибудь из трактиров поблизости от Университета и шутили с красивыми студентками, надеясь, что им повезет. И им везло не только в этом. Глинн притворялся, что не замечает той легкости, с которой Кайт проникает сквозь запертые двери, и тех денег, что иной раз появляются у него, словно из пустоты.

~ Хорошее было время.~

А потом Кайт исчез.

Молва твердила, будто он сбежал, устав от трудностей учебы; еще говорили, что в прошлом у него обнаружилось некое темное пятно, вызвавшее недовольство самого ректора, ревностно следившего за строгим соблюдением Устава.

Вскоре про Кайта забыли, как должны были забыть и про самого Глинна, – студенты, словно вода, текли мимо каменных университетских берегов, чтобы слиться с бескрайним морем жизни, до которой самому Университету не было никакого дела. Забывали иной раз даже лучших, а чем они двое заслужили, чтобы их помнили?

~ Но ты-то не забыл.~

Нет, он не забыл...

Тем вечером Кайт с горящими глазами сообщил ему, что не пройдет и дня, как вся их жизнь круто изменится. Я знаю нужную дверь, то кричал, то шептал он, я смогу ее открыть! И после этого можно будет забыть о лекционных залах, об испытаниях и угрозе Трех провалов; можно будет читать книги лишь для собственного удовольствия, можно будет купить себе столько книг, сколько захочется. Ты веришь мне, Глинн? Веришь, друг? Ты просто поверь!

У Глинна болела голова; он махнул рукой и велел Кайту убираться.

Больше они не виделись.

~ Это ведь так грустно, да? Понимать, что случилась беда, которую ты мог бы предотвратить. Про такое говорят – «камень на сердце», но на самом деле там не камень, а песчинка. Песчинка, которую сердце – или, может, душа? – слой за слоем обволакивает перламутром, чтобы избавиться от тупой саднящей боли. Получается жемчужина. Небольшая. Возможно, всего одна. Но время – забавная штука, и скоро их оказывается много...~

Глинн долго искал своего друга, расспрашивал всех, кто мог знать, что с ним произошло, и однажды обнаружил его воровской нож у себя под дверью. Это было послание от людей, с которыми связался Кайт, это был намек: прекрати. И он подчинился, опустил руки, перестал думать о чем-то, кроме учебы, – это принесло плоды довольно быстро, хотя Эллен все равно не поверил, что он исправился.

~ ...и вот ты – раковина, уродливая колючая штуковина, в которой спрятана красота. Кто-то возьмет в одну руку тебя, а в другую – острый нож, и в самом скором времени твоя душевная боль станет ожерельем на чьей-то тонкой шее, а сам ты станешь пищей – крабов, рыб, людей или магусов, да какая разница? Это твоя судьба, потому что ты превратился в раковину, хотя мог бы остаться человеком.~

Глинн замер посреди улицы, по обеим сторонам которой возвышались полуразрушенные дома, оставленные жителями... полторы тысячи лет назад? Не знай он историю Саваррена, решил бы, что город пустует полвека, не больше. Туман, который давно должен был исчезнуть, сгустился и стер развалины, закрасил белым; теперь Глинн стоял посреди пустоты. Он вдруг понял, что это конец всех дорог, что дальше уже идти не надо – здесь его место, наедине с призрачным голосом человека, который погиб из-за несказанных слов. Он закрыл глаза и сквозь туман, который был водой, ощутил Коршуна, Пепла, Багу и всех остальных пиратов – они разбрелись по городу, разделились и пали жертвами той же силы, что сейчас одолевала его. Была ли это их собственная память, бескрайней и безжалостней Океана, или некая сущность, поселившаяся в Саваррене много веков или тысячелетий назад, – какая разница?..

Он закрыл глаза, не желая видеть, что произойдет дальше; в темноте его чувство воды усилилось, и он стал городом, спрятавшимся под покровом тумана, а потом – островом, который со всех сторон окружало море, и в этом море были другие острова – и Альтимей с его двуликим старым-новым городом, и безымянные клочки земли, необитаемые или ставшие приютом для скромных рыбаков, и далекие темные громадины, поросшие лесом, открытые всем ветрам, устремившие к небу острые пики скал, – такие разные и такие похожие, готовые сражаться с Великим штормом вместе и по отдельности. Он увидел громадный Ниэмар с его десятью кружевными башнями и статуями в вуалях из мрамора; он увидел шумный Лейстес, пристанище торговцев и пиратов; он увидел Облачный город, все еще озаренный огнями былой славы, не убоявшийся явных и скрытых врагов.

Он увидел...

Осыпающаяся каменная лестница, у подножия которой плещутся волны; на ступеньках сидит девушка – зябко кутается в шаль, длинная прядь волос, выбившись из узла на затылке, падает ей на лицо, но она ничего не замечает, лишь с печалью смотрит на воду, как будто надеясь там что-то прочесть.

Дом с плоской крышей, огражденной перилами; немолодая женщина стоит, устремив взгляд на взволнованное море, не замечая дождя, который уже успел намочить ей волосы и платье. Мужчина – еще не старый, но с суровым, обветренным лицом моряка – обнимает ее за плечи и уводит прочь; она все время оборачивается, как будто ждет, что посреди бушующих волн появится парус.

Берег, усеянный острыми осколками скал; волны шелестят по песку, где-то далеко слышны громовые раскаты. Стройная молодая женщина в длинном платье, с распущенными темно-русыми волосами, стоит лицом к морю и как будто... нет, она не пытается что-то разглядеть посреди бескрайних владений Великого шторма. Она просто смотрит на море, а море смотрит на нее. У нее красивое, но грустное лицо. Она улыбается, глядя Глинну прямо в глаза...

~ Я жду.~

Он чувствует в пальцах правой руки знакомую рукоять воровского ножа, что был украден у него, а в левой – колючую поверхность крупной раковины. Жемчужница? Нож? До чего примитивно. Той воды, что была в начале всего, когда звезды еще не зажглись над бескрайним океаном Вечной ночи, ему хватит.

Хватит, чтобы все исправить без помощи острого лезвия.

– Хотя я и не понимаю, как именно ты сделал то, что сделал, должен признать – ты спас мне жизнь. Мне и моим людям, а также моему кораблю.

– Да. Но спаслись не все.

– Опять ты за свое. У меня нет и не было помощника по имени Пепел, и матроса такого на «Черной звезде» тоже никогда не было. Не заставляй меня думать, что ты...

– Я не сошел с ума, капитан. Впрочем, думайте что хотите. Все равно я сначала завел вас всех туда и уже потом спас.

– Не имеет значения. Ты... ты ведь не знал, что поджидает нас в Саваррене. Ты мог сам погибнуть. Прошное следует оставить в прошлом, не так ли?

– Вы изменились, капитан Коршун...

– Ты тоже изменился, водоплет Глинн Тамро.

Он находит ее именно там, где хочет найти, – дремлющей на ступеньках каменной лестницы, у тихого канала, под грустным взглядом древней статуи на противоположном берегу, – тихонько наклоняется и поправляет шаль, сползающую с плеча; в этот момент она просыпается, растерянно смотрит на него – не веря, что это не сон, и отчасти не узнавая, потому что он выглядит совсем не так, как раньше, – бросается ему на шею и, всхлипывая, начинает быстро-быстро шептать о том, какой же он мерзавец, потому что только мерзавец мог исчезнуть, не оставив даже короткого письма, хотя ему стоило всего лишь проявить смелость и явиться на вечернюю лекцию, чтобы увидеть, как один профессор вызывает другого на ученую дуэль, как они на глазах у пяти сотен зрителей истязают друг друга хитроумными вопросами, как что-то меняется – что-то необъяснимое, но понятное всем присутствующим, – и вчерашние непримиримые враги вдруг улыбаются друг другу, забывая все обиды; конечно, это не навсегда, но весь смысл жизни в переменах, разве нет?

Он надевает ей на шею ожерелье из крупных разноцветных жемчужин и просит позвать отца. Она убегает.

У подножия лестницы стоит высокий худощавый мужчина в простой матросской одежде. Его черные волосы припорошены не то пеплом, не то снегом, левый глаз закрыт повязкой, а правый смотрит выжидательно.

«Ты носил чужое имя и чужое лицо, – мог бы сказать ему Глинн. – Ты стер память о себе, как делал, наверное, уже не раз, но я-то ничего не забыл. Теперь я понимаю, что ты все это устроил – ты наблюдал за мной еще до того, как я попал в Низмар, ты тот, о ком все знают, но с кем никто не хочет встречаться. Выходит, ты не так уж страшен, как принято считать?»

Но говорит он совсем другое:

– Она ждет на пустынном берегу, там, где ничего нет, кроме воды, песка и камней. Иди же к ней скорее, не трать на меня время – я все понял.

Тот, кто называл себя Пеплом, кивает ему и исчезает.

Глинн садится на изгрызенную временем ступеньку. Впереди него – пустота, а позади – те, рядом с кем не страшно глядеть в эту пустоту, и так теперь будет всегда.

Он улыбается и закрывает глаза.

Майя Лидия Коссаковская Гринго (Перевод Сергея Легезы)

Огоньки свечей нервно подрагивали, блеклый свет проливался золотистой лужицей. Воск ронял красные и черные слезы, мел скрипел по доскам, а рука, чертящая магические знаки, дрожала так сильно, что нарисованная пентаграмма больше походила на растоптанную морскую звезду.

На белую меловую линию упала капелька пота. Мигель откинул со лба мокрые волосы. Пальцы его одеревенели, лишились чуткости, словно были выструганы из дерева. В висках колотился пульс – словно водопад ревел. Сердце не пойми как пролезло меж ребрами и теперь пыталось протолкнуться к желудку. По хребту то и дело пробегала дрожь.

Мигель Диас никогда в жизни так не боялся. Но и дело было серьезным. Очень серьезным. Ведь речь шла не о призыве кого-то из лоя⁶ или древнего бога. Ползая по полу, юноша корябал по выглаженным доскам вовсе не затем, чтобы привлечь к себе внимание малой магической сущности. Он хотел вызвать дьявола.

Лично, персонально, прямо из глубин ада.

Ясное дело, что для этого у него были причины. Вели его отчаяние и глубокое чувство обиды.

– Эль Сеньор, – прошептал он побелевшими губами, когда кривая пентаграмма была завершена. – Молю, приди! С радостью отдам тебе душу, если пожелаешь меня выслушать. Ты, нераздельно правящий Землей, прибуди на покорный призыв своего верного – с этого момента – слуги! Господь пусть правит на небесах, но ты, Князь Мира, будь добр сойти... э-э... то есть выйти из-под земли...

Он оборвал себя, испугавшись, что подумал дурно. Естественно, Эль Сеньор ниоткуда не сойдет, поскольку ад ведь находится внизу, в Бездне. Это все старые привычки. И зачем он вспомнил о Небе? Дева Мария Гваделупская, лишь бы дьявол не обиделся!

Он стоял на коленях, согнувшись над таинственными знаками, чьи резкие грани казались ощеренными клыками. Потянулся к старой, потрепанной книжке в кожаном переплете и внимательно присмотрелся к рисункам. Все совпадало. На пожелтевших, хрупких страницах был запечатлен древний ритуал призыва Нечистого. Он старательно скопировал с гравюры символы и заклинания на неизвестном языке. Оставалось только ждать.

Он чувствовал бы себя куда лучше, если бы понимал, что именно написал. Трясся от страха при одной мысли, что это могут оказаться упреки или насмешки над истинным владыкой мира. В конце концов, он ведь эту книгу, как и священный мел, украл из кабинета отца Хризостома. Священник всегда красочно рассказывал о дьяволе, добавляя к рассказам многочисленные страшные и совершенно правдивые истории о несчастных, которые поддавались нашептываниям Нечистого, – а священник наверняка знал об этом много, куда больше обычных людей, – но можно ли думать, что священник станет держать на полках библиотеки книгу, говорящую об Эль Сеньоре с надлежащим уважением?

Мигель то и дело нервно поглядывал на пентаграмму.

«Пора бы ему уже и появиться, – подумал он с отчаянием. – Может, он не придет, потому что я нарисовал что-то неправильно? Каррамба, а может, нужно было произнести заклинание вслух? Теперь-то уже поздно, да я бы и не сумел в них разобраться...»

⁶ Лоя – согласно религии вуду, невидимые духи, некий аналог христианских святых; являются посредниками между Богом и человеком. – *Примеч. ред.*

Он сел, скрестив ноги, подпер подбородок кулаком. Ждал. Но издевательский голосок в голове настаивал, что все напрасно. Что Эль Сеньор не явится, пусть бы Мигель сидел до самого Рождества. Он что-то напутал, в чем-то ошибся – или он просто настолько незначительная персона, что дьявол не желает морочить себе голову с простым пареньком, да к тому же – полукровкой-горцем.

Он тяжело вздохнул.

А все, казалось, так хорошо складывается. Наконец-то его жизнь вошла в нормальную колею. И вдруг все обрушилось. Словно судьба разозлилась на него, специально выставив против его планов силы, сражаться с которыми Мигель не имел ни средств, ни возможностей. Не мог ничего сделать – мог лишь смотреть, как все, чего он с таким трудом достиг, разбивается вдребезги. Эту катастрофу, которая взорвалась как вулкан, он не сумел бы предвидеть.

И вот он, будучи в отчаянии, обратился к тому, чьих темных мерзостей опасался всю жизнь. Но и эта сила его подвела.

Свечи потрескивали, время текло, а Эль Сеньор не приходил. У измученного ожиданием Мигеля начали слипаться глаза. Сонливость в конце концов одолела горечь поражения, и молодой метис заснул на полу рядом с кривой пентаграммой.

* * *

Бледная предрассветная заря провела по глубокой сини ночи светлую серую полосу. Изрядно уже выпивший, Форфакс высосал из стакана остатки текилы. На рассвете он всегда погружался в меланхолию. Ночные заведения, девочки, развлечения и гектолитры алкоголя заглушали тоску ненадолго. Теперь, одинокому в своих отельных апартаментах, ему пришлось взглянуть правде в глаза. Охотней всего он бросил бы все и вернулся домой.

«Что я тут делаю?» – думал он, постукивая краешком стакана о зубы.

Вопрос был чисто риторическим, поскольку, даже напиваясь, он прекрасно помнил, что на родину-то он вернуться не может.

Твердой рукой он потянулся за бутылкой и налил себе больше половины стакана. Не боялся потерять сознание или проснуться уже днем с ужасным похмельем. Эти проблемы его просто не касались. А вот текила пока что помогала. И только это имело значение.

В глубине души он прекрасно понимал, что едва минует серый час – исчезнет и ностальгия. В конце концов, ему всегда удавалось отогнать это чувство, так что оно, к счастью, не представляло такой уж большой проблемы. Все дело было в том, что Форфакс ужасно скучал. Просто умирал от скуки.

Бывало, что он едва ли не молился о каком-то происшествии. Взрыв вулкана, цунами, война – хоть что-то, что прервало бы невыносимую монотонность. Но каждое утро случалось лишь одно большое пустое ничто.

Вероятно, когда бы не состояние непрерывного вздернутого ожидания хоть чего-то, Форфакс не почувствовал бы слабенького пульсирования пентаграммы. Но в то тихое одинокое утро легкое подергивание не растворилось среди многочисленных раздражителей, производимых мегаполисом, и достигло цели. Не заглушили его ни бесконечные сонные кошмары, ни мрачные думы, ни дурные мысли или неискренние молитвы. Древний ритуал сохранил силу, хотя проводил его невежда и не священнослужитель.

Форфакс вздрогнул, прикрыл глаза, чтобы лучше почувствовать сигнал. На губах его медленно расцветала радостная улыбка.

Нет, он не ошибся! Где-то недалеко кто-то неумело пытался вызвать дьявола.

Он потянулся к карману пиджака, вытащил небольшое круглое зеркальце. Дохнул на серебряную поверхность, и та мгновенно затуманилась, просияла жемчужным блеском. Под слоем бледного тумана медленно проявилась картинка.

Да, чтоб его! Супер! Он поймал мерзавца. Призывающий – молодой метис – сидел рядом с уродливо-кривой пентаграммой, внутри круга, означенного красными и черными огарками. Голова его клонилась на грудь, похоже, он засыпал. Наверняка провел ритуал в полночь, но тогда Форфакс ничего не почувствовал, поскольку как раз обедал в обществе прекрасных дам.

А значит, нужно поспешить. Скоро свечи догорят и переход закроется.

Он отставил стакан на стол. Уже не было причин искать утешения в алкоголе. Близились новые приключения. Неистовое развлечение, которого он так долго ждал. С треском появиться внутри криво начертанной, плоской медузы, запугать несчастного до смерти – а потом увидеть, как еще удастся сыграть. В любом случае, его ждет неплохая забава. Ритуал, правда, проведен с ошибками, а магические знаки нарисованы не слишком старательно, поэтому выход из пентаграммы может оказаться не слишком приятным, но да ладно! Надо иногда и чем-то пожертвовать.

Он встал, расправил плечи.

– Сила! – возопил радостно.

* * *

В последние годы Форфаксу⁷ не везло. Хоть и был он неглупым приличным демоном, но постоянно ввязывался в какие-то дурацкие аферы. То перешел дорогу Мефистофелю, то – сам того не желая – перечеркнул планы Велиала. И все из-за одной несчастливой черты характера. Форфакс никогда не умел вовремя остановиться. Не чувствовал, когда нужно сказать себе: «Стоп». Как правило, сперва дела у него шли прекрасно, а потом он пересекал некую невидимую черту – и тогда все предприятие неизбежно заканчивалось катастрофой.

Но никогда еще не было так плохо, как сейчас. Пара услуг, которые он охотно оказал одному симпатичному адскому обитателю по имени Азус, обрушили на голову несчастного Форфакса настоящую катастрофу. Но откуда ж было ему знать, что, сам того не желая, он принял участие в заговоре против Люцифера и Асмодея? Сделал лишь то, о чем его вежливо – и за достойную, кстати, плату – попросили. Продал пару несущественных, на первый взгляд, сведений, обеспечил кое-какие контакты, спрятал несколько старательно упакованных предметов. А уже через месяц сидел в камере на самом дне Пандемониума, обвиненный в государственной измене.

И задавал себе исполненный горечи вопрос. Как это, сука, вообще могло произойти?

Потом шло исключительно неприятное следствие, многочасовые допросы и очные ставки, которые Форфакса сильно обогатили с точки зрения опыта – ценного, но нерадостного. В конце пришлось пережить ужасный разговор с Асмодеем, во время которого Гнилой Парень несколько раз назвал его кретином, позором Бездны и демоном с разумом меньшим, чем у дождевого червя. А потом вышвырнул прочь, лишив всего имущества и права пребывать в любом из кругов Ада и на всей территории Лимбо. А еще растолковал, что именно будет ожидать изгнанника, не прислушавшегося к вежливой просьбе.

⁷ Согласно ряду источников, Форфакс (также известный как Форайи, Моракс или Маракс) – падший ангел, граф, командующий тридцатью шестью легионами ада. Обучает людей семи вольным искусствам: грамматике, диалектике, арифметике, геометрии, музыке, астрономии и – что в нашем случае важно – риторике. Добавим, что и остальные имена ангелов и демонов, упоминаемые писательницей, взяты из священных книг и литературных источников, более или менее известных, мы же не рискнули лишать читателя возможности самому глубже разобраться в иерархии Неба и Преисподней и постарались свести комментарии к минимуму. – *Примеч. ред.*

Раздавленному Форфаксу не оставалось ничего другого, как позорно сбежать на Землю. Несколько лет он бродил меж людьми, одинокий и в депрессии. Местом изгнания он выбрал Латинскую Америку, поскольку здесь еще процветала глубокая, пусть и несколько наивная вера в чары и дьяволов, в сверхъестественные силы, духов и старых богов. Земля тут, казалось, излучала магию, помогая демону поддерживать хорошее состояние духа и тайные умения. Благодаря этому жил он на приемлемом уровне, не жалуясь на недостаток средств.

Но как ни посмотри, это все же была не Бездна.

Хотя Форфакс все равно благодарил судьбу, что хотя бы не расстался из-за собственной глупости с жизнью. И по-прежнему тихо надеялся на возвращение домой. Однажды Гнилой Парень его простит. Не может же он бесконечно обижаться на столь малозначительного, пусть и виноватого демона, который, как ни крути, не наделал таких уж дурных дел.

Сам Форфакс не был злопамятным. Характером обладал скорее миролюбивым и с исключительной легкостью завязывал знакомства.

Падая в фэйерверке красных искр с потолка прямым в центр пентаграммы Мигеля, он прикидывал, насколько забавным окажется молодой метис и надолго ли затянется это приключение.

* * *

Если бы Мигель сам не видел пришествия, никогда бы не поверил, что стоит перед ним Эль Сеньор, дьявол собственной персоной.

Он очнулся, когда потолок с чудовищным грохотом разошелся и комнату залило призрачным красным светом. На миг подумал даже, что продолжает спать, но сразу же, испуганный, пал на колени и машинально перекрестился, прежде чем понял всю неуместность такого поведения. И тогда сверху пролился водопад искр, резко засмердело гарью. В дыре, разверзшейся на потолке, замаячила некая фигура.

Эль Сеньор близился!

Диас пискнул от ужаса, скорчился на полу. Захлебнулся вздохом, в висках застучали молоточки, сердце пустилось стремительным галопом. Окаменев от страха, он глядел, как на центр пентаграммы с грохотом приземляется дьявол.

* * *

Форфакс тяжело грохнулся о доски пола. Мерзко выругался, скривившись от боли. Переход и правду прошел неприятно. Тошнило, в голове словно карусель крутилась. Он с трудом сглотнул тягучую слюну, борясь с приступом тошноты. Было бы совсем некстати, если б его вывернуло прямо перед призывавшим.

Он глубоко вздохнул и почувствовал себя чуть лучше. Небрежным движением руки закрыл разверстый потолок. В конце концов, он же не прибыл сюда разрушить халупу этого несчастного метиса. В развлечении всегда нужно знать меру.

Он отряхнул измятые штаны, одернул полы пиджака. Заметил на кармане мерзкое пятно от мартини, но решил его проигнорировать. Скорчил высокомерное лицо, раздвинул губы в улыбке и взглянул прямо в лицо метису.

Парень с раскрытым ртом преклонял колени. Темные глаза удивленно расширились. Казалось, он ошеломлен.

— Ну, чего уставился? — весело спросил Форфакс. — Ты меня призвал — и вот он я. Удивлен? Сразу видно, что не мыслишь позитивно. А хорошее настроение — уже половина успеха.

Диас не шевелился. Замер в глубоком изумлении. Он прекрасно знал, как должен выглядеть дьявол. У Эль Сеньора рога, красная кожа, эспаньолка, хвост и раздвоенные копыта. А перед ним стоял воняющий текилой – причем явно вчерашней – светловолосый гринго.

Когда бы не черные следы, выжженные на досках пола, и не свежий шрам на потолке, он решил бы, что стал жертвой галлюцинации и что странный чужак появился к нему домой обычным образом, через дверь – пока Мигель спал.

Он не мог отвести взгляд от необычного гостя. Пришелец был довольно высоким, широкоплечим, в белом платяном костюме и замшевых туфлях. Выглядел вполне симпатично. На недурном, продолговатом лице лучились неестественно зеленые, фосфоресцирующие глаза. Нос, пожалуй, когда-то был сломан, щеки покрывала щетина.

Гипотетический дьявол сделал пару шагов, совершенно не обращая внимания на нарисованные священным мелом линии, и протянул руку.

– Меня зовут Форфакс. Демон Третьего Круга Бездны. Можешь звать меня Генри. Ну, понимаешь, на земной манер. Я привык. Не переживай, что это странно. В конце концов, и Мефистофеля Фауст называл Мефом. Тот однажды признался во время попойки в одном приличном кабаке в лимбо. А ты кто? Есть у тебя имя?

Мигель таращился на протянутую руку, словно загипнотизированный. Не мог выдавить ни слова.

«Пресвятая Богородица! – повторял мысленно. – Эль Сеньор – гринго!»

Форфакс, несколько смешавшись, опустил руку.

– Ладно, – буркнул. – Похоже, ты неразговорчив. Дай-ка я сам догадаюсь.

Он прикрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться.

– Диас! – заявил с триумфом. – Мигель Диас, верно?

Метис медленно кивнул.

– Да, – выдавил он хрипло.

Улыбка демона сделалась шире.

– Ну, значит, говорить ты умеешь. Уже дело, Диас. А теперь скажи, чего ты от меня хочешь? Жену друга? Денег? Славы? Не мнись, говори. Ты ведь для чего-то меня вызвал, верно? Ну, чего желаешь?

Мигель распрямил спину, глянул прямо в ошеломляюще зеленые глаза дьявола.

– Справедливости, – произнес твердо.

Гринго вздрогнул, пойманный врасплох.

– Эй, парень, – тряхнул он головой. – Я не уверен, ко мне ли с этим. Но ладно, рассказывай. Поглядим, что можно сделать.

И вдруг, словно рухнула плотина, с уст Мигеля неудержимо полились слова. Горькая, печальная, обычная история жизни простого парня, которому не повезло родиться горцем-полукровкой.

* * *

С детства Мигель запомнил лишь нужду. У отца его, когда тот пришел в город, не было ничего, и сам он тоже ничего не умел, даже написать свою – такую короткую – фамилию. В родной деревне он был рыбаком, а что ловить в столице? Разве что трупы, плывущие по реке. Мать происходила с гор, из племени, название которого было даже не выговорить. Кожа ее была красной, словно терракота, на голове она постоянно носила кретинский котелок. По жизни шла равнодушно, постоянно погруженная в мягкий полусон под добрым крылом извечной богини Мамы Коки. Порой Мигель не был уверен, понимает ли мать, что вокруг происходит. Судьба одарила бы парня невероятным числом братьев, когда бы большинство

из них не умерли еще в детстве. И все равно осталось их четверо, а еще одна сестра – Мария-Люсия, умственно отсталая.

Мигель не помнил, когда родилась в нем глубокая уверенность, что он вырвется из-под власти безнадёги, бедности и милости Мамы Коки. Наверняка раньше, чем он начал что-то понимать. И так же быстро он понял, что единственный путь к бегству ведет через школу для бедняков, которой управлял сморщенный, словно чернослив, отец Бенедикт. Уже через несколько месяцев этот добрый старичок, всей душой радеющий за людей, понял, что в шлифовку ему попал по-настоящему драгоценный камень. Мигель буквально впитывал новые знания. Он учился настолько яростно, что порой боялся, как бы не лопнула голова. За короткое время он ушел в отрыв от остальных учеников настолько далеко, что учителю пришлось приготовить для него персональный курс обучения.

Мигель сбегал из дому и часами просиживал в церкви, вслушиваясь в проповеди вовсе не из-за религиозности, но чтобы научиться говорить настолько же красиво и учено, как священники.

В мечтах он видел себя офицером, чиновником или даже священником. Честно сказать, ему было все равно. Только бы немного подняться.

Понимал, что ему не хватит смелости, чтобы решиться на карьеру в наркомафии, в торговле живым товаром, в порнографии или среди простых гангстеров. Не слишком-то реальным казалось ему и место шефа преступной организации. Слишком много проблем. Хотел он чего-то более спокойного, уверенного. Не мечтал также, подобно ровесникам, стать тореадором, сутенером или шулером. И вовсе не потому, что чувствовал какие-то моральные преграды. Просто это были небезопасные занятия. В общем, оставался лишь путь церкви или науки. И этому-то он отдал себя без остатка.

Поскольку он не работал и не помогал отцу, дома поглядывали на него косо. Как дармоед, он часто оставался голодным, иногда мать, разозлившись, выставляла его вечером на улицу, чтобы спал под голым небом. Ее терракотовое лицо тогда морщилось от гнева, напоминая растрескавшийся кувшин.

А Мигель продолжал учиться, словно одержимый. И наконец дождался награды за свои усилия. Расчувствовавшийся от успехов любимчика, старый отец Бенедикт пристроил его в школу-интернат, взывая к милости Божьей и ко всем своим старым знакомствам. Выклянчил для воспитанника освобождение от оплаты и все время учебы содержал его со своих скромных доходов.

Среди более богатых приятелей молодой метис чувствовал себя скованно. Стыдился своего индейского происхождения, бедности, отсутствия манер и простецкого акцента. За несколько лет, проведенных в школе, он ни с кем не подружился. Зато научился многим важным вещам. Например, как быть гибким, чтобы гнуться, но не ломаться. К школьным коллегам он оставался совершенно равнодушен. Был одиночкой. Помогал кому-то, лишь когда знал, что это может принести хоть немного пользы. Для учителей он всегда приберегал улыбчивое, вежливое, внимательное и прислужливое лицо. Все еще добивался высоких результатов, потому что прекрасно понимал: это его единственный пропуск в лучший мир. Хотя и этого могло не хватить.

Быстро заметил, что в общении с большинством начальников вместо искренности лучше работают ханжество, льстивость и униженность. Поэтому добивался места под солнцем, изображая умного, лояльного, покорного – ступив на стезю, которая могла превратить его в настоящую сволочь. Немного удивлялся, что никто не побуждает его надеть сутану, – но это-то было ему на руку. В конце концов, священником он думал стать только в крайнем случае. Занятие это сулило не много вариантов достойного будущего.

Школу он закончил с отличием и, к своей радости, получил выход на неплохую должность. Говорили, что директор школы, отец Хризостом, рекомендовал его на сотрудника секретариата в городской управе.

Мигель расплакался от счастья, впервые за долгие годы позволив себе выказать настоящее чувство. Ощущал себя так, словно ухватил за бороду не просто Господа Бога, а всю Пресвятую Троицу.

И именно в момент, когда все начало так неплохо складываться, в стране вспыхнула революция.

Просто так, из ничего. Словно болотная тварь, из джунглей вылез харизматичный лидер, уже тогда называемый сторонниками «Эль Президенте», и повел отряды взбунтовавшейся бедноты против правящей хунты. Волшебным образом армия и полиция сразу перешли на сторону революционеров, правительство быстро свергли, в том числе и консервативного, богобоязненно настроенного диктатора вместе с высшими чинами. Полетели головы, пролилось чуток крови, но неожиданно быстро все успокоилось. В атмосфере всеобщего праздника Эль Президенте получил власть. Люди танцевали на улицах, осыпали цветами победивших, напивались до потери сознания и праздновали дни напролет. Страну охватила настоящая эйфория.

Кто бы ни взглянул на суровое, смуглое, красивое, словно у статуи, лицо нового вождя, сразу соглашался, что вот он, новый спаситель, муж суровый, который теперь установит рай на земле. Любовь к Эль Президенте переродилась во всеобщий фанатизм. Женщины плакали, завидев его, молились, словно самому Христу, некоторые от избытка чувств теряли сознание. Мужчины с безумием в глазах выкрикивали патриотические и социальные лозунги, повторяя их вслед за прекрасным победителем, собирались под президентским дворцом, готовые в любой миг отправиться, куда бы он ни приказал.

А Мигель сидел в старой хибаре, которую отписал ему в завещании старый учитель, отец Бенедикт, и трясся от страха.

Потому что злая судьба пожелала, чтобы Эль Президенте оказался жестким коммунистом и сразу, с ходу, взялся за уничтожение религии. Любой. Начиная с католических миссий и школ и заканчивая обрядами вуду. Досталось и народным культам доколумбовых богов – и даже обычным предрассудкам. Все, что обладало хоть сколько-нибудь духовным измерением, новый диктатор хотел окончательно уничтожить. И делал это с большой тщательностью.

А очищающая волна президентской коммунистической ненависти могла смыть и несчастного карьериста Диаса, с самого детства связанного с церковными институтами.

Бог же, похоже, не намеревался никак помогать в решении этой проблемы.

Так что в отчаянии, вместо Господа, беззаботно царствующего на Небесах, коему, видимо, и дела не было до Эль Президенте со всеми его святотатственными замыслами, Диас обратился к дьяволу, истинному властелину мира и людей, искусителю, любителю душ, знатоку дел человеческих и грешных чаяний своих подданных. Ведь, в конце-то концов, возможно ли, чтобы столько усилий и жертв пошло прахом?

– Это несправедливо! – истово шептал несчастный Мигель, глядя прямо в лицо демонического гринго. – Это просто-напросто несправедливо! Так не годится. Я воззвал к тебе, сеньор, чтобы ты что-нибудь с этим сделал.

Черные его глаза полны были отчаянием, но и глубоким, страшным упорством горца.

Форфакс почесал щеку. Он вроде что-то слышал о революции, но не обратил на это внимания. Во время ее он развлекался на Карибах, а вернулся, когда все уже утряслось. Насчет снижения уровня силы он не опасался: земля здесь слишком глубоко пропитана магией и древними ритуалами, чтобы какой-то диктатор сумел разрушить этот потенциал. А наивную веру и предрассудки из человеческих умов выбить еще тяжелее. Если же не о

чем переживать, то к чему об этом думать? Вдобавок после скандала с заговором против Люцифера он горячо обещал себе, что никогда не влезет в политику.

– Ну и что мне для тебя сделать? – спросил он, разводя руками. – Свалить президента? Сорри, у меня нет ни времени, ни возможностей. Ты меня переоцениваешь, парень.

Мигель сжал кулаки.

– Да какое мне дело до президента! – взорвался он. – Я хочу наконец-то чего-то достичь, занять высокое положение! Я работал над этим всю свою проклятую жизнь! Не могу сейчас стать изгоем, преследуемым беглецом или – в лучшем случае – снова превратиться в бедняка из горного села! Мне нужны деньги и положение! Все равно от кого, пусть бы и от самого дьявола – без обид, сеньор!

Форфакс обрадовался.

– Ах, теперь понимаю. Почему ж ты сразу не сказал? Тут я смогу тебе помочь. Бабло и позиция, да? Нормально, поработаем над этим. Есть у тебя кусок газеты?

Сбитый с толку Мигель лишь кивнул.

Демон потер руки.

Что-то подсказывало, что из этого знакомства может выйти неплохое развлечение на много недель. Сама мысль, что у него появится какое-то занятие, цель, пусть и банальная – но чтобы была причина утром вставать с постели, – улучшила ему настроение. Отчего бы не сыграть в нового Мефисто и не протащить этого индейского карьериста поближе к коммунистическому диктатору? Что за притягательная, извращенная игра. Пигмалион и Макиавелли в одном флаконе. Все это начинало казаться ему достаточно симпатичным.

Диас стоял рядом, нервно сминая газету, с которой визионерским оком взирал Эль Президенте.

Форфакс оскалился в ухмылке.

– Порви бумагу на кусочки и смотри, – приказал.

Метис послушно измельчил газету.

Улыбка на губах демона стала шире, зеленые глаза засияли. Он любил эту работу.

– Внимание! – описал он руками полукруг, прищелкнул пальцами.

Мигель охнул от неожиданности и удивления. В руках у него были настоящие банкноты. Стодолларовые. Целая пачка. Никогда в жизни он не видел столько денег.

Адский житель засмеялся и похлопал парня по плечу. Он очень гордился фокусом с чертовыми банкнотами. Это было классно: напечатать совершенную фальшивку одним щелчком пальцев.

– Ты хотел денег – вот тебе деньги. Купи одежду получше. И не забудь о туфлях, – глянул он на изношенные тапочки Мигеля. – Ну, не пялся так. Это для начала. Потом позаботимся о большем.

– Благодарю, Эль Сеньор, – прошептал парень голосом, ломким от переполнявших его чувств. – Но разве... разве я не должен подписать договор?

Форфакс с трудом сдержал смех.

«Откуда у людей взялась эта дурацкая убежденность, что жители Ада бросаются на душу, словно эскимос на тюленя? – подумал он весело. – На хрена нам эти проблемы?»

Однако он не хотел расстраивать простодушного метиса, который внимательно глядел на своего дьявольского спасителя.

– Сейчас, сейчас. – Форфакс выгреб из кармана бумажку, на которой вчера вечером симпатичная мулатка нацарапала губной помадой номер телефона. – Давай, подпишись здесь.

Мигель немного побледнел при виде красных цифр, но решительно потянулся к поясу за перочинным ножиком, готовый надрезать кожу и кровью запечатлеть пакт с нечистой силой. Но Форфакс удержал его за запястье.

– Да ладно тебе, парень, – буркнул. – У тебя что, карандаша нет? Мы ведь не варвары какие.

После недолгих нервных поисков Диас отыскал наконец ручку и поставил подпись. Демон старательно сложил бумажку.

– Вот и славно, – улыбнулся он. – Ну, Мигелито! Ты и оглянуться не успеешь, как окажешься среди сливок общества. Вот увидишь. Держись меня, и все станет прекрасно. А пока – прощаюсь. Полечу поспать, а то валюсь с ног. Загляну завтра.

Небрежным жестом он разорвал потолок, впуская в комнату поток золотистого раннего света.

– Сила! – сказал весомо и исчез, оставляя нового утратившего душу человека со стопкой поюзанных долларов и с расширенными от страха глазами.

* * *

Следующие недели для Мигеля были словно безумный, но прекрасный сон. Эль Сеньор взялся за дело всерьез. Тягал своего подопечного по всевозможным кабаре, ночным клубам и борделям. Ошеломленный от избытка впечатлений, Диас глядел на хороводы стриптизерш, ведрами пил разноцветные дринки, обнимал взводы девиц, танцевал до упаду и ночи напролет резался в карты. Когда заканчивались деньги, Форфакс проделывал фокус с деньгами из газеты или шел играть в казино.

– Тут нельзя перебарщивать, – говорил подопечному, забирая выигрыш. – Нельзя за один раз брать слишком большую сумму, нельзя выигрывать слишком часто. Иначе тебя запомнят как шулера или мошенника – и начнутся проблемы. Ладно, а теперь – время собачьих боев.

И Мигель покорно шел в сарай старого Пако или на склады у порта смотреть, как ошалевшие, лютые звери рвут друг друга на глазах возбужденных зрителей. Иногда становилось ему нехорошо, и он мечтал лишь о том, чтобы сбежать из этого пахнущего кровью и по`том цирка, но демон тогда клал ему на затылок тяжелую лапу.

– Сядь, Мигелито, – шипел в ухо. – Я тоже не люблю этого варварства. Но будь добр, немного жертвенности ради дела. Сюда приходят самые влиятельные люди. Если хочешь оказаться на самом верху – ты должен с ними познакомиться.

Он и знакомился. Десятки людей, встреченных в борделях, игорных домах, хазах да порноклубах, множество мерзких типов, которым Форфакс то и дело радостно улыбался. Раздавались произносимые шепотом профессии и фамилии.

Альфредо – наркопосредник, верный, но в пределах разумного. Голову в петлю ни из-за кого совать не станет. Сантос – гангстер, держит в кармане половину города, изображает из себя доброго дядюшку, но – жестокий тип. Сципион – отмывает грязные деньги. Опасный чувак, вроде бы замешанный в нелегальные интересы какой-то шишки с самого верха. Индио – умелый поножовщик, наемный убийца. Честный, если можно так сказать. Алехандро – секретная служба, мерзавец, каких мало. В безопасности давным-давно, разбирается во всем как мало кто. Следи за ним, парень, потому что он хуже змеи. Запомни эту морду...

И так каждую ночь. Пока Форфакс не решил, что молодого метиса в полусвете теперь знают и что запомнили его как своего. Теперь можно подняться на ступеньку выше, к настоящей элите.

Тогда пришло время элегантных клубов и ресторанов, где рекой лился фирменный импортный алкоголь, а девушки были столь прекрасны, что наверняка были родом из Европы или из аристократических семей – а то прямиком с неба. Курили тоненькие пахучие

сигареты, говорили о Париже, Мадриде и о литературе, а смех их звучал как стук жемчужин по столешницам красного дерева.

У всех девушек была ошеломительно-светлая кожа, глаза святых грешниц, и каждая звала Мигеля «сладеньким».

Форфакс чувствовал себя там, словно у себя в аду, но метис оставался зажатым и неуверенным в себе. Таращился на все вокруг глазами испуганной коровы, садился на самый краешек кресла и был не в силах выдавить из себя ни слова в присутствии женщин.

– Да расслабься, старик, – повторял демон, постукивая кубиками льда в стакане с дрином. – Ты ведь именно сюда и хотел попасть, верно? Погляди на того типа, у столика на углу. Сидит с тремя телочками, видишь? Это министр финансов. Первостатейный мерзавец. Не глазей, словно лама на кактус. Спокойней.

Изысканно одетый седеющий джентльмен перехватил, видимо, взгляд Мигеля, потому что вопросительно поднял бровь. Форфакс поздоровался с ним кивком и широкой улыбкой аллигатора. Министр в ответ тоже оскалился и вернулся к поглаживанию бедра ближайшей девушки.

Демон затянулся сигарой.

– Может, оно и к лучшему, – пробормотал. – Он тебя увидел и теперь будет считать завсегдатаем. Сюда кто попало не приходит, Мигель. Но тебе стоит слегка укрепить уверенность в себе, парень. Сидишь, как фигурка в святочном вертепе. Расслабься. Ну, или хотя бы попытайся.

– Я пытаюсь, сеньор, – пробормотал Диас.

Атмосфера клуба его угнетала. Все это красное дерево, хрусталь, красивые женщины. Он не был уверен, нужна ли ему такая карьера.

Форфакс с неудовольствием скривился.

– Не называй меня постоянно «сеньором». Тут я Генри. Понимаешь? Просто Генри.

– Да, сеньор, – выдавил из себя Мигель.

Демон раздраженно махнул рукой.

– Я, Диас, стараюсь стать твоим другом. Не каким-то гребаным учителем. Может, тебе стоит это оценить, а? Когда ты выскакиваешь с тем «сеньором», я чувствую себя старше Земли. Ладно, мне и правда пару тысяч лет, но внешне мы выглядим почти ровесниками. А ты превращаешь меня в старика. Ну ладно. Как-то да будет. Слушай, у меня есть идея. Молодежные организации, Мигелито. Это – как раз для тебя. Ты уже немного пообтерся, повидал пятое-десятое, и я, наверное, скоро познакомлю тебя с Пепе и Худым. Парни твоего возраста, может, установишь контакт. Хорошо бы вам подружиться. – Он задумчиво подпер подбородок ладонью. – Да. Молодежные организации – прекрасная мысль. Так-то ты прямиком доберешься до цели. Только постарайся, лады?

– Да, сеньор Генри, – пробормотал Мигель.

Форфакс вздохнул. Он полюбил паренька, но и думать не думал, что будет настолько тяжело.

* * *

Идея демона оказалась гениальной. Пепе и Худой были обычными парнями, как и Диас, происходящими из бедноты и желающими любой ценой обеспечить себе хорошую жизнь. Диас впервые в жизни повстречал братские души. Молодежные деятели знали и уважали Форфакса и поэтому охотно приняли в свои ряды его протеже. Пепе был ловким, разговорчивым и веселым. Худой немного походил на мулата и выказывал темперамент, скорее, флегматичный. Кроме этих двоих, был еще Хосе, стопроцентный горец. Кожа его была цвета меди, волосы жесткие и черные, словно конская грива, а в венах не текло и капли испанской

крови. Но его совершенно не мучили комплексы – напротив, казалось, он горд своим происхождением.

– Я – с гор, – говорил он, пожимая плечами, если Пепе и Худой начинали слишком много болтать об испанском наследии и общественной выгоде.

Когда парни решили, что Мигель – свой парень, они перестали секретничать. Быстро стало ясно, что и Хосе, и Худому глубоко наплевать на идеалы народной революции, социальной справедливости и неравного распределения благ. Оба юноши не скрывали перед новым своим коллегой, что, как и он, рассчитывают на приличное место и на кучу денег. Только Пепе казался по-настоящему увлеченным – или, по крайней мере, таким притворялся.

– У богатых есть все, а у бедных – ничего, – горячился он. – Нужно силой отобрать средства у капиталистов, мучителей нашей прекрасной земли, и раздать все людям.

– Ясное дело, Пепито, – хихикал Худой – Я охотно выступлю от имени народа, когда будут что-нибудь раздавать.

– Я тоже! – смеялся Мигелито.

Пепе раздраженно отмахивался.

– Вы социально несознательные личности, – бурчал гневно, но через миг и сам начинал хихикать.

Диас полюбил своих товарищей из молодежи. Вместе они составляли тексты выступлений, читали Маркса и Ленина, печатали листовки и брали из кассы организации столько, сколько удавалось оттуда выदाвить.

Пока все шло как по маслу.

Форфакс часто навещался к ним, помогал шлифовать тексты посложнее, порой даже забавы ради стоял за печатным станком. Всегда приносил хороший виски и кубинские сигары. Однажды Мигель из чистого интереса спросил, отчего они терпят рядом с собой этого гринго из мерзкой капиталистической Америки и не мешают ли контакты с чужеземцем в глазах партии, но Пепе только постучал себя пальцем по голове.

– Брат, что ты плетешь? Какой такой гринго? Это же наш человек, крупный делец и крутой пацан из самой Франции! Родины социальной революции!

Худой глянул на Диаса каким-то размытым, масляным взглядом.

– Может, из Франции он и приехал, но он – испанский боевик, настоящий коммунист, сражался с режимом Франко. Не обижай его этим «гринго», Мигелито. Что тебе вообще в башку ударило?

Мигель хотел спросить, каким таким образом Генри Форфакс, который выглядел на тридцать пять, мог участвовать в антифранкистском подполье, но предпочел прикусить язык. Как видно, здесь в ход пошли дьявольские фокусы, а он своего благодетеля выдавать не собирался.

Прошло немного времени, и Диас стал членом партии. Тогда он напился вместе с новыми друзьями до потери сознания. Вместе с ними праздновал и Форфакс, который в бане пел «Марсельезу» и цитировал Мильтона⁸. Демон, сколько бы он ни выпил, до положения риз не напивался, чего, увы, нельзя было сказать о молодых членах коммунистической партии.

На следующий день в страшном похмелье Мигель узнал, что ему придется ехать в провинцию, говорить речи перед народом. В панике он мигом протрезвел и до вечера ходил, словно отравленный.

В апартаменты демона он приволокся ближе к полуночи, несчастный и обессиленный.

⁸ «Марсельеза» – самая знаменитая песня Великой французской революции. Мильтон – английский поэт, политический деятель и мыслитель, среди прочего – автор поэмы «Потерянный рай», посвященной падению ангелов и грехопадению человека. – *Примеч. ред.*

– Я не смогу! – стонал, разбитый, в отчаянье разводя руками. – Я не хочу никаких речей! Я из себя и слова не выдавлю, когда на меня глядят! Это катастрофа, сеньор Генри!

– Спокуха. – Форфакс сидел в глубоком кресле, уперев ноги в столешницу. – Не дергайся так. Я поеду с тобой.

– И что? Даже если бы вы влезли со мной за трибуну и держали за руку, словно ребенка, я бы все равно не справился, сеньор!

Демон затянулся сигарой.

– Расслабься, парень. Сколько раз тебе повторять? Не пори горячку. Я всем займусь. Выйдешь туда, откроешь рот и – фью... слова сами польются. Ты ведь, думаю, слышал об одержимых, да? Я просто безболезненно проникну в твой мозг и все решу. Вот увидишь, заговоришь, как апостолы в Пятидесятницу, Мигелито. Как истинный коммунистический пророк. Я очень даже недурной оратор, поверь.

Диас с сомнением глянул в прищуренные зеленые глаза гринго. До этого времени демон ни разу не подводил его, но как знать? В конце концов, это ведь дьявол. Да и идея с одержанием не слишком-то ему нравилась.

– Ну, что за лицо, а? – засмеялся Форфакс. – Не бойся, я уйду, как только все закончится. Поверь мне, братишка. Захоти я тебя одержать всерьез, сделал бы это уже тысячи раз. Да и зачем мне это? Твоя физиономия мне не к лицу. Нынче я выгляжу ровно так же, как и тысячи лет назад, – и меняться не собираюсь.

Мигель закусил губу. Гринго говорил правду. И он уже столько для Мигеля сделал. Зачем бы ему утруждать себя, не будь он настоящим другом? Диас никак не сумел бы заставить его выполнить обещание, запечатленное в договоре.

И этот несчастный язык. Без помощи Форфакса его выступления точно завершатся катастрофой.

– Ладно, – согласился он со вздохом. – Будешь за меня говорить.

Демон подмигнул с пониманием, поднимая вверх большой палец.

– Прекрасное решение, так держать. Ты не пожалеешь, Диас. Клянусь.

* * *

Сердце Мигеля, когда он подходил к трибуне, трепетало, словно ночной мотылек у свечи. Ему казалось, что лестница ведет на эшафот. На горле чувствовал удавку, в голове пустоту. Глянул на гринго, который небрежно опирался о ствол дерева.

«Помоги мне, Дева Мария», – молился он про себя. Лишь бы демон понимал, что делает!

На главной площади городка перед трибуной собралась горстка любопытных. Несколько женщин в цветных платках, с неизбежными котелками на головах и с подарками Мамы Коки за щеками, а также – старый индеец, группка грязных детишек да подвыпивший гаучо. Малышня хихикала, толкала друг друга локтями в ожидании развлечения. Почти голый паренек от нечего делать шаркал ногами, поднимая клубы пыли с утопанного майдана. В жаре жужжали мухи.

Диас видел все необычайно отчетливо, замечая любую мелочь. Нужно было уже начинать, открывать рот – а он не мог. Молча сглатывал густую липкую слюну.

Наконец, увидав метиску, которая, оторвавшись от группки женщин, пожала плечами и, ворча себе под нос, пошла домой, собрал в кулак всю свою отвагу.

– Товарищи! – начал он тоненьким, хриплым от дрожи голосом.

А потом случилось чудо. Неудержимым потоком потекли мудрые, истовые, глубокие слова о притеснении, несправедливости и о праве всякого человека, пусть бы сколь угодно бедного, на достоинство и счастье. Мигель говорил вдохновенно, искренне, от сердца. Люди

слушали, словно загипнотизированные, каждое слово падало прямым в их души, потрясло их суть. Это были простые, пронзительные, хорошо понятные истины, сказанные без надруга, искусственности или фальши.

Слушателей прибывало. Подтягивались из домов, с улиц, магазинчиков и базаров, привлеченные небывалой силой слов. Скоро они заполнили всю площадь и окрестные закоулки. Толкались на стенах, окружавших рынок, некоторые даже залезали на деревья и крыши. На всех лицах читались удивление, воодушевление и искренняя любовь. И лишь один-единственный гринго, опершись о ствол хлебного дерева, выглядел так, словно дремал стоя.

Когда Диас закончил говорить, ошарашенная, вдохновленная толпа, крича, стянула его с трибуны и на плечах понесла в таверну. Мигелито сделался народным героем.

А Форфакс поднял веки и улыбнулся триумфально. Он даже не надеялся, что развлечение с одержимостью принесет ему столько забавы.

– Это точно стоит повторить, – пробормотал он, потянувшись за сигарами.

И повторил. Да так результативно, что за полгода Мигель Диас стал любимцем народа. В газетах и на плакатах появились снимки симпатичного метиса, его блестящие реплики, точный анализ, вдохновляющие, простые речи разошлись на цитаты. Диас клеймил бездушную бюрократию, возмущался всевластием чиновников, громил расовые проблемы, рассказывал об обязательном образовании и о социальных инициативах, рыдал над бедностью, безнадежностью, затравленностью рабочих и простых людей, трудящихся в поте лица своего, на каждом шагу подчеркивая, что сам он по происхождению – горец из бедной простой семьи, и не хватает ему как образования, так и положения. За все это его любили, уважали и ценили.

Не пойми когда, рядом с гранитным, негибачим, словно статуя, Эль Президенте возник глубоко человечный, заботливо склоняющийся над всякой несправедливостью и бедностью новый коммунистический святой.

* * *

Большой плазменный телевизор тихонько шумел, громкость была прикручена почти до ноля. На экране Мигель Диас с вдохновенным, искривленным отчаянием лицом страдал над социальной несправедливостью, бия себя в грудь и признаваясь, что даже в лоне партии случаются перекося и что много еще необходимо сделать, хотя путь, по которому все они идут, верный и светлый. Эль Президенте делает все, что в его силах, чтобы исправить ситуацию в стране, но ведь родился он всего лишь человеком. Мигель знает, что ситуация грозит страшными потрясениями, что она невыносима, что необходимо сейчас же перейти к действиям, но он просит о терпении. Он молит о недолгом терпении, товарищи и братья по нужде, с отчаянием в сердце, ибо понимает, как им непросто. Но знает он и то, что должен их об этом молить. Эль Президенте трудится днями и ночами, не спит, едва жив от усилий, чтобы навести порядок, помочь всякому страждущему бедняку в стране. Нужны ему помощь, лояльность, благодарность и любовь народа, чтобы мог он исполнить превышающее его силы задание. Да, любовь и доверие тут наиважнейшие!

Тонкий смуглый палец нажал на кнопку пульта, и Мигель замолчал. Жестикулировал теперь на экране, открывая и закрывая рот, словно вынутая из воды рыба, сделавшись вдруг смешным, как персонаж из фильма.

Эль Президенте поднял голову и взглянул прямо в серые неподвижные глаза Переза, шефа безопасности.

– И что ты об этом думаешь? – спросил, указав подбородком на телевизор.

Перез чуть снижал плечами.

– Маленький негодник изо всех сил пытается выбиться наверх. Это парень из низов, которому внезапно повезло. Он, кажется, и сам напуган своим неожиданным вознесением. У него нет дурных намерений, но он и вправду слишком популярен. Предлагаю подрезать ему крылышки, господин президент.

Диктатор в молчании барабанил пальцами по ручкам кожаного кресла.

– А кто этот белый, вон, рядом с Диасом? Он всегда крутится неподалеку?

Перез прищурился, чтобы лучше рассмотреть размытое, скрытое в толпе лицо Форфакса.

– Это обычный гринго, сеньор президент, – сказал он презрительно. – Никаких агентурных связей ни с одной из разведок или с большим бизнесом. Просто пена, жертва жизненного кораблекрушения.

Темные глаза диктатора опасно сузились.

– Да, – прошипел он. – Наверняка жертва. Принесенная к нам издалека.

* * *

Когда с грохотом вылетели двери, друзья вскочили из-за стола, решив, что началось землетрясение. И правда, доски пола сотрясались – но под сапогами ворвавшихся в комнату солдат. Они разбежались по углам, словно тараканы. Черные, грохочущие снаряжением, похожие друг на друга из-за шлемов на головах – они напоминали роботов. Миг – и юношей схватили. Никто и шевельнуться не успел. На парней и Форфакса уставились мертвые, одноглазые рыла автоматов.

Они ждали чего угодно, но не этого. Не группы захвата.

Мир словно перекувыркнулся и повис вверх ногами. Или Эль Президенте сошел с ума. Другого объяснения и быть не могло.

Мигель и Хосе распахнули от удивления рты, не в силах выдать из себя ни слова. Только Пепе успокаивающе протянул руки, бормоча что-то о товарищах, верности и ужасном недоразумении.

И тогда в помещение вошел высокий статный офицер. Выдвинув подбородок, встал посреди комнаты, глядя на арестантов глазами голодной кобры.

Форфаксу эта сцена с армейскими вдруг показалась до неприятного знакомой. На короткий миг демон почувствовал исключительно скверное, раздражающее дежавю, но быстро понял, что происходит на самом деле. Замер со стаканом виски в руках, а по хребту его пробежала мелкая холодная дрожь. Он мгновенно оценил ситуацию. Сомнений быть не могло. Это случилось снова. Он опять не отступил вовремя.

«Почему? – подумал он с отчаянием. – Я ведь так, сука, осторожничал!»

Теперь анализировать было слишком поздно. Нужно заниматься спасением задницы. Выбрать момент и смыться. Жаль. Не удалось и на этот раз.

Он старался не бросаться в глаза и – в идеале – не двигаться, словно арест совершенно его не касался.

Пока что он молча смотрел на происходящее, ожидая возможности сбежать.

Зато парни наконец-то вышли из ступора и хором принялись выкрикивать офицеру уверения в своей невиновности. Один из солдат как раз усмирил Пепе, ударив его прикладом в солнечное сплетение, и тогда Форфакс осмелился сунуть руку в карман. Нашупал там маленький катышек.

«Мне жаль, Мигелито, – подумал, мимолетно глянув на искривленное недоверием, бледное, словно мелом обсыпанное лицо метиса. – Ничем не могу тебе помочь. Прощай, старик».

Почти незаметным движением пальцев он бросил бумажку на пол, наступил на нее.

– Сила! – прошептал почти немо.

Но ничего не случилось. Микроскопическая пентаграмма, накарбанная на бумажке, не открыла перехода. У Форфакса на висках выступил ледяной пот. Он не понимал, что происходит. Ничего вообще не понимал, чтоб его!

– Забрать оборотней! – услышал он резкий, словно щелканье пистолетного курка, приказ офицера.

Форфакса захлестнула высокая волна паники. Он сильнее придавил бумажку ногой.

– Сила! – повторил громче.

Ничего не случилось. Хосе помог подняться давящемуся стоном Пепе, Худой трясся, словно в лихорадке, а Мигель напряженно всматривался в зеленые глаза своего опекуна. Но Форфакс о нем даже и не думал. Он отчаянно прикидывал, что теперь делать.

«Платок!» – понял с облегчением.

Осторожно потянулся к другому карману пиджака. Пальцы у него дрожали, когда вытаскивал украшенный монограммой кусок материи. В основу его были вплетены нити из ковра-самолета. Маловато, чтобы эвакуироваться на безопасное расстояние – но, по крайней мере, он покинет эту чертову комнату.

Форфакс сжал тряпочку.

– Сила! – прошептал.

И охнул от отчаянья, поскольку и на этот раз ничего не случилось.

«Мне конец», – понял он вдруг.

Потому что этот образчик офицера безопасности перевел на него холодные, словно тюремный душ, глаза.

– Следите за гринго, – рявкнул. – Это шпион!

Форфакс затрясся от страха. Он все еще не отошел от шока, вызванного бессилием его магии.

– Отнюдь! – крикнул. – Я гражданин Бездны! То есть Евросоюза! Или Соединенных Штатов! Будет международный скандал! НАТО обо мне вспомнит! И Люцифер! Вот увидите! Вы не можете меня арестовать!

– Можем, – мерзко улыбнулся офицер. – Забрать его! Это приказ Эль Президенте!

Но Форфакс не слушал. Отступал перед солдатами, складывая пальцы в магические заклинания и чувствуя все большую панику.

– Я наложу на вас проклятие! Вас порвут адские псы! Кровь у вас сгниет в венах, и лопнут глаза! Женщины станут смеяться над вашими жалкими, маленькими, вялыми морковками! Я дьявол, вы слышите?! Агла! Агла! Агла! Эрзла! Эрзла! Эрзла! Сука, почему ничего не действует?

Вот этого он понять не мог. Случилось что-то ужасное. Некая мрачная сила высосала все магические способности Форфакса. Был он сейчас перепуганным безоружным гринго.

Как раз накладывал проклятие семи адских узлов, когда увидел приклад автомата. В голове демона вдруг взорвалась комета, а потом настала глубокая, беззвездная ночь.

* * *

Очнулся он, когда килограмм битого стекла в черепе принялся опасно пересыпаться ото лба к затылку. Ему было нехорошо, в висках чувствовал невыносимое давление, во рту – металлический привкус крови. Неохотно приоткрыл глаза.

На миг показалось, что он снова сидит в подвалах под Пандемониумом. Но призрачный оранжевый проблеск, врывающийся сквозь маленькое зарешеченное окошко, исходил не от поверхности озера Пламени. Был это всего лишь фонарь.

Он лежал на бетонном полу под обшарпанной стеной камеры. Когда попытался подняться, остатки кометы снова затанцевали в голове так, что он аж застонал от боли.

– Похоже, он приходит в себя, – раздался тихий голос Пепе. – Слава Богородице. Я уж думал, что его прикончили.

– Не переживай, – проворчал Хосе. – Нас всех прикончат. Вот увидишь.

– Не накаркай! – рявкнул Пепе, придвигаясь к Форфаксу. – Эй, гринго? Ты меня слышишь?

Демон сумел слегка приподняться на локтях.

– Есть вода? – прохрипел.

Голос его напоминал звук столетнего мотора.

Скорченный в углу Хосе пожал плечами.

– Откуда. Гостеприимство нашего Эль Президенте не настолько велико.

Форфакс застонал снова, прикрыв глаза. Давно не чувствовал себя так скверно.

«Отчего Асмодей меня не убил? – подумал с печалью. – Надо смотреть правде в глаза. Я слишком глуп, чтобы жить. Снова все уплыло у меня из рук».

Когда он опять расклеил веки, увидел над собой гневное лицо Мигеля.

– Почему ты ничего не сделал? – спросил тот обвиняюще. – Ты ведь Эль Сеньор! Властелин мира! Почему ты их не поубивал?

– Потому что я пацифист, – рявкнул демон в ответ.

Злость придала ему сил. Он презрительно фыркнул, поскольку на лице Мигеля застыло выражение недоверия.

– Правда? – буркнул неудавшийся карьерист.

Форфакс приподнялся на локтях.

– Да что ты себе думаешь? Что я просто стоял там, таращась, словно индеец на коку? Я все время пытался спасти наши задницы. Не удалось! Ничего не сумел сделать! Не знаю, что случилось. Магия не действует. Не спрашивай отчего. Наверное, кто-то меня проклял. А теперь – заткнись. Я должен подумать.

Диас поджал губы.

– Раньше нужно было думать! Это все из-за тебя и из-за тех сраных проповедей! Что, просил тебя кто-то, чтобы я стал национальным героем? А?!

Демон даже уселся. Зеленые глаза его горели яростью.

– Да! Ты! Ты сам! Что, не помнишь?! Ты подписал договор, негодяй! Хотел денег и положения в обществе! А я тебе все это дал! Ты жил рядом со мной, как король! Тебе никогда раньше не было так хорошо. Я заботился о тебе, словно ты какой проклятуший Вениамин⁹! Ходил вокруг тебя, как вокруг гнилого яйца. Претензии не по адресу, засранец!

Мигель опустил глаза.

– Прошу прощения, – пробормотал. – Ты прав. Меня понесло. Я просто боюсь. Не знаю, как теперь быть. Это какой-то проклятуший кошмар.

– А то, – прохрипел Форфакс.

Худой, Пепе и Хосе слушали их с раскрытыми ртами.

– Рехнулись, – решил Худой, крутя головой. – Что вы там мелете? Какая такая магия, каррамба! Не время для суеверий.

– Заткнись! – одновременно рявкнули демон и Мигель.

Пепе открыл рот, чтобы что-то добавить, но в эту минуту щелкнул замок двери. Узники замерли. Боялись даже пошевелиться. В полосе света, падающего из коридора, фигура стражника казалась неестественно огромной и страшной.

⁹ Вениамин, или Биньямин – согласно Ветхому Завету, так звали младшего сына Иакова и его любимой жены Рахили. После родов Рахиль скончалась, Вениамин же стал любимым сыном Иакова. – *Примеч. ред.*

– Ты, гринго! На выход!

Слова обрушились на больную голову демона, словно лавина. Миг он не понимал, что это означает. Ошеломленный, таращился на солдата.

Мигель и Пепе сразу же отодвинулись в противоположный угол, показывая, что не имеют со шпионом ничего общего.

– Вставай! – стражник шагнул в камеру, которая сразу сделалась очень маленькой, душной и пугающей. – Быстрее, сукин сын. А не то я начну нервничать.

Форфакс так сильно не хотел, чтобы солдат нервничал, что, несмотря на слабость и головокружение, мигом вскочил на ноги. Даже не заметил, когда его вытолкнули в коридор и поволокли в неизвестное, зловещее будущее.

* * *

Путь свой он помнил, словно страшный сон. Его толкали, сажали в машину, везли пустыми широкими улицами. Авто останавливали, они проезжали какие-то посты, всюду полно было солдат, собаки скалили белые слюнявые клыки.

«Это не по-настоящему», – повторял он себе.

Но хотя изо всех сил старался проснуться, пугающий бред не хотел развеиваться, даже в медленно наливающимся рассвете.

* * *

– Можешь выйти, Перес, – сказал диктатор.

Шеф безопасности заколебался, с рукой на дверной ручке.

– Сеньор президент, а это хорошая идея?

Темноволосый мужчина смерил его холодным взглядом.

– Это приказ, Перес. Ты понял? Если я узнаю, что ты оставил возле камер или на прослушке хоть одного человека, будешь осужден за измену. Никто не имеет права знать, о чем я стану разговаривать с этим гринго. Ясно?

– Да, сеньор, – Перес хорошо знал это яростное выражение лица командира.

И был бы сумасшедшим, чтобы сказать хотя бы слово против. Он старательно закрыл дверь, а потом рефлекторно ослабил воротник рубахи. Иногда Эль Президенте удивлял даже его.

Диктатор, устроившись в большом кожаном кресле за столом красного дерева размером с аэродром, глядел на Форфакса с издевательской ухмылкой на губах. При одном виде его гримасы в венах у демона стыла кровь. Все это выглядело нехорошо.

А если честно – дерьмово оно выглядело.

Уже в тот миг, когда дверь в кабинет президента отворилась, Форфакса захлестнула мощная магическая волна. Она исходила от фигуры диктатора, тяжелая и мрачная, словно мощный одеколон. Вот только речь тут не шла о чем-то приземленном, вроде чар. Сила Эль Президенте буквально придавливала бедного демона.

Наверняка такого уровня силу не мог бы вырабатывать простой человек. Да и никто из людей – и поняв это, Форфакс чуть не потерял сознание от страха.

У него снова проблемы. Но на этот раз шансов вывернуться было слишком мало.

Красивое, загорелое лицо диктатора оставалось неподвижным, как статуя. Только по губам скользила вредная улыбочка, мерзкая, словно извивающийся червяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.